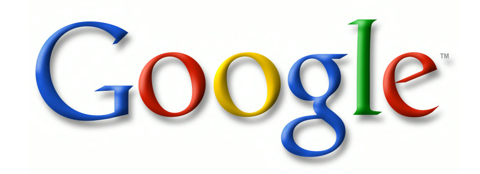
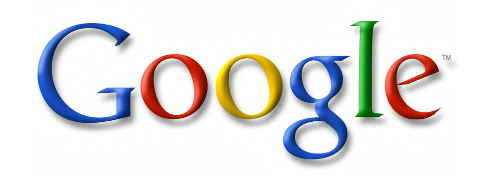
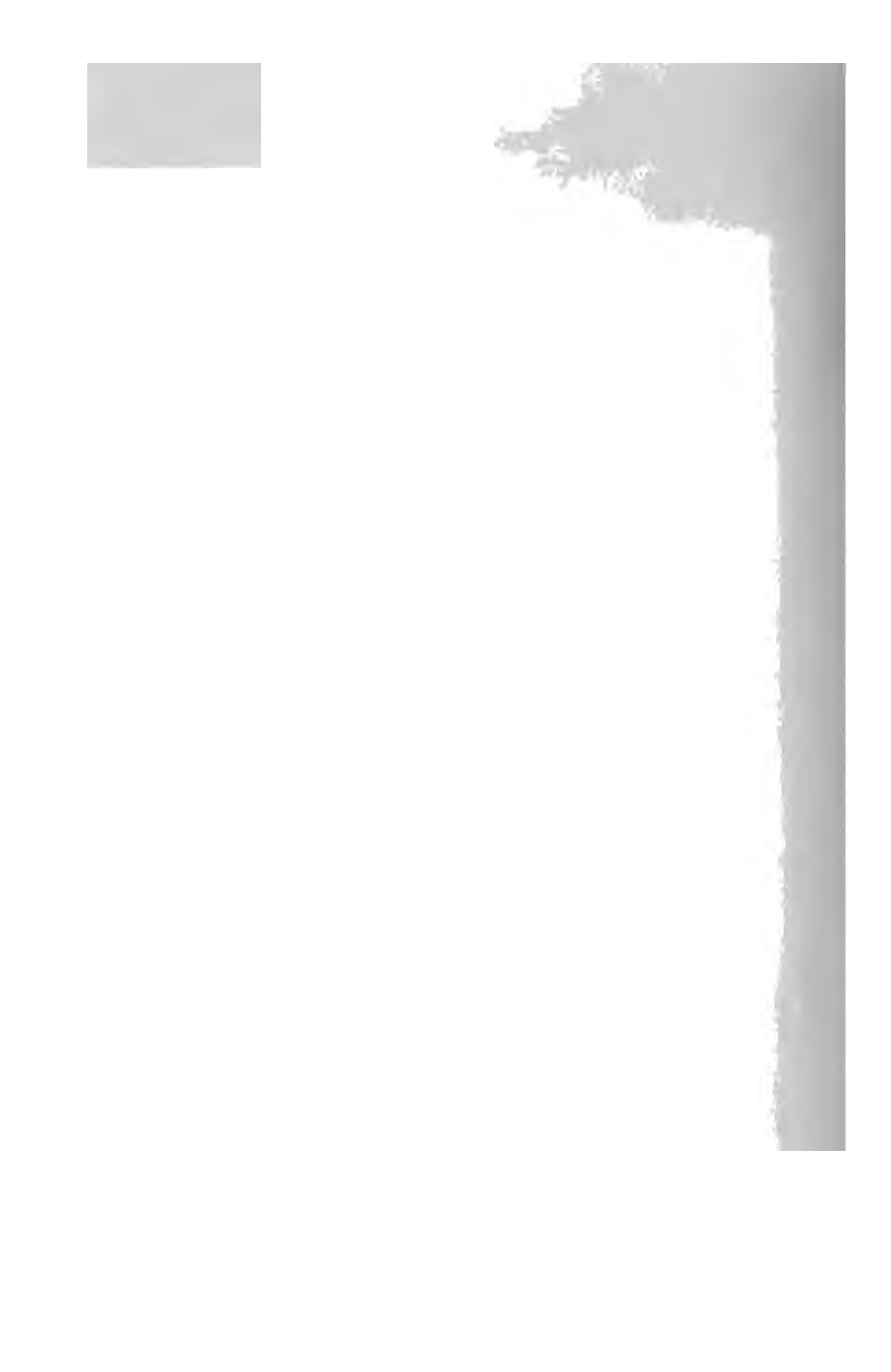

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАННЫЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Е. РУМЯНЦОВА,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ,

СЪ 3-МЯ ЛИТОГРАФИЧЕСКИМИ СНИМКАМИ И ПОЛИТИПАЖЕМЪ.

МОСКВА.
1874.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отвѣтственное лицо Гр. А. С. Уваровъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Воздухъ

СЪ ВЫШИТЫМЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ПОЛОЖЕНІЯ СПАСИТЕЛЯ ВО ГРОБЪ,

пожертвованный 1601 г. въ русскій Тихвинскій монастырь

И НАЙДЕННЫЙ ВЪ БЫСТРИЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ ВЪ ВАЛАХІИ.

Дѣйств. члена А. І. Одобеско. *

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

Быстрицкій монастырь, находящійся въ Вальзейскомъ округѣ (въ Малой Валахіи), въ долинѣ бурливой рѣчки Быстрицы, былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ и богатыхъ монастырей Румыніи (1). Онъ основанъ въ 1497 г. баномъ Краевы (воеводой Малой Валахіи) Барбо, изъ знаменитаго рода Бассарабовъ, при помощи трехъ его братьевъ: дворниковъ Перва и Донча и постельника Радо (2). Всѣ они были сыновьями бана Негоя Бассараба и дядьями валахскаго князя Негоя Добраго, который со-

---

*) Въ заглавіи и текстѣ этой статьи, написанной на французскомъ языкѣ, авторъ называетъ описываемую имъ церковно-служебную вышитую пелену плащаницею: «Note sur un Saint Suaire ('Επιτάφιον, плащаница)» и проч. Редакція нашла нужнымъ удержать за этою пеленою названіе: «Воздуха», которое ей дано въ самой вкладной надписи, на ней вышитой: ѲІИ ВОЗДУ҃, и которое подтверждается ея малымъ, сравнительно съ нашими плащаницами, размѣромъ: въ натурѣ она только въ 6 разъ больше сдѣланнаго съ нея снимка (на таб-

орудилъ около 1520 г. великолѣпную церковь въ Арджешскомъ монастырѣ—образцовое произведеніе румынской архитектуры (3). Память объ этомъ благочестивомъ родѣ основателей сохранилась въ Быстрицкомъ монастырѣ, гдѣ уцѣлѣло нѣсколько граматъ или хартій, подтверждающихъ ихъ богатые дары въ видѣ земель, виноградниковъ, рабовъ, привилегій и т. д., и сверхъ того,—множество надписей на зданіяхъ, гробницахъ, священныхъ сосудахъ, колоколахъ, облаченіи, драгоцѣнныхъ рукописяхъ и печатныхъ служебныхъ книгахъ, которыя были пожертвованы боярами и князьями Бассарабами основанному ими монастырю (4). Мѣстная легенда передаетъ, что банъ Барбо, будучи въ плѣну у невѣрныхъ въ Турціи, далъ обѣтъ св. Прокопію воздвигнуть великолѣпный монастырь, если онъ освободитъ его отъ оковъ. Ночью св. Прокопій перенесъ вѣрующаго узника незамѣтно для него, чудеснымъ образомъ, къ подошвѣ той самой высокой горы, у которой благочестивый бояринъ и выстроилъ монастырь Успенія Пресвятой Богородицы. Въ этомъ монастырѣ онъ окончилъ свои дни, постригшись въ монахи подъ именемъ Пахомія (5). Однако, надо полагать, что эта мѣстность имѣла религіозное значеніе гораздо прежде основанія монастыря баномъ Бассарабомъ. Преданіе говоритъ, что обширная пещера, находящаяся на горѣ, въ утесистомъ Быстрицкомъ ущельѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ позади монастыря, была съ незапамятныхъ временъ убѣжищемъ благочестивыхъ христіанскихъ отшельниковъ. Эта пещера, доступъ къ которой весьма труденъ и скрытъ въ горѣ, служила для сохраненія отъ грабежа и истребленія многихъ монастырскихъ драгоцѣнностей, которыя монахи поспѣшно поднимали туда посредствомъ блока каждый разъ, когда страна опустошалась врагами Румынскаго народа и православной вѣры.

Такимъ образомъ въ Быстрицкомъ монастырѣ сохранилось болѣе всѣхъ монастырей Румыніи старинныхъ вещей: священныхъ сосудовъ и утвари, церковной одежды и шитья, рукописей и печатныхъ книгъ и т. п. Всѣ эти вещи принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ, начиная

лицѣ I). Воздухомъ называется у насъ, какъ извѣстно, самый большой изъ трехъ покрововъ, полагаемыхъ при литургіи на Св. Дары: имъ накрываются, поверхъ малыхъ покровцевъ, и потиръ и дискосъ. Отсюда произошло и самое названіе этаго большаго покрова, который, по замѣчанію св. Германа архіеп. константинопольскаго, облегаетъ Св. Дары на подобіе воздуха, окружающаго землю (Du Cange. Glossar. med. et infimae graecitatis, подъ словомъ: 'Αήρ). По изъясненію Симеона Солунскаго и другихъ церковныхъ писателей, воздухъ означаетъ также погребальную пелену, въ которую обвито было тѣло Христово при положеніи во гробъ, почему у Грековъ и южныхъ Славянъ этотъ покровъ называется и 'Αήρ (воздухъ) и 'Επιτάφιον (гробная пелена, плащаница). По этому послѣднему значенію воздуха, на немъ иногда вышивалось, какъ на нашемъ Тихвинскомъ, такое же изображеніе, какое встрѣчается и на нѣкоторыхъ плащаницахъ, т. е. положеніе тѣла Христова во гробъ, по снятіи со креста.

Примѣч. ред.

съ XIV вѣка и кончая XIX-мъ. Нѣкоторыя изъ нихъ привезены сюда изъ очень отдаленныхъ странъ, какъ напр: Византіи, Италіи, Германіи, Сербіи, Польши и даже Россіи. Надо прибавить, что мощи св. Григорія Декаполита, съ XVI в. почивающія въ этомъ монастырѣ въ красивой серебряной съ позолотою ракѣ, привлекаютъ и донынѣ множество богомольцевъ въ эту мѣстность, украшенную притомъ, еще прежде рукъ человѣческихъ, дикими красотами природы (6). Въ 1860 году, будучи назначенъ Румынскимъ правительствомъ произвести изслѣдованія и развѣдки во многихъ древнихъ монастыряхъ, я въ первый разъ привелъ въ извѣстность археологическія богатства, находившіяся въ Быстрицѣ, и представилъ объ нихъ министерству подробный отчетъ. Въ настоящее время,—такъ какъ монастырскія имущества закономъ были секуляризованы въ нашей странѣ,—всѣ предметы, имѣвшіе цѣну по своей древности, обогатили собою музей, архивы и публичную библіотеку въ Букарештѣ. Такимъ образомъ въ нашемъ музеѣ, между другими любопытными вещами изъ Быстрицкаго монастыря, находится въ настоящее время русскій воздухъ (ἐπιτάφιον), который я, къ удивленію своему, открылъ въ 1860 г. На этомъ воздухѣ, поперегъ, славянскими вязаными буквами въ три строки вышита серебромъ слѣдующая надпись:

БЖІЮ МИЛТИЮ. ПРИ ДЕРЖАВѢ ГДРЯ ЦРЯ І ВЕЛИКОГО КНЗЯ БОРИСЯ ѲЕѠДОРОВИЧЯ ВСИЯ РУСИ САМОДЕРЖЦЯ. И ПРИ Е БЛОВѢРНѢ ЦРЦЕ И ВЕЛИКО КНГИНИ МАРЬЕ ГРИГОРЕВНЕ

И ПРИ И БЛГОРОДНЫ ЧАДѢ. ЦРЕВИЧЕ ѲЕѠДОРѢ БОРИСОВИЧЕ И ЦРЕВНЕ КСЕ-НИИ БОРИСОВНЕ ДАЛЪ СІИ ВОЗДУХ В ДОМ ПРЕЧТЫЕ БЦИ ТИХВИНСКАГО МОНАСТЫРЯ ГДРЯ ЦРЯ

И ВЕЛИКО КНЗЯ БОРИСЯ ѲЕѠДОРОВИЧЯ ВСЕЯ РУСИ ПОСТЕЛНИЧЕ НА-МѢСТНИК ТРЕТИ МОСКОВСКІЕ ХАРИТО А ПРОВИЩЕ ИСТОМА ѠСИПОВИЧЬ БЕЗОБРАЗО ПО СВОЕ ДШЕ И ПО СВОЕ ЖЕНѢ ЕКАТЕРИНЕ ПЕТРОВНЕ: ЛѢТА: ҂ЗРА.

Какимъ образомъ эта церковная принадлежность, которая должна была бы остаться въ той церкви, въ которую она пожертвована, могла быть взята изъ русскаго монастыря и перенесена за нѣсколько тысячъ верстъ въ монастырь валахскихъ Карпатовъ? Вотъ вопросъ, на который не даютъ отвѣта ни документы, ни преданія Быстрицы. Можетъ быть, въ Тихвинѣ найдутся указанія на тѣ сношенія, которыя могли существовать между нашей страной и этимъ знамени-

тымъ монастыремъ (если я не ошибаюсь) Новгородской губерніи. Эти сношенія, какъ мнѣ кажется, подтверждаются еще очень древнимъ образомъ Пресвятой Богородицы, который хранился съ давнихъ поръ у одного изъ самыхъ старинныхъ родовъ Валахіи—у бояръ Вакареско, и по родству перешелъ ко мнѣ. На этомъ образѣ, несомнѣнно древнемъ и написанномъ на доскѣ очень грубо и неправильно, находится въ двухъ кругахъ на верху и въ четыреугольникѣ на лѣвой сторонѣ надпись: МР ѲУ ТХНЦА, въ которой, мнѣ кажется, можно узнать названіе Тихвинской Богородицы, хотя нѣсколько и испорченное (7). Эту рѣдкую святыню нашли, болѣе 150 лѣтъ тому назадъ, въ фундаментѣ вѣковаго замка, въ одномъ изъ помѣстій Вакареско (8). Но возвратимся къ Воздуху, который составляетъ главный предметъ нашей статьи. Не пытаясь проникнуть въ его таинственную исторію, я постараюсь описать его по возможности такъ точно, чтобы это описаніе могло дополнить недостаточность фотографіи, которую я прилагаю къ моей статьѣ (таб. I). Воздухъ представленъ на ней въ шесть разъ менѣе его настоящаго размѣра.

Среднее изображеніе на немъ съ вкладною надписью, вышито по красному атласу и обшито вокругъ, въ видѣ рамки, темноголубыми атласными полосами, на которыхъ помѣщены медальоны. По срединѣ главнаго изображенія представлено золотое ложе или погребальная подкладка, на которой распростерто тѣло Христа. Узкія полосы, составленныя изъ противуположныхъ другъ другу треугольниковъ, вышитыхъ попеременно золотомъ, серебромъ и свѣтлозеленымъ, розовымъ и блѣдно-голубымъ шелками, окаймляютъ это ложе съ боковъ. Тѣло Христа вышито очень частымъ и мелкимъ швомъ, тѣлеснаго цвѣта шелкомъ, съ абрисомъ чертъ лица и членовъ изъ чернаго и темнокраснаго шелку; на колѣнахъ и на правомъ плечѣ, шелкомъ тѣлеснаго цвѣта, изображены очень сжатыя спирали, образующія круги и дѣлающія какъ-бы выпуклыми эти части. Возвышенія на груди означены выпуклымъ швомъ. Вѣки Христа закрыты; длинные и распущенные волосы и борода вышиты коричневымъ шелкомъ, перемѣшаннымъ изобильно съ золотыми нитками. Руки, кончающіяся слишкомъ малыми по размѣру тѣла кистями, съ раздвинутыми пальцами, скрещены на короткомъ серебряномъ препоясаніи со складками, которое идетъ вокругъ всего стана, не закрывая колѣнъ. Внизу ложа находится серебряная погребальная пелена, въ которую должны быть завернуты священные останки въ гробу. Она представлена въ видѣ небольшой груды, передъ которой преклоняются съ той и другой стороны по одному ангелу, въ вѣнцахъ и въ діаконской одеждѣ изъ золота и серебра, съ распущенными крыльями, обшитыми по краямъ голубымъ и зеленымъ шелкомъ. Въ рукахъ у нихъ рипиды, вышитыя выпукло золотомъ.

Это предварительное поклоненіе священной пеленѣ мнѣ представляется любопытной иконографической особенностью нашего воздуха (9).

Въ головахъ у Христа, обнявъ правою рукою вѣнецъ и волосы Спасителя, сидитъ на богатомъ сѣдалищѣ Пресвятая Дѣва, приникая устами къ глазамъ своего Божественнаго Сына. Сѣдалище съ низкой спинкой и вычурными ножками, отдѣланное и украшенное въ византійскомъ вкусѣ, вышито золотомъ и серебромъ, съ каемкой изъ зеленаго шелку; единственная перекладина, которая видна, украшена тремя трилистниками изъ голубаго, розоваго и зеленаго шелку по золотому полю; подушка, на которой сидитъ Пресвятая Дѣва—изъ серебра. На Богородицѣ двѣ одежды; нижняя или stola, которая простирается только отъ колѣнъ, вышита золотомъ въ видѣ маленькихъ косоугольниковъ, отдѣленныхъ свѣтлоголубымъ шелкомъ; изъ-подъ нея видны обѣ ноги въ обуви изъ желтаго шелку, поставленныя на скамейку изъ золота и серебра съ разноцвѣтными украшеніями; верхняя риза, palla, покрывающая даже и голову,—вся изъ золота съ пущенными по немъ въ узоръ перекосными или встрѣчными молоточками, состоящими изъ золотыхъ нитей, перекрещенныхъ краснымъ шелкомъ.

Золотой вѣнецъ Пречистой Дѣвы, какъ и вѣнцы всѣхъ остальныхъ лицъ этой картины, вышитъ волнообразнымъ и звѣздообразнымъ выпуклымъ швомъ. На вѣнцѣ Христа, украшенномъ крестомъ, замѣтна на самой срединѣ буква О; остальныя буквы ω и ν священной формулы: «ὁ ὤν» закрыты окружающими предметами. Двѣ святыя жены находятся позади Пречистой Дѣвы. Одна изъ нихъ, Марія Магдалина, наклонившаяся къ тѣлу Христа, одѣта въ платье изъ парчи, въ косоугольникахъ золотыхъ и шелковыхъ свѣтлоголубаго цвѣта, которое покрываетъ и ея голову; другая стоитъ впрямь, сзади Маріи Магдалины, и поднимаетъ руки къ прядямъ темныхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ одежды, которая украшена зигзагами изъ золота и зеленаго шелку и также покрываетъ ей голову. Выше, между этими двумя изображеніями святыхъ женъ, помѣщены голова и плечи ангела съ крыльями, вышитыми серебромъ и золотомъ. Этотъ ангелъ держитъ въ рукахъ шестокрылатую рипиду. На противуположной сторонѣ, у ногъ Христа, виденъ такой же ангелъ съ рипидою въ діаконскомъ стихарѣ, но съ совершенно открытымъ лѣвымъ крыломъ, такъ-какъ три мужскія фигуры, которыя помѣщены ниже его, наклонившись надъ тѣломъ Христа, оставляютъ на картинѣ болѣе свободнаго мѣста съ этой стороны, чѣмъ съ правой. Эти три фигуры изображаютъ: ближе къ ногамъ—старца, вѣроятно св. Іосифа, съ сѣдыми волосами и бородой, одѣтаго въ платье, украшенное широкими зелеными и золотыми зигзагами, подѣленными зеленымъ пунктиромъ. Впереди его молодой безбородый человѣкъ,

св. Іоаннъ, хитонъ котораго вышитъ поперемѣнно серебромъ и золотомъ въ видѣ равноконечныхъ крестовъ, обрисованныхъ чернымъ шелкомъ. Этотъ крестообразный узоръ матеріи, кажется, самый употребительный въ старинныхъ византійскихъ рисункахъ. Онъ сохранялся, по крайней мѣрѣ у насъ, какъ завѣщанное преданіемъ древнее украшеніе церковныхъ облаченій, до XVII вѣка; это, мнѣ кажется, и есть крестчатыя ризы и gammadiae Анастасія Библіотекаря, которыя удержались навсегда въ Восточной церкви (10). Вышеописанныя двѣ фигуры простираютъ правую руку къ Христу, а лѣвую, въ знакъ поклоненія, прилагаютъ къ груди. Наконецъ, надъ ними, возлѣ ангела, помѣщается человѣкъ съ темной бородою—Никодимъ, въ платьѣ, шитомъ треугольниками, то лиловаго шелку, то изъ золота, расположенными симметрично и отдѣленными одинъ отъ другаго чернымъ шелкомъ. Между этими двумя группами (съ одной стороны св. женъ, а съ другой мужей), вверху, вышитъ золотомъ полукругъ, изъ котораго выходятъ три луча, также изъ золота, обращенные къ головѣ Спасителя. Полукругъ этотъ обрамляетъ поле, вышитое голубыми шелками, тѣни которыхъ изображаютъ какъ бы облака; посреди его—золотой кругъ, въ которомъ сидитъ, съ распущенными крыльями, серебряная птичка въ вѣнцѣ, безъ сомнѣнія—Св. Духъ. Съ той и другой стороны этого круга, находится по звѣздѣ, вышитой—одна золотомъ и желтымъ шелкомъ, а другая—серебромъ и краснымъ шелкомъ; эти двѣ звѣзды, на которыхъ какъ будто видны человѣческія лица въ профиль, изображаютъ, по моему мнѣнію, солнце и мѣсяцъ, являющіеся на небѣ справа и слѣва отъ Св. Духа. На красномъ атласномъ полѣ, оставшемся пустымъ между группами, разбросаны золотыя звѣздочки и цвѣты. Наконецъ всѣ четыре угла картины подѣлены, каждый на четверть круга, голубыми треугольниками съ облачнымъ оттѣнкомъ, посреди которыхъ, между перегибающимися крыльями серафимовъ, вышитыми золотомъ и серебромъ, можно признать, какъ кажется, символы 4-хъ Евангелистовъ: ангела св. Матѳея и орла св. Іоанна на верхней части, льва св. Марка и тельца св. Луки на 2-хъ нижнихъ углахъ. Это—тетраморфъ, раздѣленный на свои составныя части (11).

Само собою разумѣется, что лица, руки и ноги у всѣхъ окружающихъ Христа вышиты тѣлеснаго цвѣта шелкомъ, очень мелкимъ швомъ; что касается до другихъ подробностей картины и въ особенности одеждъ, то онѣ вышиты самымъ разнообразнымъ швомъ, мѣстами однимъ золотомъ и серебромъ, при чемъ швовъ расположенъ четыреугольниками, а мѣстами—шелкомъ и металлическими нитками въ перемежку. Особенно въ послѣднемъ случаѣ узоръ тканей, сдѣланный крестами, шевронами, молоточками, зигзагами или косоугольниками, отличается необыкновеннымъ совершенствомъ: такъ

правильно и вмѣстѣ такъ легко и нѣжно даетъ онъ цвѣтному шелку просвѣчивать сквозь болѣе яркія нити и точки золота и серебра. Употребленный для достиженія этого эффекта пріемъ состоитъ въ томъ, что сначала вышивали на матеріи золотыми и серебряными нитками (которыя состоятъ изъ шелковинокъ, обмотанныхъ узкими металлическими ленточками), а потомъ уже по этому шитью вышивали цвѣтнымъ шелкомъ такимъ образомъ, чтобы шелкъ былъ виденъ слегка и притомъ только на линіяхъ, обозначающихъ рисунокъ, который нужно изобразить. Въ тѣхъ частяхъ узора, гдѣ должна быть вышита только золотая или серебряная ткань, шелковыя нити основы пущены такого цвѣта и такой тонины, что выходятъ совсѣмъ непримѣтны для глаза. Впрочемъ матерія, служившая здѣсь канвой (довольно тонкій розовый атласъ), наложена на толстую холстину, чрезъ которую проходитъ весь шелкъ вышиванья такимъ образомъ, что снизу онъ образуетъ очень толстую массу.

Если этотъ воздухъ, какъ я полагаю, есть произведеніе русскаго мастерства XVI ст. (что подтверждается нѣкоторыми особенностями одежды, свойственными только русскому духовенству, на святыхъ, изображенныхъ въ медальонахъ по краямъ воздуха), то изъ этого можно заключить, что въ то время русскіе золотошвейные мастера равнялись по тонкости работы съ греческими ποικιλταί (константинопольскими, антіохійскими и другими восточными вышивальщиками) (12), которыхъ дѣло они подражательно вели далѣе, усвоивая себѣ и артистическій стиль, употреблявшійся въ это самое время въ католическихъ странахъ запада. Впрочемъ это мастерство не было ново въ Россіи въ XVI в., такъ какъ еще въ XII в. сестра Владиміра Мономаха, княжна Анна, учредила въ Андреевскомъ монастырѣ, въ Кіевѣ, школу, въ которой молодыя дѣвушки учились вышивать золотомъ и серебромъ (13). Образчикомъ искусства русскихъ вышивальщиковъ 1322 г. служитъ саккосъ или архіерейская верхняя риза владимірскаго митрополита Петра чудотворца, которая хранится въ Московской Синодальной ризницѣ (Савва Можайскій, рис. 2-й) (14). Позднѣе, бракъ царя Ивана III Васильевича (1472) съ гордой и тщеславной Софіей, племянницей послѣдняго восточнаго императора Константина Палеолога, былъ причиной, какъ извѣстно, введенія и развитія въ Россіи византійскихъ искусствъ, изъ которыхъ изготовленіе богатаго шитья для алтарей, такъ усовершенствованнаго во времена Палеологовъ (15), конечно было не послѣднимъ у такого набожнаго народа, каковы Русскіе. Дѣйствительно, съ этаго времени великолѣпіе и пышность византійскаго богослуженія перешли въ церковные обряды Русской церкви. Такимъ образомъ весьма естественно, что, болѣе столѣтія спустя послѣ того, можно было найти въ Россіи вещи такъ богато украшенныя и

такъ искусно сработанныя, какъ нашъ Тихвинскій воздухъ. Но наиболѣе поражаетъ въ этомъ воздухѣ то, что знаніе и искусство живописца, составлявшаго рисунокъ, далеко не равномѣрны съ искусствомъ вышивальщика: настолько размѣръ фигуръ, начертаніе членовъ и положеній тѣла неправильны и неловки. Въ самомъ дѣлѣ, если судить только по изящнымъ иконамъ, которыя Россія сохранила съ конца XVI вѣка, то никакъ нельзя было бы признать современнымъ имъ рисунокъ, служившій узоромъ для этаго искуснаго шитья. Нужно замѣтить впрочемъ, что всегда въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладали восточныя искусства, на вѣрность и совершенство формъ предметовъ природы, изображаемыхъ на тканяхъ и вышиваемыхъ по канвѣ матеріи, смотрѣли какъ на совершенно второстепенную вещь въ сравненіи съ тонкостью тканья и шва, въ особенности же въ сравненіи съ соотвѣтственнымъ подборомъ цвѣтовъ. Это очевидно въ шитьѣ воздуха, сработаннаго въ 1601 году для Безобразова. Дѣйствительно, въ чертахъ человѣческихъ лицъ, которыя теперь, впрочемъ, сильно испорчены ветхостью шелка, нѣтъ ни красоты, ни естественности; глаза вообще слишкомъ велики и рѣзко обшиты чернымъ шелкомъ; брови, въ особенности у женщинъ, слишкомъ выгнуты; рты, обозначенные пятнышкомъ изъ краснаго шелку, сравнительно съ другими чертами лица слишкомъ малы и круглы; носы составлены изъ двухъ очень близкихъ между собою паралельныхъ черныхъ линій, которыя закруглены на нижнихъ концахъ для изображенія ноздрей; наконецъ, вообще типы, хотя и совершенно сохраняющіе свой восточный характеръ, всетаки несоразмѣрны и безобразны. Тоже самое можно сказать и о фигурахъ, помѣщенныхъ въ медальонахъ рамки, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь. Обращая затѣмъ вниманіе на то, до какой степени сцена, изображенная на этомъ воздухѣ, соотвѣтствуетъ предписаніямъ Аѳонскаго греческаго Подлинника (16), находимъ, что позы и число лицъ не совсѣмъ подходятъ къ нему, а въ особенности, что орудій страстей Христовыхъ здѣсь вовсе нѣтъ; стало быть это—артистическій вымыселъ, уклонившійся до извѣстной степени отъ правила, строго соблюдавшагося церковными живописцами христіанскаго востока, и эта черта могла бы подкрѣпить, какъ новое доказательство, уже признанный фактъ, что въ Россіи, еще съ давняго времени, живописцы священныхъ предметовъ не считали себя обязанными рабски держаться типическихъ формъ, начертанныхъ на Аѳонѣ Панселиносомъ. Стѣнная церковная живопись, разрисовка книгъ, а также плащаницы, воздухи и другія церковныя вышивки, сдѣланныя въ Румыніи около этого же времени, гораздо строже подчиняются аѳонскимъ предписаніямъ. Зато здѣсь никогда не было, какъ у Русскихъ, особеннаго стиля церковной живописи, который, очень близко придерживаясь стиля неизмѣнно при-

нятаго, нѣсколько столѣтій тому назадъ, на Византійскомъ полуостровѣ, тѣмъ не менѣе разнится отъ него во многихъ отношеніяхъ, благодаря своеобразно развившейся живописи Корсунской школы, а позднѣе,— благодаря утонченному дарованью мастера Андрея Рублева и его учениковъ и подражателей.

Тѣмъ не менѣе я могу указать на двѣ очень любопытныя пелены въ Бухарестскомъ музеѣ, которыя, хотя сработаны въ Румыніи въ разное время и имѣютъ различные размѣры, но также отдаляются отъ типическихъ образцовъ, указанныхъ въ Ἑρμηνεία τῆς Ζωγραφικῆς и даже еще болѣе, чѣмъ Тихвинскій воздухъ. Первая изъ нихъ, относящаяся къ 1396 г., принадлежала древнему монастырю Козіа, на рѣкѣ Олто (см. табл. II). Она изъ темносиняго атласу, шитая золотомъ, серебромъ и цвѣтными шелками; на ней замѣтны мѣста многихъ драгоцѣнныхъ камней, которыми она была прежде украшена; при тѣлѣ Христа находятся только Пресвятая Дѣва и Св. Іоаннъ Богословъ, изъ которыхъ первая склонилась къ груди, а послѣдній къ ногамъ Спасителя; сзади ихъ стоятъ четыре ангела въ богатыхъ діаконскихъ стихаряхъ, держащіе двѣ шестокрылатыя рипиды и два древка съ полумѣсяцами на верху, изъ которыхъ выходятъ 4 и 5 вертикальныхъ стебельковъ (17). Вокругъ этихъ изображеній, въ видѣ рамки, вышита надпись на славянскомъ языкѣ, взятая изъ пѣсни Св. Василія, *) которая поется за обѣдней въ Страстную субботу вмѣсто Херувимской. Надпись эта оканчивается годомъ 6904-мъ, т. е. 1396. Вторая плащаница гораздо новѣе (см. табл. III); она вышита въ концѣ XVII в. для большаго монастыря Горецъ (сосѣдняго съ Быстрицкимъ) женою и дочерьми его основателя, валахскаго князя Константина Бранковано-Бассараба, который въ 1714-мъ году былъ обезглавленъ въ Константинополѣ вмѣстѣ съ своими 4-мя сыновьями. Здѣсь, при тѣлѣ Христа, сдѣланномъ изъ мелкаго жемчуга по красному бархату, изображены только два ангела съ распущенными крыльями, а между ними широкій крестъ для распятія, вышитый золотомъ и серебромъ, съ обычной надписью. На обѣихъ плащаницахъ сдѣланы греческими буквами слѣдующія надписи, на первой: ὁ ἐπιτάφιος θρἐινος, на второй: θρῆνος.

*) Надпись эта, сколько можно разобрать ее по фотографическому снимку съ пелены, воспроизведенному на табл. II, читается такъ:

да ꙋмлъчит вьсѣка плът земнаа и да стоит страхом и трепетом се бо црь цртвꙋѫщим и гь гоствꙋѫщимъ хс бъ нашь приходит заклатисѧ и данꙋ быти вь пищѫ вѣрнымь прѣдварѣѫт его лици ангелсти съ вьсѣми началы и власти многоочитаа херꙋвими и ѕ крылатаа серафими лица накрываѫща и вьпиѭща пѣ ѕ ѕ ѕ вл ѕцд

Прим. ред.

бряный, видный съ правой стороны; pallium золотой съ лѣвой стороны; обѣ руки на груди; держитъ бѣлый свитокъ (volumen).

6) АПЛЪ + СИМЕ — лысый старецъ съ сѣдою бородой; хитонъ, зеленый съ золотомъ, видимъ справа; pallium, желтый съ золотомъ, слѣва. Правая рука приподнята и согнута, какъ бы для благословенія, лѣвая на груди; держитъ бѣлый свитокъ.

7) ПРЕПНЫИ + СЕРГІИ — старецъ съ сѣдыми волосами и бородой; мантія красная съ золотомъ, епитрахиль бѣлая. Руки въ томъ же положеніи, какъ и у 4-хъ первыхъ.

8) ПРЕПОБНЫЙ + ХАРИТО — старецъ съ длинной сѣдой бородою; одежда такая же, красная съ золотомъ; такая же серебряная епитрахиль съ высокимъ воротникомъ и такое же положеніе рукъ.

9) ВАСИ + ЛІЙ БЛЖ старецъ совершенно нагой, какъ всѣ святые аскеты восточной ННЫИ иконописи, съ короткой сѣдой бородою. Обѣ руки его приподняты вправо.

Б.) На поперечной сторонѣ рамки, находящейся у ногъ Спасителя, подлѣ вкладной надписи.

10) АЛЕСА + СВИ — старецъ съ округленной сѣдой бородою; одежда таже, НДРЪ + СКІИ что и у двухъ предпослѣднихъ; руки на груди; въ правой онъ держитъ бѣлый свитокъ.

11) ПАНО + ТІИ — старецъ съ сѣдой бородою, клиномъ; одежды и епитрахиль, + БОРОСКІ какъ въ изображеніяхъ предъидущихъ; лѣвая рука на груди; въ правой, приподнятой вполовину, онъ держитъ на воздухѣ бѣлый свитокъ.

12) ДІАКИ + ТРІФ — молодой, безбородый человѣкъ; мантія зеленая съ золотомъ, распахнутая спереди, такъ что снизу виденъ красный съ золотомъ стихарь; въ лѣвой рукѣ, приподнятой вполовину, онъ держитъ на груди золотой крестъ съ двумя поперечинами, въ правой—бѣлый свитокъ.

13) ПАТНИ + ЦА — Святая въ серебряномъ платьѣ, почти закрытомъ красною съ золотомъ верхнею одеждою (palla), которая покрываетъ

даже голову. Въ лѣвой рукѣ она держитъ на груди золотой крестъ съ двумя поперечинами; правой ея руки не видно.

В.) На поперечной сторонѣ рамки, находящейся у головы Спасителя.

14) ВАСИ + КЕСИ—изображенъ съ длинною темною бородою, въ серебряномъ ЛІИ + РІИСКІИ епископскомъ φαινόλιον; омофоръ также серебряный съ золотымъ крестомъ, вышитымъ плоскимъ швомъ. На правой сторонѣ груди находится четыреугольная книга (codex), переплетенная и вышитая золотомъ и серебромъ, съ углами изъ разноцвѣтнаго шелку. Таковы всѣ книги, которыя мы встрѣтимъ далѣе въ рукахъ Святителей и даже Апостола Павла. Лѣвая рука съ раскрытой ладонью, протянута.

15) ГРІГОРІИ + БГОСЛО—лысый старецъ съ высокимъ лбомъ и сѣдой бородой; епископская золотая одежда съ украшеніями; омофоръ такой же, какъ и предъидущій. Правой рукой онъ держитъ на груди книгу, на которую положилъ также и лѣвую руку.

16) ІОИ + ЗЛАТ—темноволосый, борода клиномъ; красный съ золотомъ фелонь съ золотыми украшеніями, шитыми плоскимъ швомъ. Такой же омофоръ. Обѣими руками на груди онъ держитъ книгу.

17) ПЕТРЪ + МИТРО—старецъ съ сѣдой бородой, въ бѣломъ клобукѣ. Епископская ПОЛИ зеленая съ золотомъ риза и съ золотыми украшеніями; омофоръ такой же, какъ и предъидущій. На правой сторонѣ груди четыреугольная книга; рука, съ открытою ладонью, простерта (19).

18) АЛЕКСѢ + МИТРО—старецъ съ сѣдой бородой, въ бѣломъ клобукѣ, съ тремя + ПОЛИ цвѣтными камнями: голубымъ, желтымъ и неопредѣленнаго цвѣта; епископская, фелонь красная съ серебромъ и съ золотыми украшеніями. Такой же омофоръ. Обѣими руками онъ держитъ на груди книгу.

19) ІОНА + МИТРО—старецъ съ короткой сѣдой бородой; на головѣ низкая, + ПОЛИ округленная митра, на манеръ скуфьи, вышитая чернымъ шелкомъ съ золотомъ и серебромъ. Фелонь зеленая съ золотомъ, съ украшеніями изъ серебра и золота; омофоръ серебряный, съ золо-

тымъ крестомъ. На правой сторонѣ груди книга; лѣвая рука, съ раскрытою ладонью, простерта.

Г.) На продольной нижней сторонѣ рамки:

20) ОАГИ + КОЛЛУ—лысый старецъ съ маленькой сѣдой бородой; фелонь красная съ серебромъ и съ золотыми украшеніями; омофоръ такой же, какъ и предъидущіе. Книга справа на груди, лѣвая рука у книги, правой руки не видно.

21) НИКИТА + НОГОРОСК—молодой, безбородый человѣкъ съ темными волосами; риза золотая, омофоръ серебряный съ золотымъ крестомъ; правой рукой держитъ переплетенную книгу на груди; лѣвая, раскрытая, простерта.

22) АПЛЪ + ПАВЕ—Лицо обрамлено русою бородой; со лба лысъ. Хитонъ, или στιχάριον съ рукавами, красный съ серебромъ. Тѣло его наклонено влѣво; въ правой рукѣ держитъ книгу, а лѣвой не видно.

23) АПЛЪ + АНДРЕ—старецъ съ сѣдыми волосами и бородой; усы темноватые; хитонъ зеленый съ золотомъ. Обѣими руками на груди держитъ бѣлый свитокъ.

24) АПЛЪ ВА + АОЛОМЕ—съ темными волосами и маленькой бородой; хитонъ съ рукавами, зеленый съ золотомъ. Положеніе рукъ такое же, что и у предъидущаго.

25) АПЛЪ + АНЛИ—молодой человѣкъ съ темными волосами, безъ бороды. Хитонъ золотой, видѣнъ съ правой стороны; pallium серебряный, на лѣвомъ плечѣ; положеніе рукъ тоже.

26) ПРЕПОБНЫЙ + КІРІ—старецъ съ сѣдыми волосами и бородой. На немъ красная съ золотомъ мантія, изъ-подъ которой вокругъ шеи видѣнъ епитрахиль, образующій двойной высокій воротникъ, синій, бѣлый и серебряный. Обѣ руки на груди; въ правой бѣлый свитокъ.

27) СТАЯ + ЕКА—темноволосая женщина. Посреди вѣнца на головѣ золотая корона ТЕРИ о четырехъ зубцахъ по бокамъ и со скуфьей посрединѣ. + НА Золотое платье съ широкими красными и серебряными украшеніями; верхняя одежда зеленая съ золотомъ. Правая рука на груди, въ лѣвой же держитъ золотой крестъ съ двумя поперечинами.

28) ВА + РАЙ—изображенъ съ длинной темной бородой, въ красной мантiи; епитрахиль серебряная въ видѣ воротника. Правой руки не видно, лѣвая протянута съ раскрытою ладонью и съ отставленнымъ большимъ пальцемъ. Вообще руки, какъ и эта, у всѣхъ святыхъ простерты къ среднему изображенiю.

Между 28 изображенiями, которыя я только-что описалъ, представлены 8 апостоловъ: Петръ, Iоаннъ, Ѳома, Симонъ, Павелъ, Андрей, Варѳоломей и Филиппъ; къ нимъ, для дополненiя числа 12-ти учениковъ Христовыхъ, согласно Аѳонскому греческому Подлиннику или Руководству къ иконописи Дiонисiя (20), хотя и вопреки евангельскому сказанiю, присоединены 4 евангелиста, изображенные въ символахъ по четыремъ угламъ главной картины. На рамкѣ воздуха находятся также три великiе Iерарха, отцы и витiи православной церкви, которые прославились своими писанiями и утвердили христiанскую вѣру въ IV столѣтiи: Василiй Неокесарiйскiй, Григорiй Назiанзенъ (Богословъ) и Iоаннъ Златоустъ; на нихъ богатая епископская одежда. Съ ними представлены и нѣкоторые другiе святые, особенно чтимые всей восточной церковью, и между прочимъ, съ одной стороны—св. Николай, архiепископъ Мирликiйскiй, современникъ предъидущимъ (котораго не должно смѣшивать съ св. Николаемъ Блаженнымъ, новгородскимъ чудотворцемъ, по прозвищу Качановымъ, такъ какъ первый отличается и по сдѣланной при немъ греческой надписи: ὁ ἅγιος, и по одеждѣ); съ другой стороны—Св. Димитрiй, котораго по кресту, имъ держимому, я принимаю за того христiанскаго воина, который претерпѣлъ мученичество въ 288 году, при императорѣ Максимилiанѣ, хотя, судя по одеждѣ и по свитку въ рукѣ, его также можно бы принять и за чудотворца Димитрiя, инока монастыря Пресвятой Богородицы на Горицахъ, въ Переяславлѣ, который основалъ возлѣ Вологды Прилуцкiй Монастырь, гдѣ скончался въ 1391 году и потомъ причтенъ къ лику святыхъ. Относительно изображенiй 2-хъ святыхъ женъ, почти нельзя сомнѣваться; первая изъ нихъ—св. Екатерина, царственная дѣва-богословъ, изъ Египта, которая была замучена колесованiемъ въ IV в. въ царствованiе Максимина Даiа, и затѣмъ—св. Параскева, ἡ ἁγία Παρασκευή, имя которой произошло отъ Пятницы, дня ея рожденiя, и которая также приняла мученичество въ III в. при Дiоклетiанѣ, на своей родинѣ Иконiумѣ въ Ликаонiи. Имя этой великой мученицы, издревле весьма чтимой въ православныхъ земляхъ, было переведено на языкахъ всѣхъ народовъ восточной церкви: въ Россiи ее называли Пятница; съ этимъ однимъ именемъ она и является на Тихвинской плащаницѣ; Болгары называютъ ее Пятка, а Румыны santa Vinere, т. е. св. Пятница, а также и св. Венера, такъ какъ въ

нашемъ языкѣ день рожденія этой святой не имѣетъ другаго названія, кромѣ имени языческой богини. Въ Молдавіи santa Vinere, или santa Paraskeva, пользуется особеннымъ уваженіемъ, и это происходитъ отъ того, что мощи святой того же имени находятся въ Яссахъ, въ монастырѣ Трехъ Святителей, куда онѣ были перенесены около 1640 г. княземъ Василіемъ Лупо, пріобрѣтшимъ ихъ при уплатѣ долговъ Константинопольскаго патріархата и при внесеніи султану Амурату IV 300,000 піастровъ военной контрибуціи (21). Эта другая св. Параскева родилась въ селѣ Епиватосъ, возлѣ болгарскаго города Калликратіи, гдѣ она скончалась въ святости, проведя свою жизнь въ благочестивомъ уединеніи. Болгарскій царь Іоаннъ Ассонъ (XII в.), узнавъ о чудесахъ, совершаемыхъ ея мощами, велѣлъ перенести ихъ въ свою столицу Терновъ; но послѣ паденія Болгарскаго царства, мощи этой святой взяты были въ Константинополь, откуда потомъ и перенесены въ Молдавію (22). Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этихъ двухъ святыхъ на нашемъ воздухѣ изображена первая, такъ какъ по русскимъ святцамъ не видно, чтобы Болгарской св. Параскевѣ приписывалось тамъ особенное значеніе. На нашихъ иконахъ Болгарская святая пишется съ такимъ же крестомъ въ рукѣ, какъ и Иконійская Мученица, и какъ изображена Св. Пятница на Тихвинскомъ воздухѣ.

Другіе 12 медальоновъ посвящены исключительно святымъ русскаго происхожденія и чтимымъ преимущественно въ русской церкви. Изъ многочисленнаго лика русскихъ святыхъ здѣсь избраны, вопервыхъ, три всероссійскіе митрополита: Петръ, Алексій и Іона, память коихъ установлено въ 1596 году праздновать вмѣстѣ 5 октября. Первые два, какъ замѣчено выше, изображены въ бѣлыхъ клобукахъ, а послѣдній въ митрѣ съ мѣховою опушкою, похожей на шапку патріарха Іова, хранящуюся въ моск. Сvнодальной ризницѣ. Первый изъ нихъ по порядку времени—св. Петръ, перенесшій въ 1325 г. митрополію изъ Владиміра въ Москву и предсказавшій ей великую будущность. Онъ преставился 1326 г. 21 декабря и почиваетъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, имъ основанномъ. Св. Алексій, сынъ боярина, возведенный уже въ преклонныхъ лѣтахъ въ санъ митрополита изъ епископовъ владимірскихъ въ 1354 г., прославившійся у самыхъ Монголовъ своимъ благочестіемъ и даромъ исцѣленій, умиротворявшій тогдашнихъ русскихъ князей, преставился въ Москвѣ 1378 г. февраля 12, въ глубокой старости; мощи его почиваютъ открыто въ построенномъ имъ Чудовомъ монастырѣ. Наконецъ св. Іона, хиротонисанный въ митрополиты въ 1449 г., поучавшій и своею жизнію и писаніями русское духовенство и народъ, преставился 1461 г. марта 31; мощи его, обрѣтенныя 1472 г. мая 27, поставлены въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Вмѣстѣ съ этими великими святителями помѣщены и другіе святые, также повсемѣстно чтимые въ русской землѣ, а именно: Леонтій, епископъ ростовскій, вызванный Благовѣрн. княземъ Владиміромъ изъ Царяграда въ 991 г., просвѣтившій св. крещеніемъ Ростовцевъ, принявшій вѣнецъ мученическій отъ невѣрныхъ и почивающій въ соборѣ своего епархіальнаго города, въ который 1231 г. февраля 2 перенесены его мощи, обрѣтенныя 1164 г. мая 23; Іоаннъ, архіепископъ новгородскій, чудесно спасенный отъ смерти, которой хотѣли предать его, пустивъ на плоту внизъ по Волхову, скончавшійся 1186 г. сентября 7, послѣ двадцати-однолѣтняго архіепископства; Никита, затворникъ печерскій, потомъ епископъ новгородскій, скончавшійся въ 1107 или 1108 г., а по Псалтири слѣдованной—въ 1101 г. (мощи обоихъ святителей почиваютъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ); Сергій преподобный, Радонежскій чудотворецъ, знаменитый основатель и игуменъ Троице-Сергіевской лавры, преставившійся 25 сентября 1391 г., 78 лѣтъ, и сопричтенный къ лику святыхъ, при обрѣтеніи въ 1423 г. іюля 5 нетлѣнныхъ мощей его, почивающихъ въ созданной имъ обители; Пафнутій, преподобный Боровскій, Монголъ по происхожденію, основатель и игуменъ Пафнутіева боровскаго монастыря, въ коемъ преставился 1479 г. мая 1; Александръ, преподобный Свирскій, изъ поселянъ инокъ Валаамскаго монастыря, потомъ основатель и игуменъ Троицкаго Александровскаго монастыря на р. Свирѣ, скончавшійся 30 августа 1533 г., на 85 году отъ рожденія; Василій Блаженный, Христи ради юродивый, московскій чудотворецъ, скончавшійся 2 августа 1552 г., 88 лѣтъ, и почивающій въ знаменитомъ Покровскомъ соборѣ, «что на рву», въ Москвѣ. Сверхъ того, въ двухъ медальонахъ Тихвинскаго воздуха помѣщены святые Варлаамъ и Кириллъ. При ихъ изображеніяхъ и именахъ не встрѣчается никакихъ мѣстныхъ или характеристическихъ признаковъ, по которымъ можно бы было съ точностью опредѣлить, какіе именно изъ русскихъ святыхъ здѣсь изображены: въ русскихъ святцахъ находимъ нѣсколько святыхъ, носящихъ тѣ же имена. Что касается перваго изъ нихъ,—св. Варлаама, то здѣсь могъ быть помѣщенъ или преподобный Варлаамъ Новгородскій, основатель Хутынскаго монастыря, въ коемъ и преставился 6 ноября 1243 года, или св. Варлаамъ, первый игуменъ Печерскій, жившій въ XI столѣтіи и воспоминаемый церковью 19 ноября. Наконецъ, при изображеніи св. Кирилла, остается выбирать между Кирилломъ, епископомъ Туровскимъ, и преподобнымъ Кирилломъ Новоезерскимъ. Первый изъ нихъ, жившій въ XII столѣтіи, прославился глубокимъ знаніемъ Свящ. Писанія и поученіями изустными и письменными, а также назидательными посланіями къ велик. князю Андрею Боголюбскому (память его—28 апрѣля). Второй, уроженецъ галич-

скій, изъ поселянъ, ученикъ и постриженникъ препод. Корнилія Комельскаго, сдѣлался потомъ основателемъ Новоезерскаго Воскресенскаго монастыря, гдѣ и преставился 4 февраля 1532 г. Если бы въ выборѣ святыхъ, для помѣщенія на Тихвинскомъ воздухѣ, не проглядывало слишкомъ ясно намѣреніе пользоваться по преимуществу патерикомъ отечественнымъ, то можно бы было предположить, что въ этомъ медальонѣ изображенъ св. Кириллъ, епископъ Моравскій, котораго естественно было бы здѣсь видѣть, какъ апостола и просвѣтителя славянскихъ народовъ. Вообще древне-русское искусство, особенно въ тѣхъ отрасляхъ, которыя посвящали себя исключительно на благоукрашеніе церкви, постоянно стремилось идти по народной дорогѣ, вдохновляясь предпочтительно событіями, воспоминаніями и вѣрованіями, чисто мѣстными. Поэтому на всѣхъ почти русскихъ иконахъ и вышивкахъ, вмѣстѣ съ святыми, общими всей восточной церкви, мы постоянно встрѣчаемъ святыхъ собственно русскихъ. Такъ, напримѣръ, на воскриліяхъ бѣлаго клобука патріарха Филарета Никитича изображены на золотыхъ дробницахъ, съ одной стороны, святитель Николай Мирликійскій и вмѣстѣ съ нимъ Петръ и Іона московскіе и Исаія ростовскій, съ другой,— Іоаннъ Златоустъ, а подлѣ него—Алексій, митрополитъ московскій, Леонтій и Игнатій ростовскіе; наконецъ на заднемъ крылѣ—св. Варлаамъ Хутынскій (23).

Опуская множество другихъ примѣровъ патріотическаго направленія, господствовавшаго въ русскомъ искусствѣ, закончимъ перечень медальоновъ указаніемъ на изображеніе святаго, который хотя и не такъ извѣстенъ на Руси и не принадлежитъ къ числу отечественныхъ святыхъ, тѣмъ не менѣе долженъ былъ занять мѣсто на этомъ воздухѣ, какъ ангелъ самого жертвователя воздуха, Харитона Безобразова; это— св. мученикъ Харитонъ изъ Иконіума въ Ликаоніи, замученный при импер. Авреліанѣ. Нельзя не замѣтить также, что на Безобразовскомъ воздухѣ какъ выборъ, такъ и самое размѣщеніе святыхъ вокругъ главнаго изображенія, сдѣланы по извѣстнымъ соображеніямъ, имѣвшимъ связь, съ одной стороны, съ обстоятельствами чисто мѣстными и личными жертвователя, а съ другой,—съ принятыми въ русской иконографіи правилами, которыми опредѣлялось положеніе и мѣсто на иконахъ каждаго святаго. Не трудно даже и уловить нѣкоторые слѣды этихъ соображеній: такъ, на поперечной сторонѣ рамки, находящейся у головы Спасителя и потому представляющей почетное мѣсто, изображены три великіе іерарха восточной церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый, а подъ ними—три всероссійскіе митрополита: Петръ, Алексій и Іона. Равнымъ образомъ, и на ея продольныхъ сторонахъ, верхней и нижней, помѣщены во вторыхъ медальонахъ, другъ противъ друга, два новгородскихъ архіерея: Іоаннъ и

Вмѣстѣ съ этими великими святителями помѣщены и другіе святые, также повсемѣстно чтимые въ русской землѣ, а именно: Леонтій, епископъ ростовскій, вызванный Благовѣрн. княземъ Владиміромъ изъ Царяграда въ 991 г., просвѣтившій св. крещеніемъ Ростовцевъ, принявшій вѣнецъ мученическій отъ невѣрныхъ и почивающій въ соборѣ своего епархіальнаго города, въ который 1231 г. февраля 2 перенесены его мощи, обрѣтенныя 1164 г. мая 23; Іоаннъ, архіепископъ новгородскій, чудесно спасенный отъ смерти, которой хотѣли предать его, пустивъ на плоту внизъ по Волхову, скончавшійся 1186 г. сентября 7, послѣ двадцати-однолѣтняго архіепископства; Никита, затворникъ печерскій, потомъ епископъ новгородскій, скончавшійся въ 1107 или 1108 г., а по Псалтири слѣдованной—въ 1101 г. (мощи обоихъ святителей почиваютъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ); Сергій преподобный, Радонежскій чудотворецъ, знаменитый основатель и игуменъ Троице-Сергіевской лавры, преставившійся 25 сентября 1391 г., 78 лѣтъ, и сопричтенный къ лику святыхъ, при обрѣтеніи въ 1423 г. іюля 5 нетлѣнныхъ мощей его, почивающихъ въ созданной имъ обители; Пафнутій, преподобный Боровскій, Монголъ по происхожденію, основатель и игуменъ Пафнутіева боровскаго монастыря, въ коемъ преставился 1479 г. мая 1; Александръ, преподобный Свирскій, изъ поселянъ инокъ Валаамскаго монастыря, потомъ основатель и игуменъ Троицкаго Александровскаго монастыря на р. Свирѣ, скончавшійся 30 августа 1533 г., на 85 году отъ рожденія; Василій Блаженный, Христи ради юродивый, московскій чудотворецъ, скончавшійся 2 августа 1552 г., 88 лѣтъ, и почивающій въ знаменитомъ Покровскомъ соборѣ, «что на рву», въ Москвѣ. Сверхъ того, въ двухъ медальонахъ Тихвинскаго воздуха помѣщены святые Варлаамъ и Кириллъ. При ихъ изображеніяхъ и именахъ не встрѣчается никакихъ мѣстныхъ или характеристическихъ признаковъ, по которымъ можно бы было съ точностью опредѣлить, какіе именно изъ русскихъ святыхъ здѣсь изображены: въ русскихъ святцахъ находимъ нѣсколько святыхъ, носящихъ тѣ же имена. Что касается перваго изъ нихъ,—св. Варлаама, то здѣсь могъ быть помѣщенъ или преподобный Варлаамъ Новгородскій, основатель Хутынскаго монастыря, въ коемъ и преставился 6 ноября 1243 года, или св. Варлаамъ, первый игуменъ Печерскій, жившій въ XI столѣтіи и воспоминаемый церковью 19 ноября. Наконецъ, при изображеніи св. Кирилла, остается выбирать между Кирилломъ, епископомъ Туровскимъ, и преподобнымъ Кирилломъ Новоезерскимъ. Первый изъ нихъ, жившій въ XII столѣтіи, прославился глубокимъ знаніемъ Свящ. Писанія и поученіями изустными и письменными, а также назидательными посланіями къ велик. князю Андрею Боголюбскому (память его—28 апрѣля). Второй, уроженецъ галич-

такихъ иноковъ воздухъ Безобразова, который и принесъ потомъ въ Быстрицкій монастырь, обогащенный дарами Михаила Храбраго и неоднократно имъ посѣщаемый (26)?

Можетъ быть, въ московскихъ или тихвинскихъ архивахъ отыщется больше того, чѣмъ сколько намъ извѣстно по этому предмету.

Никита. Затѣмъ, по четыре медальона на той и другой сторонѣ представляютъ восемь апостоловъ, изъ коихъ Петръ и Павелъ помѣщены, одинъ противъ другаго, какъ первоверховные апостолы. Наконецъ, въ двухъ предпослѣднихъ медальонахъ на той и другой изъ продольныхъ сторонъ являются св. мученики: Харитонъ и Екатерина, какъ ангелы или соименитые святые Харитона Безобразова и жены его Екатерины. Но почему святые Николай Мирликійскій и Леонтій Ростовскій помѣщены на обѣихъ продольныхъ сторонахъ рамки въ первыхъ медальонахъ? Почему, послѣ апостоловъ, св. Сергій занимаетъ мѣсто противъ св. Кирилла, а Василій Блаженный противъ св. Варлаама? Наконецъ, съ какимъ намѣреніемъ на поперечной сторонѣ рамки, у вкладной надписи, помѣщены изображенія двухъ преподобныхъ иноковъ русскихъ: Александра Свирскаго и Пафнутія Боровскаго, и двухъ мучениковъ греческихъ: Димитрія и Параскевы?

Мы не настолько сильны въ агіографіи и не имѣемъ настолько свѣдѣній о мѣстныхъ святыняхъ тихвинскихъ церквей и монастырей, чтобы разъяснить, почему выбраны и размѣщены въ такомъ именно порядкѣ всѣ вышеописанные святые на воздухѣ Безобразова. Еще къ большему сожалѣнію, у насъ нѣтъ списковъ должностей и званій тогдашняго московскаго двора, жалованныхъ грамать служилымъ людямъ, родословныхъ таблицъ и фамильныхъ документовъ, съ которыми необходимо было бы справитья, чтобы сказать что-нибудь о личности самаго жертвователя и по какому поводу онъ сдѣлалъ, именно въ Тихвинскій монастырь, это благочестивое приношеніе, составляющее безспорно замѣчательный образчикъ тогдашняго вышивальнаго искусства на Руси. Впрочемъ всѣ эти вопросы составляютъ для археологіи только второстепенный интересъ. Гораздо важнѣе было бы, даже и съ исторической точки зрѣнія, если бы по поводу такого легкаго намека, какой представляетъ намъ перемѣщеніе воздуха изъ Тихвина въ Быстрицу, удалось разъяснить взаимныя сношенія, существовавшія между Москвой и Валахіей въ ту эпоху, когда Борисъ Годуновъ съ такимъ умомъ и энергіей занималъ похищенный имъ царскій престолъ, а нашъ народный герой Михаилъ Храбрый, свергнувъ оружіемъ турецкое иго, успѣлъ соединить подъ своей властью три румынскія княжества: Молдавію, Валахію и Трансильванію. Весьма важный фактъ совершился въ это именно время въ экономической и соціальной исторіи обѣихъ странъ: это—преобразованіе, почти тожественное, въ положеніи крестьянъ въ томъ и другомъ государствѣ (24). Не было ли какого нибудь соглашенія по этому предмету между Борисомъ и Михаиломъ? Не служили ли въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, посредниками между обоими государями (25) русскіе иноки, отправлявшіеся на поклоненіе Святымъ мѣстамъ? Не взялъ ли съ собою изъ Тихвина одинъ изъ

«qui astant Principi, quos ad graves personas vel ad Principem adducendas, vel ad Principis «voluntatem et benevolentiam annuntiandam mittit Princeps.» Званіе Постельника существовало также и при дворѣ московскаго царя; это былъ Prefectus cubiculi, Cubicularius, сановникъ, имѣвшій смотрѣніе за спальнею государевою, спальникъ; ниже намъ придется упомянуть объ одномъ сановникѣ, занимавшемъ такую должность при дворѣ царя Бориса Годунова. Надо замѣтить, что эти званія и должности нисколько не соотвѣтствуютъ другъ другу въ двухъ княжествахъ: Валахіи и Молдавіи; чиновная іерархія въ томъ и другомъ румынскомъ государствѣ различна. О боярскихъ степеняхъ въ Молдавіи см. кн. Димитр. Кантеміра: Beschreibung der Moldau, Frankf. und Leipzig, 1771, ч. 2, гл. IV. Молдавскій лѣтописецъ Ворникъ Григорій Уреке (XVII в.) изображаетъ все это чиноначаліе въ жизнеописаніи князя Александра Добраго (1413); см. Letopissitiele tierrei Moldovei, изданн. Михаиломъ Когалничано, Яссы, 1852 г. т. I, стр. 104.

3) По поводу этой церкви была напечатана любопытная монографія Л. Рейхенбергеромъ въ IV томѣ Jahrbücher der K. K. Central-Commission zur Erforchung und Erhaltung der Baudenkmale, Вѣна, 1860 г. Я перевелъ и напечаталъ ее по французски въ Вѣнѣ, въ 1867 г. Можно также найти нѣсколько новыхъ подробностей объ этомъ зданіи и о разныхъ румынскихъ древностяхъ въ книгѣ: Notice sur la Roumanie, изданной мною въ Парижѣ, 1868 г., по случаю всемірной выставки, на которой была выставлена прекрасная деревянная съ рѣзьбой модель Арджешской церкви. (III partie de la Notice: L' Histoire de travail en Roumanie, стр. 353 и слѣд.).

4) Между самыми любопытными рукописями, которыя были положены въ этотъ монастырь старинными боярами Бассарабами, родственниками дворянскаго сербскаго рода Бранковичей, я думаю, должно считать и славянскую толковую Псалтирь, написанную на пергаментѣ въ 1346 году, въ сербскомъ городѣ Боречѣ или Поречѣ, и принадлежавшую Бранко Младеновичу, одному изъ министровъ сербскаго царя Стефана Душана и пра-пра-прадѣда княгини (или despina) Милицы, жены валахскаго князя Негоя Добраго Бассараба. Эта еще неизданная рукопись, принадлежащая въ настоящее время народной библіотекѣ въ Букарештѣ, была мною описана въ Revista Romana, Bucarest, 1861, vol. I, p. 709 –722; въ настоящее время она въ рукахъ ученаго вѣнскаго профессора Фр. Миклошича, который, вѣроятно, издастъ объ ней критическое сочиненіе. Въ этомъ самомъ Быстрицкомъ монастырѣ, въ Валахіи, по словамъ П. Шафарика (Památky drevhíno písemnietví Jihoslovain. Prag, 1851), русскій писатель Н. Надеждинъ открылъ экземпляръ рукописнаго кодекса или Законника того же царя Душана. Но что сталось съ этой рукописью, которая, если она современна Псалтири Бранко Младеновича, должна содержать въ себѣ безспорно древнѣйшій и самый достовѣрный текстъ древнихъ сербскихъ законовъ?—Этой рукописи уже не находилось въ Быстрицкомъ монастырѣ въ 1860 г., когда я былъ тамъ, а между тѣмъ я не вижу ея и между 9-ю рукописями этого монастыря, перечисленными Шафарикомъ, каковы: 1) рукоп. Годочская (1390), 2) Шишатовацкая (1541), 3) Хиландарская, 4) Тёкёлійская, 5) Раваницкая (1560—1687), 6) Рудникская (1700), 7) Раковацкая и двѣ (8 и 9) Казанскія. Не одна ли это изъ двухъ послѣднихъ, которая могла быть оставлена въ Казани русскимъ ученымъ Надеждинымъ, по возвращеніи его изъ путешествія по Валахіи въ 1841 году? Этотъ фактъ стоитъ того, чтобы его провѣрить, потому что, судя по сказанному о происхожденіи Быстрицкаго монастыря, важность документа, видѣннаго тамъ Надеждинымъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ самаго мѣста его написанія. О Законникѣ Душана см. также статью М. Кристича въ Гласникѣ, т. VI, стр. 88 и слѣд. Бѣлградъ, 1854 г.

5) Въ Быстрицкомъ монастырѣ хранятся двѣ очень старинныя картины и шитая епитрахиль, которыя имѣютъ связь съ этими разнообразными преданіями; къ несчастію, эти двѣ картины, которыя, какъ говорятъ, относятся ко времени основанія монастыря, были реставрированы въ началѣ настоящаго столѣтія. Одна изъ нихъ представляетъ бана Барбо, въ очень маломъ видѣ, съ оковами на рукахъ, стоящимъ на колѣнахъ передъ св. Прокопіемъ, который изображенъ въ одеждѣ византійскаго воина, гораздо въ большемъ видѣ, сидящимъ на креслѣ, съ рукою, простертой къ оковамъ молящагося ему. Другая картина воспроизводитъ предъ нами все семейство Бассарабовъ, направляющее путь къ только-что основанному ими монастырю; это множество соединенныхъ и одна другую закрывающихъ

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Этотъ монастырь былъ совершенно перестроенъ, тому назадъ 19 лѣтъ, покойнымъ владѣтельнымъ княземъ Барбо Стирбеемъ, который сдѣлалъ его своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ; доходы его простирались тогда до 200,000 франковъ. (Не надо смѣшивать этаго монастыря съ другимъ того же имени, еще существующимъ и теперь въ Молдавіи, на большой рѣкѣ Быстрицѣ (въ округѣ Нямцо), и построеннымъ въ началѣ XV в. молдавскимъ княземъ Александромъ Добрымъ, сыномъ Богдана, во имя Успенія Пресв. Богородицы, также какъ и Валахскій монастырь). Хотя этотъ монастырь, гдѣ покоится тѣло его великаго основателя, былъ возстановленъ князьями Петромъ Равешемъ (1527—1546) и Александромъ Лапусніано (1554), тѣмъ не менѣе, въ 1687 г. онъ былъ въ такомъ глубокомъ упадкѣ и до такой степени лишенъ своего прежняго благолѣпія, что княгиня Елизавета или Safta, супруга молдавскаго князя Стефана Гергица, желая спасти его отъ разрушенія, посвятила его церкви Гроба Господня и Іерусалимскому патріаршеству (см. Urikariul, собраніе документовъ, изданное въ Яссахъ Ѳ. Кодреско, т. V, 1862 г., стр. 240). Его имущества были секуляризованы въ 1864 году, вмѣстѣ со всѣми монастырями, посвященными Святымъ мѣстамъ на востокѣ. Четыре брата Бассараба (Барбо, Данеинъ, Перву и Барбо), основавшіе валахскій Быстрицкій монастырь, упоминаются Іоанномъ Комненомъ, какъ возстановители Ксенофонтскаго монастыря на Аѳонской горѣ (см. въ его Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθωνος, напечатанномъ въ 1701 году въ Снаговскомъ монастырѣ въ Валахіи и изданномъ вновь съ латинскимъ переводомъ Д. Бернардомъ де Монфоконъ въ его Palaeographia graeca, Парижъ, 1708, стр. 494). Я долженъ замѣтить, что названіе: Быстрица, происшедшее отъ славянскаго: быстръ, носятъ много мѣстностей, городовъ, селеній, рѣчекъ, горъ и т. п. во всѣхъ румынскихъ странахъ: въ Валахіи, Молдавіи, Трансильваніи, Буковинѣ и т. д.; тамъ встрѣчаются также мѣстности, имѣющія соотвѣтствующее латинское названіе: Râpidea.

2) О названіяхъ: Банъ, Дворникъ или Ворникъ, Постельникъ и т. п., означавшихъ въ Румынскихъ княжествахъ государственныя должности, а также дворянскіе чины, которые давались заслуженнымъ лицамъ, см. Ю. Венелина: Влахо-Болгарскія, или Дако-Славянскія грамоты, С.Петербургъ, 1840, стр. 191—201; см. также въ I. Ch. Engel: Geschichte der Walachei und Moldau, Halle, 1804, т. I, стр. 109, пр. CIII, разсказъ католическаго миссіонера подъ названіемъ: Historica relatio de statu Valachiae, 1679—1688: «Status moderni guberni Valachiae: « ..... Post Principem est Banus, cujus officium «est residere Kraionae, habebat jus in criminalibus et in aliquibus civilibus sicut et Princeps, «sed a Porta ferrea usque ad flumen Alutam.—....... Uornik, supremus judex curiae, habet «sub se multos alios vornicos, quos ipse facit, si Princeps concedere vult. Ex officio habet «proventum bonum. .... Posteylnik mayre (mayre вмѣсто mare, по румынски «большой, главный), id est summus Aulae prefectus, sive provinciae Marescalcus. Offi«cium magnae dignitatis honoris et emolumenti erat antea ...... Ad Posteylnicum spectat «omnes viros magnos ad Principem ducere. Audientiam Principis ille indicit. Habet partes sive «portiones a Principe, sunt sub protectione illius multa oppida, nunc vero prorsus deserta. «Sunt et provinciae Posteylnicei, a quibus habet donaria; sub ipso sunt alii sex Posteylnici,

смотря на разницу въ рисункѣ картинъ, все-таки, при взглядѣ на эту икону и въ особенности находящуюся на ней надпись, приходитъ на мысль икона Тихвинской Божіей Матери. Однако при этомъ еще является довольно важное сомнѣніе въ чисто русскомъ происхожденіи этаго образа; сомнѣніе возникаетъ изъ окончанія словъ, которое показываетъ, что это только подражаніе Тихвинской иконѣ. Въ самомъ дѣлѣ возможно, что въ старину, даже въ Россіи, писали ТИХПИ, или можетъ быть, ТИХШИ, вмѣсто ТИХВИ или ТИѲИ (какъ на Тихв. воздухѣ), но что означаетъ окончаніе ІЩА въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно должно опредѣлять названіе мѣста? Русскіе никогда такимъ образомъ его не употребляли, тогда какъ въ этомъ случаѣ въ южно-славянскихъ языкахъ оно очень употребительно. Не слѣдуетъ ли вывести изъ этого, что наивный художникъ, набросавшій этотъ грубый рисунокъ, былъ полуграмотный Сербъ или Болгаринъ, или даже Молдаво-Валахъ прежняго времени, который, работая на память по образцамъ, видѣннымъ имъ въ Россіи, придалъ южнославянское окончаніе имени собственному, обозначающему русскій городъ Тихвинъ, чудотворную икону котораго онъ и хотѣлъ воспроизвести при помощи только своихъ воспоминаній? Это конечно не болѣе какъ смѣлое предположеніе; но я и не придаю ему особеннаго значенія. Возвращаясь однако къ иконамъ греческаго обряда, которыя представляютъ Св. Дѣву съ младенцемъ Іисусомъ, окружаемую ангелами съ орудіями страстей Господнихъ, иконамъ, называющимся въ церковномъ греческомъ словарѣ: «ἡ Φοβερὰ προστασία», мы упомянемъ только о маленькой чудотворной иконѣ византійской работы, находящейся въ настоящее время въ Римѣ, въ скромной католической церкви S. Alphonse di Lignori, возлѣ базилики св. Маріи Маджоре, подъ именемъ: Notre Dame de perpétuel secours. На этой иконѣ изображены съ той и другой стороны головы Пресвятой Дѣвы ангелы: первый изъ нихъ, ὁ ἀρχ. М., держитъ въ сосудѣ копье и губку, а вторый, ὁ ἀρχ. Г.,—крестъ съ тремя поперечинами. Положеніе и выраженіе лица младенца Христа изъявляютъ удивленіе и страхъ, поразившіе Его при видѣ орудій будущихъ мученій; Пресвятая Дѣва сжала обѣ его руки въ своихъ съ печальной нѣжностью. Однако Латиняне, обозначая эту чудотворную икону, драгоцѣнную святыню по старинной живописи, обыкновеннымъ и невыразительнымъ названіемъ: Sucurre miseris, не соединяли, повидимому, съ погребальной обстановкой, изображенной на иконѣ, идеи таинственаго ужаса и религіозной скорби, которую содержатъ въ себѣ славянскія и греческія названія: Φοβερὰ и Страстная, данныя православнымъ иконамъ того же рода. Такимъ образомъ этотъ особенный родъ христіанской иконописи принадлежитъ преимущественно восточной церкви, и иконопись эта составляетъ одинъ изъ весьма любопытныхъ отдѣловъ въ фигуративномъ кругу византійскихъ «Μήτηρ Θεοῦ».

8) Въ Жилавѣ, Яломитскаго округа, къ С. З. отъ Букарешта.

9) Безъ сомнѣнія, это не единственное изображеніе, на которомъ является погребальная пелена Христа; но въ большинствѣ случаевъ ее представляютъ въ видѣ несомой ангелами, спускающимися съ небесъ, которые или держатъ ее въ рукахъ, или орошаютъ слезами. Эти ангелы или херувимы изображаются отдѣльно отъ четырехъ архангеловъ, занимающихъ почти всегда тѣ же мѣста, какъ и на настоящемъ воздухѣ. Эти четыре архистратига небесныхъ силъ являются иногда съ надписанными возлѣ нихъ именами: Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ и Уріилъ (какъ на ἐπιτάφιον'ѣ, сдѣланномъ въ 1481 году, въ царствованіе молдавскаго князя Стефана Великаго и находящемся въ настоящее время въ Буковинѣ; на немъ послѣднее имя написано: НРОУНА). На ихъ рипидахъ иногда написано по три раза слово ἅγιος, въ воспоминаніе пѣсни ангеловъ,—въ особенности на плащаницахъ, сработанныхъ въ греческихъ странахъ. Въ числѣ другихъ и въ Сучевитскомъ монастырѣ, въ Буковинѣ, находится прекрасный ἐπιτάφιον, на которомъ изображены такія же flabella; онъ былъ пожертвованъ въ 1592 г. молдавскимъ княземъ Іеремiей Мовилой, дядей знаменитаго митрополита кіевскаго Петра Мовилы или Могилы. Въ сербскомъ монастырѣ Хиландари, на Аѳонской горѣ, находится также плащаница большаго размѣра, которая, судя по грубости и неправильности рисунка и вышивки, равно какъ и по ветхости матеріи и старинной формѣ надписей, должна относиться къ древнему времени; я склоненъ думать, что она относится ко времени до XIV в. и гораздо древнѣе прекрасно вышитой алтарной завѣсы (καταπέτασμα, πύλη), пожертвованной въ этотъ же монастырь, въ 1399 г., монахиней Евѳиміей, дочерью Войно или Вука Бранковича и вдовой сербскаго князя Іоанна Углеча. На этой завѣсѣ, снятой хромолитографически нѣсколько лѣтъ

тому назадъ въ Бѣлградѣ, помѣщена длинная посвятительная надпись на славянскомъ языкѣ, которая была издана I. Шафарикомъ (въ Гласникѣ Дружества Сербской словесности, Бѣлгр. томъ V, 1853 г., стр. 297) и Фр. Миклошичемъ (Monumenta Serbica, Вѣна, 1858 г., стр. 245, пр. CCXXXI). Янко Шафарикъ поправилъ ошибку своего дяди, покойнаго Павла Шафарика, который, говоря о другой вышивкѣ, пожертвованной тою же монахиней Евфиміей въ монастырь Врдникъ или Раваница въ Сирміумѣ, для покрова на надгробномъ камнѣ св. царя Лазаря, принялъ ее за жену этаго государя, княгиню Милицу, сдѣлавшуюся также монахиней (P. Safarik, Geschichte der Serbisch. Litterat. стр. 171, пр. 8). Но вернемся къ плащаницѣ въ Хиландари. Лица, помѣщенныя сзади смертнаго одра Христа, изображены стоящими, по поясъ, въ неловкихъ и напряженныхъ положеніяхъ; большой крестъ, изчезающій въ голубоватомъ полукругѣ, представляющемъ небо, раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: справа помѣщена Пресвятая Дѣва съ двумя св. женами маленькаго роста, а слѣва св. I. Богословъ и третья св. жена. Солнце и мѣсяцъ, изображенные въ видѣ голубыхъ круговъ, съ профилями внутри, въ лучахъ, помѣщаются надъ ихъ головами, а на самомъ верху парятъ пять ангеловъ съ распущенными крыльями, держащихъ каждый по бѣлой пеленѣ. По угламъ картины помѣщены четыре евангелиста въ ростъ, съ книгами въ рукахъ; на нижней же сторонѣ, подъ погребальнымъ ложемъ, между многочисленными славянскими письменами, воспроизводящими старинныя истершимися буквами священныя изреченія и посвятительную надпись, въ которой упомянуто темное имя жертвователя, назвавшаго себя просто грѣшнымъ Іоанномъ: ЖЕНО ГРѢШНАГО ІѠАНЬ,—изображенъ, въ самой серединѣ, большой шестикрылый серафимъ, держащій двѣ шестокрылатыя рипиды, а съ той и другой его стороны—по одному изъ тѣхъ двойныхъ колесъ съ крыльями, которыя представляютъ образъ престоловъ небесныхъ. Немного повыше помѣщены еще два шестокрылые серафима, безъ flabella. Эта плащаница, по сходству своего стиля и работы съ упомянутой нами выше алтарной завѣсой—неоспоримо сербская, преставляющая намъ любопытный образчикъ вышивальнаго искусства въ Сербіи, въ средніе вѣка, не менѣе любопытна и по приведенной нами иконописной ея особенности. Впрочемъ это не единственная плащаница, гдѣ тѣло Христа окружено разными ангелами. Въ румынскихъ и аѳонскихъ церквахъ есть этому много примѣровъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ временъ: подобный ἐπιτάφιον XIV столѣтія находится въ Буковинѣ; два,—одинъ 1609 г., другой 1611 г.,—въ Дохіаріонѣ; третій, неизвѣстно какого времени, въ монастырѣ Павлонскомъ, и наконецъ послѣдній—въ маленькомъ Ставрониктскомъ монастырѣ, также неизвѣстнаго времени, но судя по стилю и работѣ, вѣроятно,—XVI столѣтія. Мы представимъ коротенькое описаніе каждаго изъ нихъ, чтобы дать понятіе о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ подвергалось въ вышиваньи изображеніе этой погребальной сцены. Первый ἐπιτάφιον въ Дохіаріонѣ (1609 г.), грубаго стиля и не имѣющій, кромѣ загадочной монограммы З—Е другихъ признаковъ своего происхожденія, очень сложенъ.—Здѣсь Пресвятая Дѣва, св. Іоаннъ, Іосифъ и Никодимъ—на обыкновенныхъ своихъ мѣстахъ, но при нихъ еще семь св. женъ, плачущихъ; сверхъ того, у ногъ Христа изображены два ангела, изъ которыхъ одинъ держитъ кадило; на верхней сторонѣ картины два архангела съ шестокрылыми рипидами, два ангела, держащіе пелены, и третій, въ самой серединѣ, держащій въ сосудѣ копье, крестъ и трость; на нижней сторонѣ два другіе ангела, преклонившіе колѣва передъ зеленымъ погребальнымъ ложемъ, на которомъ лежитъ Христосъ; находящійся съ лѣвой стороны держитъ flabellum съ троекратной надписью: ἅγιος; на противуположной сторонѣ шестокрылый серафимъ, а съ боковъ—престолы; вверху двѣ луны, одна противъ другой, и множество звѣздъ; по четыремъ угламъ помѣщены символы евангелистовъ, а вокругъ—30 медальоновъ съ изображеніями пророковъ. Содержаніе второй плащаницы того же монастыря, пожертвованной въ 1611 году іеромонахомъ Каллистомъ, не менѣе сложно, хотя эта плащаница и меньшихъ размѣровъ: на ней нѣтъ погребальнаго ложа, но 4 плачущія жены стоятъ въ головахъ Христа; Богоматерь и св. Іоаннъ наклонились къ срединѣ тѣла, а Іосифъ къ ногамъ; Никодимъ стоитъ; по краямъ архангелы, держащіе рипиды съ троекратной надписью: ἅγιος; ниже тѣла Христа,—поясное изображеніе кадящаго ангела; на верхней рамкѣ 4 шестокрылые серафима; на нижней 4 престолы, со звѣздой по срединѣ колеса; между евангелистами, помѣщенными по угламъ, изображены: вверху—пророки Давидъ и Даніилъ, внизу—Соломонъ и Исаія. Въ Павлонѣ ἐπιτάφιον меньше.—Пресвятая Дѣва въ

головахъ у Христа, св. Іоаннъ въ ногахъ; сверху шестикрылый серафимъ съ 2 летящими херувимами по бокамъ; внизу 2 престолы; вокругъ всего рамка изъ поясныхъ изображеній 12 пророковъ. Очень любопытный ἐπιτάφιον въ этотъ же родѣ сохранился въ Буковинѣ, который по греческой надписи, находящейся на немъ, можно признать по крайней мѣрѣ современнымъ сербской завѣсѣ въ Хиландари (1399). На немъ написано имя той же сербской княгини Евфиміи, жены Іоанна Углеча, возведенной съ пышностію въ санъ императрицы, и имя ея дочери Евпраксіи, прозванной царицей Сербіи: «+Μνησθητοι χυριε τας ψυχας των δουλων σου χαισαρισις Σερβιας Εφημιας μοναχιας συν θυγατρι βασιλεισης Σερβιας Ευπραξιας μοναχιας.» На этой плащаницѣ, усѣянной звѣздами и обрамленной галуномъ изъ лапчатыхъ крестиковъ, съ шестокрылыми серафимами по угламъ, обнаженный Христосъ, съ скрещенными руками, лежитъ безъ всякихъ признаковъ ложа или пелены; его окружаютъ двѣнадцать ангеловъ, припадшіе къ ногамъ, и большею частію на колѣнахъ; на углахъ помѣщены четыре архангела, держащіе рипиды съ формулой: τρισάγιος; на верху—другіе четыре ангела, меньше предъидущихъ, изъ которыхъ двое несутъ съ небесъ маленькія бѣлыя пелены; наконецъ, четыре ангела, поклоняясь тѣлу Христа, стоятъ на колѣнахъ. Но безспорно, сильнѣе всего выражено присутствіе небеснаго клира въ погребальномъ изображеніи страстей на плащаницѣ Ставроникитской. Здѣсь подъ греческой надписью: «ὁ ἐνταφιασμὸς» изображенъ Христосъ на смертномъ ложѣ, окруженный исключительно ангелами. Правда, что то же самое встрѣчается и на маленькой валахской плащаницѣ въ монастырѣ Горецъ, о которой будетъ сказано ниже; но на Ставроникитской плащаницѣ мистическія изображенія въ большемъ количествѣ и гораздо разнообразнѣе, а именно: на верхней части шестокрылый серафимъ и два архангела съ рипидами, на нижней три престола; по угламъ символы съ крыльями представляютъ собою 4-хъ евангелистовъ, и сверхъ того, для дополненія этой символизаціи евангельскаго сказанія, рамка картины составлена вся изъ цѣлаго ряда поперемѣнно шестикрылыхъ серафимовъ и двойныхъ колесъ съ крыльями.

10) Anastasius Bibliothec. De vita pontif. roman., in vita Leonis III: «Item et in monasterio sancti Erasmi fecit vestem de stauraci cum cruce et gammadiis, simul et paratrapetis suis cum periclysi de chrysoclavo». Эти же выраженія повторяются въ разныхъ мѣстахъ тѣмъ же сочинителемъ для обозначенія тканей и украшеній. Рисунокъ, дающій полнѣйшее понятіе объ узорахъ тканей, употреблявшихся для священническихъ одеждъ,—это рисунокъ, снятый Дюканжемъ (Histor. Byzant. Constantinopolis illustrata, lib. IV, p. 82, edit. Venet. 1729, а также въ т. VII Glossarium mediae et infimae latinitatis, 2 edit. Paris, 1840—50, pl. IX) съ одной изъ четырехъ дощечекъ греческой живописи, хранившихся въ числѣ сокровищъ парижскихъ канониковъ Св. Женевьевы. Три Святителя, Николай, Іоаннъ Златоустъ и Василій, представлены на ней въ стихаряхъ (στιχάρια) и ризахъ (φαινόλια) изъ матеріи съ вытканными крестами, кои украшены по угламъ гаммами или обведены кругами, cum orbiculis et cruce. Почти такой же рисунокъ представляетъ и одежда св. Макарія Александрійскаго на русской иконѣ двухъ Святыхъ Макаріевъ, которую приписываютъ псковскому художнику Андрею Рублеву (Древн. Росс. Госуд. т. I, таб. XV), а также и на большой завѣсѣ алтарной, вышитой въ 1399 г. сербской княгиней Евфиміей Углечь для Хиландарской на Аѳонской горѣ церкви; на этой завѣсѣ Христосъ стоитъ въ архіерейской одеждѣ, благословляя обѣими руками двухъ святыхъ іерарховъ: Іоанна Златоуста и Василія Великаго, изображенныхъ въ вѣнцахъ и въ фелоняхъ, украшенныхъ поперемѣнно золотыми и серебряными крестами. На древнихъ завѣсахъ въ румынскихъ церквахъ чаще всего представляются св. іерархи въ такого рода одеждѣ, которая называлась, относительно въ ближайшее къ нашему время, πολυσταύριον. Симеонъ, архіепископъ Ѳессалоникскій, греческій писатель XV ст., котораго я уже приводилъ, и большая часть сочиненій котораго была издана въ первый разъ въ Яссахъ, въ 1688 году, стараніемъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея, подъ многословнымъ заглавіемъ: Συμεῶν τοῦ μακαρίου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης κατὰ αἱρέσεως καὶ περὶ τῆς μόνης ὀρθῆς τῆς χριστιανῶν ἡμῶν πίστεως, τῶν τε ἱερῶν τελετῶν καὶ μυστηρίων τῆς ἐκκλησίας διάλογος, и т. д., говоритъ въ трактатѣ, озаглавленномъ: Ἀποκρίσις πρὸς τινὰς ἐρωτήσεις Ἀρχιερέως ἠρωτηκότος αὐτόν, quaest. XIX, что употребленіе полиставрія дозволено только высшимъ духовнымъ сановникамъ: патріархамъ и архіепископамъ-митрополитамъ, которые, приближаясь болѣе всѣхъ къ духовному образу

Христа, только одни имѣютъ право представлять собою и его человѣческій образъ, покрываясь крестами страстей; простые епископы должны довольствоваться фелонью и саккосомъ изъ богатыхъ матерій, но безъ крестовъ (см. также Macri, Hierolexicon ad vocab. polystaurium, stauracinus, gammadia et casula. Ducange, Glossar. med. et infimae graecitat. ad vocab. πολυσταύριον. Rev. Wharton. B. Marriott, Vestiarium christianum. London, 1868, p. 170). Какъ древній и прекрасный образчикъ полиставрія или саккоса съ крестами, можно привести императорскую далматику съ именемъ папы Льва III, греческой вышивальной работы, вѣроятно XII ст., которая хранится въ ризницѣ при церкви св. Петра въ Римѣ (см. Boisserée, ueber die Kaiser-Dalmatika in die Petersche Kirche in Rom. Munchen, 1842. Didron, Annales archéologiques, 1844, vol. I, p. 152 и vol. XXV, 1868, p. 288. Fr. Bock, Die Kleinodien des heilig. Roemischen Reichs, deutscher Nation. Wien, 1864, p. 95, pl. XVIII и XIX). Въ монастырѣ Діонисія, на Аѳонской горѣ, сохраняется съ благоговѣніемъ σάκκος πολυσταύριος св. патріарха Ниѳонта, который былъ попеременно вселенскимъ первосвятителемъ Константинопольской церкви, архіепископомъ-митрополитомъ и реформаторомъ духовенства въ Валахіи и наконецъ монахомъ-отшельникомъ и аскетомъ на Св. Горѣ (1487—1512). Этотъ саккосъ сдѣланъ изъ золотой и шелковой ткани, составленной изъ разноцвѣтныхъ крестовъ и круглыхъ медальоновъ, въ которыхъ повторяется однообразно поясное изображеніе Спасителя въ богатой архіерейской одеждѣ. Замѣчательно, что на этой матеріи, сокращенія, обозначающія Христа-Архіерея: Ἰησοῦς Χριστός Ἀρχιερεύς, написаны на изворотъ, такимъ образомъ, что ихъ надо читать съ обратной стороны, т. е, справа налѣво. Эта же особенность видна и на ткани изъ краснаго шелка, серебра и золота, сохраняющейся въ монастырѣ Пантократоръ, на которой изображена группа, гдѣ Пресвятая Дѣва стоитъ между царями Давидомъ и Соломономъ, преклоняющимися передъ нею; всѣ названія написаны наизворотъ: такъ, вмѣсто МР ѲѴ ДАВИД и ѲОЛОМѠН на ткани видимъ: ѴѲ РМ ДИВАД и МОЛОѲ. Какой фабрики эти ткани, сдѣланныя, по всей вѣроятности, по греческимъ образцамъ, но иноземными мастерами, которые, не зная языка словъ, изображенныхъ на тканяхъ, не заботились и объ исправленіи буквъ, снимавшихся наизворотъ? Христіанское содержаніе ихъ не позволяетъ предполагать въ нихъ произведеній мусульманскаго мастерства, ни даже арабскаго, которое впрочемъ существовало въ южной Европѣ только за нѣсколько лѣтъ до святаго Ниѳонта. Я склоняюсь къ предположенію, что эти парчи были сдѣланы въ одной изъ многочисленныхъ венеціанскихъ ткацкихъ мастерскихъ, бывшихъ въ XV ст. главными поставщицами востока (см. Francisque Michel, Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes de soie, de l' argent et d' autres tissus precieux en occident et principalement en France, pendant le moyen age. Paris, 1854, v. I, pl. 73, 87. H. Scherer, Histoire du commerce de toutes les nations depuis les temps anciens jusqu' a nos jours. trad. franc. Paris, 1857, t. I. p. 335. Fr. Bock, Geschichte der liturgischen Gewaende des Mittelalters. Bonn, 1859—1869, t. I, cap. 1, p. 58). Я привожу эти ткани, какъ единственныя изъ извѣстныхъ мнѣ съ этими характеристическими особенностями. Но возвратимся къ gammadia и polystauria: этотъ родъ орнаментаціи, составленный изъ греческихъ крестовъ, безпорядочно повторенныхъ и обрамленныхъ или кругами, или неоконченными четыреугольниками, похожими на симметрическое соединеніе гаммы Г, былъ употребляемъ какъ византійскими мастерами, такъ и ихъ подражателями въ церковныхъ украшеніяхъ и орнаментаціи всевозможныхъ церковныхъ предметовъ. На стѣнной мозаикѣ въ церкви св. Софіи въ Константинополѣ часто повторяется этотъ принятый рисунокъ (см. Salzenberg, Die altchristliche Baudenkmale in Constantinopel. Berlin, 1854), который Анастасій Библіотекарь называетъ въ архитектурѣ тѣмъ же именемъ: gammadide, или gammada; впрочемъ это же названіе служило для опредѣленія первоначальной формы христіанскихъ храмовъ, планъ которыхъ былъ составленъ изъ сочетанія 4-хъ гаммъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что онѣ составляли греческій крестъ (Albert Lenoir, Architecture monastique. Paris, 1832, tom I, pl. 254). Я приведу еще, какъ образчикъ крестчатой орнаментаціи, желѣзный тронъ, составленный изъ множества равноконечныхъ крестовъ, на которомъ помѣщена золотая статуя Св. вѣры, въ ризницѣ церкви гор. Конкъ во Франціи, по всей вѣроятности,—произведеніе IX ст., въ которомъ вліяніе византійскаго искусства очевидно (A. Darcel, въ Annales archéologiques de Didron, tom. XXI, p. 118.).

11) На большей части плащаницъ изображены по 4 угламъ средней картины, но безъ соблюденія опредѣленнаго порядка, евангелисты и ихъ символы; иногда они изображены во весь ростъ, а иногда по поясъ, и часто надъ ними надписаны ихъ имена, то полныя, то въ сокращеніяхъ или монограммахъ. Если вмѣсто лицъ изображены символы, то около нихъ иногда помѣщены греческія слова, написанныя полукругомъ: подъ ангеломъ Св. Іоанна пишется въ этомъ случаѣ—ἄδοντα, подъ тельцомъ Св. Луки—βοῶντα, подъ львомъ Св. Марка—κεκράγοντα и наконецъ подъ ангеломъ Св. Матѳея—κελέγοντα (καὶ λέγοντα). Двѣ молдавскія плащаницы, одна 1516 г. въ Веронѣ, а другая 1460 г. въ Путнѣ, представляютъ эту послѣднюю особенность. Напротивъ того, въ валахскихъ плащаницахъ въ Козіи (1396) и Горецѣ (XVIII в.) нѣтъ никакихъ изображеній евангелистовъ, какъ и на плащаницахъ буковинскихъ, пожертвованныхъ молдавскимъ княземъ Стефаномъ Великимъ (1481) и сербской княгиней, монахиней Евфиміей.

12). Константинополь сохранилъ, даже послѣ паденія Восточной имперіи, неоспоримое превосходство въ производствѣ вышиванья шелками, золотомъ и серебромъ; такъ въ 1654 году русскій патріархъ Никонъ заказалъ тамъ саккосъ и митру, которые стоили ему 1230 руб. и были сдѣланы, по увѣренію константинопольскаго патріарха Іоанникія, со всевозможнымъ искусствомъ, по церковному обряду и образцамъ греческимъ (Савва можайскій, стр. 10). Затѣмъ извѣстно, что даже самый французскій дворъ заказывалъ въ Константинополѣ вышивку своихъ самыхъ роскошныхъ костюмовъ въ 1687 г. (см. Francisque Michel, Recherches sur les étoffes de soie, d'or и т. д. томъ II, стр. 370—373). Мы находимъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о вышиваніи одеждъ и церковныхъ украшеній у Фр. Бока въ Geschichte der liturg. Gewaend. t. I, стр. 123 и сл. Тонкое вышиваніе облаченій держалось на востокѣ, на высокой степени совершенства, до начала XVIII в., и къ этой эпохѣ (1710) относится омофоръ, который я видѣлъ въ Иверскомъ монастырѣ, на Аѳонскихъ горахъ. Украшенія изъ цвѣтовъ, которыми онъ убранъ, шитыя золотомъ и жемчугомъ по алому атласу, и въ особенности 5 изображеній въ медальонахъ (ὁ εὐαγγελισμός, ἡ γέννησις, ἡ ἀνάστασις, ἡ σταύρωσις, ἡ ἁγία τριάς) такой тонкой работы, такъ чисто вышиты, такъ прекрасно и безупречно, что я долженъ былъ долго разсматривать ихъ въ лупу, чтобы увѣриться, что это не нарисованныя миніатюры, а дѣйствительно образцовое произведеніе вышиванья. Епископъ, которому принадлежала эта великолѣпная вещь, назывался Ioannikios Pelo изъ Лемноской церкви. Этотъ омофоръ былъ славою Линдоса, его отечества, какъ свидѣтельствуетъ надпись въ греческихъ стихахъ, вышитая между украшеній. Кажется однако, что мастеръ, сдѣлавшій съ такимъ рѣдкимъ совершенствомъ, къ своей славѣ, это произведеніе, не оставилъ учениковъ, способныхъ продолжать его искусство на востокѣ, такъ какъ съ XVIII в. богатыя православныя церкви Константинополя и всей Турціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда не прибѣгали къ русскимъ мастерамъ, заказывали вышивку украшеній въ Вѣнѣ, въ Австріи, у неискусныхъ мастеровъ, которые, стараясь сообразоваться съ правилами византійскаго стиля, производили только вещи совершенно безвкусныя. Изъ этаго-то мутнаго источника и вышло великое множество вышивокъ надутаго стиля, съ безвкуснымъ и рѣзкимъ колоритомъ, которыя восточные монахи показываютъ въ настоящее время съ гордостью любопытной публикѣ, какъ самыя драгоцѣнныя вещи, заключающіяся между сокровищами ихъ ризницъ. Не одинъ разъ, въ турецкихъ церквахъ, мнѣ приходилось осматривать роскошную выставку этихъ грубыхъ произведеній искусства, будто бы византійскихъ, и въ особенности въ монастырѣ Ватопедскомъ, гдѣ я прочелъ улыбку сожалѣнія на лицахъ монаховъ за то, что не пришелъ въ восторгъ передъ огромной бархатной завѣсой, на которой какой-то несчастный вѣнскій вышивальщикъ наивно старался передразнить византійскіе типы св. императора Константина и Елены. Плащаницы этого происхожденія и времени встрѣчаются очень часто; я видѣлъ таковыя въ ризницѣ константинопольскаго патріархата, въ Ксеропотамскомъ монастырѣ, а также и въ другихъ монастыряхъ на Аѳонскихъ горахъ.

13) N. de Gérebtzoff. Essai sur l'histoire de la civilisation russe. Paris, 1858, vol. I, p. 124.

14) Савва, епископъ можайскій, см. вышепривед. соч. стр. 11.

15) Доказательствомъ служитъ богатый вышитый dorsale, присланный императоромъ Михаиломъ Палеологомъ папѣ Григорію X, подробно описанный въ инвентарѣ

сокровищъ св. Престола, составленномъ въ 1295 году. См. J. Labarte, Histoire des arts industriels. Paris, 1866, vol. IV, p. 341.

16) Le Manuel de l'Iconographie chrétienne, par Didron, Paris. 1845, p. 198, въ главѣ, подъ названіемъ: La lamentation sur le tombeau, описываетъ слѣдующимъ образомъ сцену, составляющую необходимую принадлежность плащаницъ, которая такъ же принята въ обрядѣ восточныхъ церквей, какъ Pietà въ италіанскомъ духовномъ искусствѣ: «Une grande pierre carrée. Dessus, un linceul déployé, sur lequel est étendu nu le corps de Christ. La S-te Vierge agenouillée se penche sur lui et lui embrasse la figure. Joseph lui baise les pieds et le Théologue (S-t Jean évangeliste), la main droite. Derriére Joseph, Nicodeme, appuyé sur l'échelle, regarde le Christ. Auprès de la S-te Vierge, Marie Magdelaine les bras déployés vers le ciel et toute en pleurs; les autres femmes qui portent les aromates, s'arrachent les cheveux.' Par derrière, la croix avec son écriteau. Au dessous du Christ, la corbeillé de Nicodème avec les clous, les tenailles et le marteau; auprès, un autre vase, en forme de petite bouteille.» Правда, что эти правила предписаны живописцамъ иконнымъ и стѣннымъ, но почти очевидно, что они должны были относиться и къ мастерамъ, рисовавшимъ иголкой тѣ же изображенія и для того же употребленія; языкъ древнихъ уподоблялъ вышиванье рисованью: «Stragulum textile magnificis operibus pictum» (Цицеронъ, Tusculan. V, 21); «Picti tapes, picti tori, picta toga» (у Марціала, Овидія и т. д.). Однако описанная выше сцена терпѣла значительныя измѣненія на вышитыхъ плащаницахъ. Иногда камень и пелена вовсе исчезали (ἐπιτάφιον сербской княгини Евфиміи въ Буковинѣ и іеромонаха Каллиста въ Дохіаріонѣ); чаще всего нѣтъ стоящаго креста (изъ 15-ти плащаницъ, приведенныхъ нами въ настоящей статьѣ, только 4 сохранили крестъ, а именно: Горецкая, вышитая княгиней Бранковано въ началѣ XVIII в.; Сучевицкая, пожертвованная въ 1592 г. княземъ Іереміей Мовилой, гдѣ крестъ изображенъ даже съ терновымъ вѣнцомъ, копьемъ и тростію; Діонисійская, пожертвованная въ 1545 году княземъ Петромъ Равешемъ; наконецъ древняя сербская въ Хиландари); затѣмъ, также часто замѣтно отсутствіе знаковъ страстей. Съ другой стороны, однако, сцена погребенія увеличивалась на плащаницахъ присутствіемъ нѣсколькихъ ангеловъ, архангеловъ съ рипидами и сосудами, херувимовъ, несущихъ одну или нѣсколько пеленъ, а также и нѣкоторыя орудія страстей, шестокрылыхъ серафимовъ, престоловъ и т. д. Далѣе, прибавлялись также дополнительныя украшенія, даже и не идущія къ смыслу картины, какъ напр. изображенія солнца и луны наверху и множество звѣздъ на пустыхъ мѣстахъ въ глубинѣ; это—космическія стихіи, напоминающія соотношеніе, существующее между плащаницею и воздухомъ—символомъ тверди небесной. Часто также, то внутри картины, то по краямъ, были расположены надписи, обозначающія имена и званія изображенныхъ лицъ или богослужебные тексты, подходящіе къ представленной сценѣ, или наконецъ вкладныя подписи съ числами и именами жертвователей, смотря по величинѣ свободнаго мѣста, которымъ располагалъ мастеръ. Какъ самыя употребительныя между второстепенными украшеніями, надо еще замѣтить эмблемы или символы евангелистовъ, помѣщенные по 4 угламъ картины, на тѣхъ мѣстахъ, которыя они занимаютъ на платѣ, называемомъ антиминсомъ; самый антиминсъ есть ничто иное, какъ другое подобіе погребальной пелены св. Іосифа Аримаѳейскаго (см. Симеона Ѳессалоникскаго: Περὶ τῆς τελετῆς τῆς ἱερᾶς λειτουργίας καὶ περὶ τοῦ ναοῦ, гл. 34). Наконецъ на плащаницахъ, въ особенности богато украшенныхъ вышивками, помѣщены также въ разнообразныхъ медальонахъ поясныя изображенія разныхъ святыхъ изъ Ветхаго Завѣта или изъ Четьи-минеи, не имѣющія прямаго отношенія къ главному изображенію и образующія рамку вокругъ картины. Надо однако замѣтить, что изображенія жертвователей никогда не вышивались на плащаницахъ, тогда какъ внизу разныхъ церковныхъ вышивокъ, какъ напр. на украшеніяхъ иконостаса (покрывалахъ), на завѣсѣ алтаря и даже на эпитрахиляхъ часто изображались единичныя личности или цѣлыя семейства стоящими, или колѣнопреклоненными, съ подписями подъ ними, что они жертвователи этой вещи. Этотъ обычай не былъ чуждъ и западнымъ странамъ въ средніе вѣка, и я приведу этому только одинъ примѣръ, изъ котораго видно во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе Византіи на искусство въ Германіи во времена Оттоновъ; это четыреугольная вышивка X вѣка, найденная въ 1864 году внутри раки св. Царей, въ Кельнскомъ соборѣ, которую каноникъ Фр. Бокъ (Die Paramentik des Altares und des Chores im Mittelalter, im

11) На большей части плащаницъ изображены по 4 угламъ средней картины, но безъ соблюденія опредѣленнаго порядка, евангелисты и ихъ символы; иногда они изображены во весь ростъ, а иногда по поясъ, и часто надъ ними надписаны ихъ имена, то полныя, то въ сокращеніяхъ или монограммахъ. Если вмѣсто лицъ изображены символы, то около нихъ иногда помѣщены греческія слова, написанныя полукругомъ: подъ ангеломъ Св. Іоанна пишется въ этомъ случаѣ—ᾄδοντα, подъ тельцомъ Св. Луки—βοῶντα, подъ львомъ Св. Марка—κεκράγοντα и наконецъ подъ ангеломъ Св. Матѳея—κελέγοντα (καὶ λέγοντα). Двѣ молдавскія плащаницы, одна 1516 г. въ Веронѣ, а другая 1460 г. въ Путнѣ, представляютъ эту послѣднюю особенность. Напротивъ того, въ валахскихъ плащаницахъ въ Козіи (1396) и Горецѣ (XVIII в.) нѣтъ никакихъ изображеній евангелистовъ, какъ и на плащаницахъ буковинскихъ, пожертвованныхъ молдавскимъ княземъ Стефаномъ Великимъ (1481) и сербской княгиней, монахиней Евѳиміей.

12). Константинополь сохранилъ, даже послѣ паденія Восточной имперіи, неоспоримое превосходство въ производствѣ вышиванья шелками, золотомъ и серебромъ; такъ въ 1654 году русскій патріархъ Никонъ заказалъ тамъ саккосъ и митру, которые стоили ему 1230 руб. и были сдѣланы, по увѣренію константинопольскаго патріарха Іоанникія, со всевозможнымъ искусствомъ, по церковному обряду и образцамъ греческимъ (Савва можайскій, стр. 10). Затѣмъ извѣстно, что даже самый французскій дворъ заказывалъ въ Константинополѣ вышивку своихъ самыхъ роскошныхъ костюмовъ въ 1687 г. (см. Francisque Michel, Recherches sur les étoffes de soie, d'or и т. д. томъ II, стр. 370—373). Мы находимъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о вышиваніи одеждъ и церковныхъ украшеній у Фр. Бока въ Geschichte der liturg. Gewaend. t. I, стр. 123 и сл. Тонкое вышиваніе облаченій держалось на востокѣ, на высокой степени совершенства, до начала XVIII в., и къ этой эпохѣ (1710) относится омофоръ, который я видѣлъ въ Иверскомъ монастырѣ, на Аѳонскихъ горахъ. Украшенія изъ цвѣтовъ, которыми онъ убранъ, шитыя золотомъ и жемчугомъ по алому атласу, и въ особенности 5 изображеній въ медальонахъ (ὁ εὐαγγελισμός, ἡ γέννησις, ἡ ἀνάστασις, ἡ σταύρωσις, ἡ ἁγία τριάς) такой тонкой работы, такъ чисто вышиты, такъ прекрасно и безупречно, что я долженъ былъ долго разсматривать ихъ въ лупу, чтобы увѣриться, что это не нарисованныя миніатюры, а дѣйствительно образцовое произведеніе вышиванья. Епископъ, которому принадлежала эта великолѣпная вещь, назывался Ioannikios Pelo изъ Лемноской церкви. Этотъ омофоръ былъ славою Линдоса, его отечества, какъ свидѣтельствуетъ надпись въ греческихъ стихахъ, вышитая между украшеній. Кажется однако, что мастеръ, сдѣлавшій съ такимъ рѣдкимъ совершенствомъ, къ своей славѣ, это произведеніе, не оставилъ учениковъ, способныхъ продолжать его искусство на востокѣ, такъ какъ съ XVIII в. богатыя православныя церкви Константинополя и всей Турціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда не прибѣгали къ русскимъ мастерамъ, заказывали вышивку украшеній въ Вѣнѣ, въ Австріи, у неискусныхъ мастеровъ, которые, стараясь сообразоваться съ правилами византійскаго стиля, производили только вещи совершенно безвкусныя. Изъ этаго-то мутнаго источника и вышло великое множество вышивокъ надутаго стиля, съ безвкуснымъ и рѣзкимъ колоритомъ, которыя восточные монахи показываютъ въ настоящее время съ гордостью любопытной публикѣ, какъ самыя драгоцѣнныя вещи, заключающіяся между сокровищами ихъ ризницъ. Не одинъ разъ, въ турецкихъ церквахъ, мнѣ приходилось осматривать роскошную выставку этихъ грубыхъ произведеній искусства, будто бы византійскихъ, и въ особенности въ монастырѣ Ватопедскомъ, гдѣ я прочелъ улыбку сожалѣнія на лицахъ монаховъ за то, что не пришелъ въ восторгъ передъ огромной бархатной завѣсой, на которой какой-то несчастный вѣнскій вышивальщикъ наивно старался передразнить византійскіе типы св. императора Константина и Елены. Плащаницы этого происхожденія и времени встрѣчаются очень часто; я видѣлъ таковыя въ ризницѣ константинопольскаго патріархата, въ Ксеропотамскомъ монастырѣ, а также и въ другихъ монастыряхъ на Аѳонскихъ горахъ.

13) N. de Gérebtzoff. Essai sur l'histoire de la civilisation russe. Paris, 1858, vol. I, p. 124.

14) Савва, епископъ можайскій, см. вышепривед. соч. стр. 11.

15) Доказательствомъ служитъ богатый вышитый dorsale, присланный императоромъ Михаиломъ Палеологомъ папѣ Григорію X, подробно описанный въ инвентарѣ

сокровищъ св. Престола, составленномъ въ 1295 году. См. J. Labarte, Histoire des arts industriels. Paris, 1866, vol. IV, p. 341.

16) Le Manuel de l'Iconographie chrétienne, par Didron, Paris. 1845, p. 198, въ главѣ, подъ названіемъ: La lamentation sur le tombeau, описываетъ слѣдующимъ образомъ сцену, составляющую необходимую принадлежность плащаницъ, которая такъ же принята въ обрядѣ восточныхъ церквей, какъ Pietà въ италіанскомъ духовномъ искусствѣ: «Une grande pierre carrée. Dessus, un linceul déployé, sur lequel est étendu nu le corps de Christ. La S-te Vierge agenouillée se penche sur lui et lui embrasse la figure. Joseph lui baise les pieds et le Théologue (S-t Jean évangeliste), la main droite. Derriére Joseph, Nicodeme, appuyé sur l'échelle, regarde le Christ. Auprès de la S-te Vierge, Marie Magdelaine les bras déployés vers le ciel et toute en pleurs; les autres femmes qui portent les aromates, s'arrachent les cheveux. Par derrière, la croix avec son écriteau. Au dessous du Christ, la corbeille de Nicodème avec les clous, les tenailles et le marteau; auprès, un autre vase, en forme de petite bouteille.» Правда, что эти правила предписаны живописцамъ иконнымъ и стѣннымъ, но почти очевидно, что они должны были относиться и къ мастерамъ, рисовавшимъ иголкой тѣ же изображенія и для того же употребленія; языкъ древнихъ уподоблялъ вышиванье рисованью: «Stragulum textile magnificis operibus pictum» (Цицеронъ, Tusculan. V, 21); «Picti tapetes, picti tori, picta toga» (у Марціала, Овидія и т. д.). Однако описанная выше сцена терпѣла значительныя измѣненія на вышитыхъ плащаницахъ. Иногда камень и пелена вовсе исчезали (ἐπιτάφιον сербской княгини Евфиміи въ Буковинѣ и іеромонаха Каллиста въ Дохіаріонѣ); чаще всего нѣтъ стоящаго креста (изъ 15-ти плащаницъ, приведенныхъ нами въ настоящей статьѣ, только 4 сохранили крестъ, а именно: Горецкая, вышитая княгиней Бранковано въ началѣ XVIII в.; Сучевицкая, пожертвованная въ 1592 г. княземъ Іеремiей Мовилой, гдѣ крестъ изображенъ даже съ терновымъ вѣнцомъ, копьемъ и тростію; Діонисійская, пожертвованная въ 1545 году княземъ Петромъ Равешемъ; наконецъ древняя сербская въ Хиландари); затѣмъ, также часто замѣтно отсутствіе знаковъ страстей. Съ другой стороны, однако, сцена погребенія увеличивалась на плащаницахъ присутствіемъ нѣсколькихъ ангеловъ, архангеловъ съ рипидами и сосудами, херувимовъ, несущихъ одну или нѣсколько пеленъ, а также и нѣкоторыя орудія страстей, шестокрылыхъ серафимовъ, престоловъ и т. д. Далѣе, прибавлялись также дополнительныя украшенія, даже и не идущія къ смыслу картины, какъ напр. изображенія солнца и луны наверху и множество звѣздъ на пустыхъ мѣстахъ въ глубинѣ; это—космическія стихіи, напоминающія соотношеніе, существующее между плащаницею и воздухомъ—символомъ тверди небесной. Часто также, то внутри картины, то по краямъ, были расположены надписи, обозначающія имена и званія изображенныхъ лицъ или богослужебные тексты, подходящіе къ представленной сценѣ, или наконецъ вкладныя подписи съ числами и именами жертвователей, смотря по величинѣ свободнаго мѣста, которымъ располагалъ мастеръ. Какъ самыя употребительныя между второстепенными украшеніями, надо еще замѣтить эмблемы или символы евангелистовъ, помѣщенные по 4 угламъ картины, на тѣхъ мѣстахъ, которыя они занимаютъ на платѣ, называемомъ антиминсомъ; самый антиминсъ есть ничто иное, какъ другое подобіе погребальной пелены св. Іосифа Аримаѳейскаго (см. Симеона Ѳессалоникскаго: Περὶ τῆς τελετῆς τῆς ἱερᾶς λειτουργίας καὶ περὶ τοῦ ναοῦ, гл. 34). Наконецъ на плащаницахъ, въ особенности богато украшенныхъ вышивками, помѣщены также въ разнообразныхъ медальонахъ поясныя изображенія разныхъ святыхъ изъ Ветхаго Завѣта или изъ Четьи-минеи, не имѣющія прямаго отношенія къ главному изображенію и образующія рамку вокругъ картины. Надо однако замѣтить, что изображенія жертвователей никогда не вышивались на плащаницахъ, тогда какъ внизу разныхъ церковныхъ вышивокъ, какъ напр. на украшеніяхъ иконостаса (покрывалахъ), на завѣсѣ алтаря и даже на эпитрахиляхъ часто изображались единичныя личности или цѣлыя семейства стоящими, или колѣнопреклоненными, съ подписями подъ ними, что они жертвователи этой вещи. Этотъ обычай не былъ чуждъ и западнымъ странамъ въ средніе вѣка, и я приведу этому только одинъ примѣръ, изъ котораго видно во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе Византіи на искусство въ Германіи во времена Оттоновъ; это четыреугольная вышивка X вѣка, найденная въ 1864 году внутри раки св. Царей, въ Кельнскомъ соборѣ, которую каноникъ Фр. Бокъ (Die Paramentik des Altares und des Chores im Mittelalter, im

Anschlusse an die Geschichte der liturg. Gewaend. Coeln, 1869, стр. 213, рис. XXII, фиг. 1) принимаетъ за знамя или vexillum, тогда какъ я вижу въ ней совершенное сходство, по формѣ и изображеніямъ, съ извѣстными украшеніями иконостаса, встрѣчающимися въ восточныхъ церквахъ. На ней изображенъ въ срединѣ Христосъ безъ бороды, въ ростъ, въ крестовидномъ вѣнцѣ, держащій въ правой рукѣ греческій крестъ, а въ лѣвой книгу; надъ его головой слова: IΗ̅Σ ΧΡ̅Σ надъ нимъ божественная рука, выходящая изъ облаковъ, между двухъ архангеловъ: Sc̄s MICHAEL и Sc̄s GABRIEL. По бокамъ два медальона, представляющіе поясныя изображенія съ странными атрибутами, которыя въ надписяхъ названы: SOL и LUNA. Внизу два святыхъ въ вѣнцахъ и въ фелоняхъ, благословляющіе и держащіе книги: Scs LARIUS и Sc̄s RASO (?); подлѣ нихъ по большой звѣздѣ, а между ними находится маленькая фигура съ бородой, распростертая и съ мечемъ на боку; имя этаго лица написано возлѣ него: RAGENARDUS COMES. Ниже читаемъ: GERBERGA ME FECIT. На рамкѣ, по четыремъ сторонамъ, идетъ слѣдующій библейскій стихъ, прерывающійся по угламъ равноконечными крестами: BENEDICTUS DN̄S DS̄ ME+US QUI DOCET MANUS ME+AS AD PRELIUM ET DIG+ITOS MEOS AD BELLUM. Эта вещь, кажется, составляетъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ уцѣлѣвшихъ образцовъ христіанской вышивки, пожертвованной по обѣту, на которой изображено мірское лицо вмѣстѣ съ святыми. Обычай этотъ удержался, по крайней мѣрѣ на востокѣ, до нашихъ временъ, что видно на большей части церковныхъ украшеній. Однако, что касается до плащаницъ, то ихъ употребленіе въ богослуженіи, кажется, ставило ихъ слишкомъ высоко для того, чтобы простые смертные дерзали изображать себя на нихъ. Дѣйствительно, на плащаницахъ обыкновенно господствовалъ элементъ мистическаго символизма, соединявшагося съ тѣми чертами, которыя обыкновенная живопись представляла въ изображеніи погребальной сцены плача. Выше мы видѣли, что при писаніи обыкновенныхъ церковныхъ картинъ, православнымъ художникамъ стоило только воодушевиться чувствомъ самой трогательной дѣйствительности; въ этомъ случаѣ они видѣли Христа только подъ его чисто человѣческимъ образомъ, между тѣмъ какъ на плащаницахъ должна была уже проявляться небесная природа Спасителя. Иногда даже земной элементъ до такой степени здѣсь исчезалъ, что тѣло Сына Божія изображалось одно, на воздухѣ, окруженное только болѣе или менѣе многочисленными представителями небесныхъ силъ (плащаница сербской княгини Евѳиміи въ Буковинѣ).

17) Ch. de Linas, въ L'Histoire du Travail à l'Exposition universelle 1867 (Парижъ, 1868, стр. 201), упоминая объ этой плащаницѣ, говоритъ, что на ней двое ангеловъ изображены съ факелами, а два другіе съ рипидами. Предметы, названные здѣсь факелами, очевидно, не рипиды, но тѣмъ не менѣе однако же странныя формы, имъ присвоенныя, побуждаютъ видѣть въ нихъ особенные знаки (insignia), съ какимъ-то символическимъ значеніемъ, въ которое трудно проникнуть. Эти предметы похожи на древки съ надѣтыми на нихъ кольцами или кружками, находящимися въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго; на верху каждаго древка видно по полумѣсяцу, обращенному рогами вверхъ; между рогами помѣщается продолговатый параллелограммъ или футляръ, откуда выходятъ очень тонкіе серебряные, съ красными шелковыми каемками, стебельки; на правомъ древкѣ четыре стебелька, а на лѣвомъ пять. Сначала ихъ можно принять за пучки кропила, но это мало вѣроятно: какое значеніе могло бы имѣть кропило при изображеніи плача Св. семейства? Если бы стебли были побольше, и въ особенности, если бы на верху ихъ было изображено пламя, то нельзя бы и сомнѣваться въ томъ, что это свѣчи, поставленныя по нѣскольку въ одномъ подсвѣчникѣ, а ангелы, ихъ держащіе при этомъ дѣйствіи, въ одно и то же время и богослужебномъ и похоронномъ, представляютъ священносцевъ, которые сопровождаютъ двухъ другихъ ангеловъ, несущихъ рипиды. Оставалось бы еще объяснить, почему такихъ свѣчей въ одномъ подсвѣчникѣ четыре, а въ другомъ пять. Сколько извѣстно, эти двѣ цифры не имѣютъ символическаго значенія въ церковныхъ обрядахъ, гдѣ количество свѣчей указано слѣдующее: одна (пасхальная свѣча, представляющая собой Христа), двѣ и три (δικήριον и τρικήριον епископскія, обозначающія, первое,—двоякое естество, Божеское и человѣческое, Іисуса Христа, другое—три лица Пресвятой Троицы), семь (указаніе на семь даровъ Святаго Духа) и двѣнадцать, (цифра, представляющая число апостоловъ); но никогда и нигдѣ не упоминаются четыре, пять, ни даже девять, итогъ этихъ двухъ цифръ, взятыхъ вмѣстѣ (см. Симеона

Θессалоникскаго: Περὶ τῆς τελετῆς τῆς ἱερᾶς λειτουργίας, изд. въ Лейпцигѣ, 1791, гл. 21, стр. 126; и Περὶ τοῦ Θειοῦ ναοῦ καὶ τῶν ἐν αὐτῷ, стр. 324. J. Goar, Euchologion, стр. 850, nota 26. Macri, Hierolexicon, ad vocab. candela. Du Cange, Glossar. med. et infim. graecitatis, ad vocab. κηρός. L'abbé Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes, Paris, 1865, въ словѣ cierge). Не покидая скользкаго пути предположеній, можно бы было еще сказать, что девять стебельковъ, находящихся на верху древковъ, могутъ означать девять орудій страстей Христовыхъ (каковы: крестъ, лѣстница, гвозди, молотокъ, клещи, терновый вѣнецъ, копіе, губка, трость), которыя часто изображаются, но болѣе яснымъ образомъ, или всѣ вмѣстѣ, или только нѣкоторыя изъ нихъ, на плащаницахъ. Такъ напр. на плащаницѣ, пожертвованной въ 1516 г. въ монастырь Воронскій, въ Молдавіи (Ботохансійй округъ), Вистерникомъ (главнымъ казначеемъ) Гавріиломъ Тротухаиомъ, видны два колѣнопреклоненные ангела передъ чашей на ножкѣ (большимъ сосудомъ или корзиной), наполненной гвоздями и поставленной на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на Тихвинскомъ воздухѣ пелена и ангелы съ рипидамй; здѣсь колѣнопреклоненные ангелы держатъ въ рукахъ крестъ, копье и трость. На плащаницѣ, пожертвованной въ 1545 году молдавскимъ княземъ Петромъ Равешемъ въ монастырь Діонисіонъ на Аѳонской горѣ, копье и трость съ губкой поставлены крестъ на крестъ при большомъ стоячемъ крестѣ, находящемся надъ тѣломъ Христа, тогда какъ на нижней сторонѣ видна чаша или корзина Никодима съ гвоздями, по бокамъ которой помѣщено по маленькому сосуду или бутылочкѣ. Четыре ангела покланяются каждому изъ этихъ предметовъ, а четыре архангела съ рипидами занимаютъ углы подъ евангелистами. Мы уже сказали въ предъидущемъ 9-мъ примѣчаніи, что на плащаницѣ 1609 г., находящейся въ монастырѣ Дохіаріонъ, копье, крестъ и трость держитъ въ сосудѣ ангелъ, летящій на небѣ, надъ тѣломъ Христа. Подобныя изображенія весьма часты, и мы видѣли такіе же символы, несомые ангелами, на иконахъ Божіей Матери, называемыхъ: «ἡ Φοβερὰ προστασία». Продолжая то же предположеніе, можно бы было сказать, что полумѣсяцы на древкахъ плащаницы въ Козіи указываютъ на лунное время и ночной часъ страстей нашего Спасителя, точно также какъ на это указываютъ два противуположные другъ другу полумѣсяцы, изображенные вверху на плащаницѣ 1609 г. въ Дохіаріонѣ, если только въ этихъ изображеніяхъ не скрывается болѣе тонкое символическое значеніе. По толкованію Максима Грека, поселившагося въ XVI вѣкѣ въ Россіи и оставившаго огромное количество богословскихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, полумѣсяцъ изображаетъ греческую букву υ (ипсилонъ), которая, говоритъ онъ, есть символъ крестнаго пути. Не забудемъ также, что у католиковъ Пресвятая Дѣва, какъ царица тверди небесной, часто представляется въ сіяніи, стоящею на полумѣсяцѣ, который ее поддерживаетъ, служа символомъ ея всенепорочной природы. Точно также въ серединѣ огромнаго полумѣсяца, въ лучахъ, изображена, въ одной рукописи XVI вѣка, Пресвятая Троица, представленная въ трехъ лицахъ, покрытыхъ одной одеждой (см. Didron Jconographie Chrétienne: Histoire de Dieu. Paris, 1843, p. 483.). Изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, что полумѣсяцъ, употребляемый какъ подножіе въ христіанскомъ искусствѣ, служитъ характеристическимъ признакомъ божественной или священной природы лицъ и предметовъ, находящихся на немъ. Вообще же, если когда нибудь Христіанская церковь употребляла полумѣсяцъ между символами, представляемыми православнымъ въ ея величественныхъ праздникахъ и богослужебныхъ церемоніяхъ, то она въ этомъ случаѣ только продолжала употребленіе разныхъ signa, или отличительныхъ знаковъ римскихъ когортъ, и манипулъ, точно также, какъ она сдѣлала это съ другими военными знаками, каковы: labarum и dracones. При этомъ мнѣ приходитъ на мысль сблизить древко, увѣнчанное полумѣсяцемъ и связкой изъ пяти расходящихся стеблей, вышитое на плащаницѣ въ Козіи, со многими signa, изображенными на древнихъ медаляхъ, барельефахъ и особенно на Траяновой колоннѣ; это знаки манипулъ, на которыхъ мы видимъ на древкѣ копья полумѣсяцъ, отдѣленный только нѣсколькими clypei или круглыми щитками и перекладиной отъ раскрытой руки, пять пальцевъ которой напоминаютъ стебли, изображенные на нашей вышивкѣ. См. эти signa въ Траяновой колоннѣ, гравированной П. С. Бартоли и объясненной А. Чіаконне и Ж. П. Беллори, изд. въ Римѣ, у Ж. де Росси; здѣсь въ объясненіи при таблицѣ V, по поводу этого знака, № 48, сказано: «Mano distesa sopra l'insigna, simbolo di concordia; più tosto di fede e sacramento militare, come nelle medaglie, overo allude al manipolo». Не употреблялась

ли по временамъ эта рука, раскрытая какъ бы въ знакъ молитвы (dextra precans) и отличающаяся по положенію пальцевъ отъ той, которая изображалась на main de justice древнихъ королей Франціи, въ числѣ украшеній и принадлежностей при церковныхъ процессіяхъ? Такое предположеніе болѣе чѣмъ сомнительно, но оно побуждаетъ насъ искать объясненія этого символа, весьма любопытнаго и свойственнаго только исключительно восточной церкви. Дѣйствительно, загадочные знаки нашей плащаницы могутъ во-первыхъ повести къ предположенію, наименѣе впрочемъ вѣроятному, что изображенному на ней полумѣсяцу приданъ иносказательный смыслъ, объясняемый достопамятными политическими происшествіями той эпохи, въ которую плащаница была вышита въ Козіи. 1396 годъ ознаменованъ осадою Никополиса, во время которой Баязедъ Ильдеримъ разбилъ французскихъ и нѣмецкихъ рыцарей, пришедшихъ на помощь восточному христіанству. Старый Мирча, основатель монастыря въ Козіи, царствовалъ въ то время въ Валахіи и его власть простиралась на оба берега Дуная, отъ Чернаго моря до Дуросторума (Силистріи); его оффиціальный титулъ былъ слѣдующій: «Азъ Јѡ Мирча великый Воевода и Самодржавный Господинъ въсей земи Угтровлахійской и Запланинскымъ ещеже и Татарскымъ странамъ и Амлашу и Фагарашу Херцегъ и Сѣверинскому Банству Господинъ и ѡба пола по въсему по Доунавіоу даже и до великого моры и Дрьстру граду Самодрьжецъ» (Разные документы Валахіи, изъ которыхъ Ю. Венэлинъ (см. Влахо-Болгарскія грамоты, стр. 18 и 22) издалъ двѣ хартіи или хризобуллы, относящіяся къ 1399 и 1406 г.) Этотъ князь участвовалъ въ союзѣ христіанъ противъ невѣрныхъ; но предпочелъ безопасный миръ могущему случиться пораженію, которое повергло бы его государство въ такое же жалкое положеніе, въ какое пришла Сербія послѣ погрома при Коссовѣ (1389), поэтому онъ купилъ у Султана миръ и цѣлость своихъ владѣній, цѣною ежегодной дани, и сдѣлался безусловнымъ хозяиномъ своего государства. Вслѣдствіе этого Мирча могъ смотрѣть на себя, какъ на единственнаго дунайскаго князя, успѣвшаго остановить насильственное вторженіе магометанъ, и пользуясь религіозной и гражданской независимостью, которую онъ съумѣлъ доставить своему народу, могъ, какъ добрый христіанинъ, съ правомъ показывать знаки невѣрныхъ подъ христіанскими символами. Извѣстно, что Турки приняли съ XIII вѣка, въ царствованіе Аладдина Великаго, какъ отличительный знакъ своихъ войскъ, полумѣсяцъ, который они переняли у царей Сассанидовъ персидскихъ (см. Hammer, Histoire de l'Empire Ottomane, Парижъ, 1855 г., томъ I, стр. 37). Еще издавна этотъ знакъ былъ врагомъ и соперникомъ, къ сожалѣнію часто счастливымъ, христіанской императорской хоругви, и императоръ Гераклій I (въ 629 г.), въ своихъ благочестивыхъ и отважныхъ походахъ для возвращенія настоящаго креста, успѣлъ, на первый разъ, покорить персидскій полумѣсяцъ Хозроевъ подъ крестъ Христовъ, который онъ со славою принесъ и поставилъ опять въ Іерусалимѣ (см. Lebeau, Histoire du Bas-Empire, 2-е изд. Парижъ 1830 г., томъ XI. Ad. d'Avril, Heraclius ou la question d'Orient au VII s. Парижъ, 1862 г.). Правда, что ни одинъ образный памятникъ этого отдаленнаго времени не сохранилъ намъ воспоминанія объ этой побѣдѣ въ видѣ символическаго полумѣсяца, надъ которымъ возвышался бы крестъ или какой либо другой христіанскій знакъ. Но кто можетъ сказать, что такое эмблематическое соединеніе соперничавшихъ между собой знаковъ, такъ часто потомъ повторявшееся, не явилось въ воображеніи религіозныхъ художниковъ около того времени, о которомъ мы говоримъ, когда борьба двухъ религій сдѣлалась почти постоянною въ восточной Европѣ? На главахъ очень старинныхъ церквей, какъ въ Россіи, такъ и въ Румынскихъ земляхъ, поставлены кресты, воткнутые въ полумѣсяцъ; такіе же кресты видны на соборѣ въ Хиландарскомъ монастырѣ, на Аѳонской горѣ, и по всей вѣроятности, они были поставлены тамъ во времена сербскаго царя Милутина, около 1300 г. Къ тому же у насъ слишкомъ мало данныхъ о фигуративномъ искусствѣ среднихъ вѣковъ въ нашей странѣ. Однако, въ итогѣ всѣ предположенія, которыя я только что высказалъ, весьма смѣлы. Я спѣшу смиренно признаться въ этомъ; впрочемъ, цѣль ихъ—только вызвать лучше знающихъ на какое-нибудь болѣе удовлетворительное объясненіе двухъ необыкновенныхъ орудій, которыя держатъ ангелы, помѣщенные на противуположныхъ сторонахъ картины, на плащаницѣ въ Козіи 1396 года. Наконецъ, самое время устроенія этой плащаницы, повидимому, не позволяетъ намъ сближать означенные предметы съ извѣстными факелами классической Греціи, изображенными на ея древнихъ памятникахъ. Факелы эти состоятъ изъ связки

прутьевъ обмазанныхъ смолой и воспламеняемыхъ (φανός), вставленной въ маленькую чашу (χύτρα), которая въ профиль представляетъ почти полумѣсяцъ; см. въ Archaeologische Zeitung: Denkmaeler, Forschungen und Berichte, Ed. Gerhard, годъ IX, 1857 года, стр. 116 и 117, диссертацію К. Беттигера о Φανός, съ многочисленными рисунками, снятыми съ разныхъ древнихъ памятниковъ, рис. CXVI и CXVII. Между тѣмъ, изображеніе подсвѣчника, грубо вырѣзанное при одной христіанской надписи, найденной на Веранскомъ полѣ въ Римѣ и хранящейся въ Латранскомъ христіанскомъ музеѣ (шк. XIV, въ сѣняхъ, N 44), могло бы служить связью между древними φανοί или βάχχοι, этими священными факелами греческихъ празднествъ, и древками архангеловъ, cerophores (?), изображенными на плащаницѣ въ Козіи. Упомянутый подсвѣчникъ первыхъ вѣковъ христіанства составленъ изъ шести маленькихъ шариковъ или кружечковъ не одинаковой величины, помѣщенныхъ одинъ на другой и образующихъ такимъ образомъ столбикъ, который отдѣляетъ нижнюю плоскость, поставленную на трехъ маленькихъ драконахъ, отъ широкаго верхняго пріемника, выпуклость котораго представляется въ профиль въ видѣ полумѣсяца; оттуда выходитъ нѣчто въ родѣ свѣчи, короткой, толстой и увѣнчанной пятью маленькими колеблющимися стрѣлками, представляющими собой, вѣроятно, пламя. Теперь намъ становится понятнымъ устройство тѣхъ орудій, которыя мы разсматриваемъ, и если подобные свѣтильники были употребляемы въ восточной церкви въ XIV вѣкѣ, то это могло бы служить новымъ примѣромъ устойчивости древнихъ обычаевъ до среднихъ вѣковъ въ восточныхъ странахъ Европы, новымъ доказательствомъ, что формы и типы, созданные и усвоеные древнимъ искусствомъ, сохранялись на Византійскомъ полуостровѣ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, особенно въ церковномъ искусствѣ. Между тѣмъ въ это самое время на западѣ типы и формы приняли характеръ, совершенно отличный отъ классическихъ преданій.

18) Карамзинъ, Ист. Госуд. Россійскаго, т. IX, стр. 51, 52: «Бѣлый клобукъ митрополитовъ». См. также L. Boissard, l'Eglise de Russie. Paris, 1867, t. I, p. 389. О χαμαιλαύχιον, равно какъ и о другихъ вышеприведенныхъ церковныхъ одеждахъ см: Симеона Солунскаго; J. Goar, Euchologion; Macri Hierolexicon; Ducange, Glossar. med. et iufimae graecit. idem latinitatis; Rev. Wadrton B. Marriott, Vestiarium christianum; L'abbé Martigny, Diction. des antiquit. chrétiennes; Fr. Bock, Geschichte der. liturg. Gewaend. im Mittelalter; H. Weiss, Costümkunde: Geschichte der Tracht und des Geräthes im Mittelalt. часть 1, Штуттартъ, 1862; Ferrarius, De re vestiaria, in Graevii Thesaur. Antiquit. Romanor. Trajecti ad Rhenum, 1697, tom. VI и др.

19) На этомъ вышитомъ портретѣ повторяется, съ небольшою разностію въ положеніи тѣла, любопытное изображеніе того же св. митрополита, вырѣзанное на слоновой кости въ 1479 году и хранящееся въ Московской Оружейной Палатѣ (См. Московская Оружейная Палата, 2-е изд. 1860 г., стр. 22 и сл.).

20) p. 299.

21) Лѣтопись Мирона Костина въ Letopissiticle tierrei Moldovei, издани. М. Когалничано, томъ I, стр. 283; Fürst Demeter Kantemir, Geschchiechte des Osmanischen Reiches и проч. Hamburg, 1745, стр. 532, примѣч. 79; Hammer, Histoire de l'empire Ottom. т. X, стр. 119; Engel, Geschiechte der Walachei und Moldau, часть 2, стр. 269 и 284. Въ этомъ сочиненіи историкъ Энгель приводитъ любопытное мѣсто, заимствованное у J. B. Lechevalier, Voyage de la Propontide et du Pont Euxin (Paris, 1800, т. 2, стр. 260 и слѣд.): «Basile, prince de Moldavie, desira transférer dans «sa province les reliques de S-te Parascève, qui avaient été jusqu' alors conservées dans «l'église partiarchale de Constantinople; mais la loi des Turcs s'y opposait; il est défendu chez «eux de porter un cadavre au delà de trois milles, à moins que ce ne soit celui du Sultan. «Basile paya trois cents bourses à la Porte et obtint sa demande. Les reliques furent conduites à Yassi et déposées dans le monasterè des Trois Hiérarches. Lorsque Sobieski, ne pouvant «se venger des Turcs, tournait son ressentiment contre les malheureux Moldaves et abandon«nait leur pays au pillage, il somma le métropolitain d'Yassi de lui livrer les reliques de S-te «Parascève ou plutot les coffrets precieux qui les renfermaient. Le métropolitain refusa et fut «jetté en prison. L'archimandrite, homme d'un caractère intrépide, reprenant le traitement «fait au métropolitain, n'en fut pas moins intimidé; il fait fermer les portes du monastère et

«répond au roi qu'il s'ensevelirait sous les ruines du temple, plutôt que de consentir à «l'enlévevent de ses tresors. Le roi commande qu 'on amène le canon et menace d'enfoncer les «portes; l'archimandrite demeure infléxible et Sobieski, admirant son courage ou honteux de «la violence qu'il allait commettre, se désiste et se retire». Митрополита, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, звали Досиѳеемъ.

22) Житіе св. Параскевы изъ Епиватоса было сначала написано по гречески Евѳиміемъ, епископомъ Терновскимъ въ Болгаріи. Митрополитъ кіевскій Григорій Цамблакъ, бывшій настоятелемъ большаго монастыря Нямцо или Пантократора въ Молдавіи, а также монастыря Дечана въ Сербіи, которому было поручено быть представителемъ молдавскаго духовенства на Флорентійскомъ соборѣ (1439), также написалъ житіе св. Параскевы, но на славянскомъ языкѣ, въ началѣ XV ст., а равно и исторію перенесенія мощей этой Святой въ Константинополь; онъ же учредилъ праздникъ въ честь этой Святой въ Кіевѣ, 14-го октября (см. П. І. Шаѳарикъ, Geschichte der Serbischen Literat. Prag, 1865, стр. 120, гдѣ сочинитель пользуется данными, собранными въ сочиненіяхъ Св. Димитрія Ростовскаго. Митрополитъ Евгеній, Словарь о писателяхъ духовнаго чина, С. Петербургъ, 1827, томъ I, стр. 97—103. Молдавская лѣтопись Ворника Григорія Урéкé, въ Собраніи, уже приведенномъ выше, М. Когалничано, т. I, стр. 106, примѣчаніе). Позднѣе митрополитъ молдавскій Варлаамъ написалъ по-румынски житіе Святой и напечаталъ его въ 1643-мъ году. Другой молдавскій митрополитъ Досиѳей, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей XVII в., тотъ самый, о которомъ мы говорили въ предшествующемъ примѣчаніи, также написалъ о святой Параскевѣ въ Житіяхъ Святыхъ, Vietia si petrécerea Sântilor, которыя онъ напечаталъ на румынскомъ языкѣ въ Яссахъ, въ 1682 году, въ типографіи, которую ему завелъ московскій патріархъ Іоакимъ (см. Акты истор., собр. и изданные Археографической коммиссіей, томъ V, стр. 76). Досиѳей постоянно упоминаетъ объ этомъ въ заглавіи напечатанныхъ имъ книгъ, и даже, будучи поэтомъ и переводчикомъ псалмовъ въ румынскихъ стихахъ, онъ написалъ московскому первосвятителю хвалебные стихи. Въ Житіяхъ Святыхъ, равно какъ и въ Синаксаріѣ, напечатанныхъ имъ въ 1683 г., митрополитъ Досиѳей, передавъ, что мощи св. Параскевы были перенесены въ Яссы, въ царствованіе князя Василія Лупо, и положены на почетномъ мѣстѣ въ церкви Трехъ Святителей, прибавляетъ, что нѣсколько частицъ отъ этихъ мощей были перенесены еще прежде въ церкви гор. Романа, гдѣ онъ ихъ видѣлъ въ то время, когда былъ епископомъ въ этомъ послѣднемъ городѣ. Синаксарій 1683 г. былъ описанъ Б. Александреско-Урéкé въ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ Ясскомъ Ateneul Român a, 1861 г. Б. П. Гайденъ въ Lumina diu Moldova, Яссы 1862 г., напечаталъ житія Св. Параскевы, написанныя митрополитами Досиѳеемъ (№ 5) и Варлаамомъ (№ 7), какъ образцы румынскаго языка и стиля XVII вѣка.

23) Савва Можайскій, вышеприведен. соч., стр. 18. Сербскій монастырь Хиландари, на Аѳонской горѣ, также обладаетъ прекраснымъ образцомъ церковной русской вышивки, которая даже и древнѣе двухъ выше нами упомянутыхъ. Это—завѣса алтарная (πύλη), пожертвованная въ этотъ монастырь царемъ Иваномъ Васильевичемъ и его женою царицею Анастасіею въ 1556 году. Средняя картина изображаетъ Христа, въ богатой архіерейской одеждѣ, стоящаго на лазуревомъ шарѣ; справа отъ него Пресвятая Дѣва, слѣва Св. Іоаннъ Креститель. Вокругъ нихъ съ 3-хъ сторонъ рамка украшена 30-ю медальонами съ изображеніями святыхъ въ поясъ; въ срединѣ, на верхней части,—Пресвятая Дѣва, а по сторонамъ цари: Давидъ и Соломонъ и пророки: Илія, Исаія, Захарія и Даніилъ. На двухъ боковыхъ сторонахъ рамки изображенія соотвѣтствуютъ другъ другу слѣдующ. образомъ: апост. Петръ и Павелъ, св. епископы Николай и Василій, митрополиты Петръ Московскій и Савва Сербскій, два другіе всероссійскіе митрополиты: Алексій и Іона, св. епископы Іоаннъ Новгородскій и Леонтій Ростовскій, святый императоръ Константинъ и святый князь Владиміръ, св. мученики Георгій и Димитрій, святые Борисъ и Глѣбъ, св. инокъ Аѳанасій Аѳонскій и св. Іоаннъ Лѣствичникъ, преподобные Антоній и Ѳеодосій печерскіе, препод. Сергій и Симеонъ Сербскій, наконецъ св. Елена и Анастасія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что даже на этой завѣсѣ, предназначенной въ отдаленный храмъ, изображены большею частію святые русскаго происхожденія, хотя имена ихъ были здѣсь мало извѣстны.

Обращаясь затѣмъ къ произведеніямъ той же отрасли церковнаго искуства въ другихъ православныхъ странахъ того же времени, мы видимъ, что тамошніе мастера руководствовались совершенно иными идеями, чѣмъ русскіе живописцы и вышивальщики. На плащаницѣ, пожертвованной въ монастырь Ватопедскій, на Аѳонѣ, въ 1669 году, княгиней Роксандрой, дочерью молдавскаго князя Василія Лупо и невѣсткой знаменитаго гетмана запорожскихъ казаковъ Богдана Хмѣльницкаго, окружность картины, вышитая золотомъ по алому бархату, представляетъ виноградникъ, подъ которымъ лежитъ почивающій Христосъ, а вѣтви и гроздья причудливо извиваются вокругъ 15 медальоновъ, со стольками же поясными изображеніями святыхъ изъ числа главныхъ подвижниковъ Христіанской вѣры: апостоловъ, великихъ іерарховъ и знаменитыхъ мучениковъ, чтимыхъ вообще во всей восточной церкви. Греческое происхожденіе прекрасной этой вышивки доказывается не только необыкновенной тонкостью работы, болѣе полнымъ и красивымъ стилемъ украшеній, но и греческими надписями, если я не ошибаюсь, символическаго характера, изображенными на ней. На рамкѣ написаны, какъ названіе главнаго предмета изображенія, слѣдующія слова: «ἡ ῥίζα τοῦ Ἰεσαί» (корень Іессея), сопровождаемыя стихомъ Исаіи, XI, 1: «καὶ ἐξελεύσεται ῥάβδος ἐκ τῆς ῥίζης Ἰεσαὶ καὶ ἄνθος ἐκ τῆς ῥίζης ἀναβήσεται».

Подъ этой иконописной аллегоріей, заимствованной изъ Ветхаго Завѣта, помѣщены, вѣроятно, имена жертвователя и мастера: «+ ταπεινὸς μητροπολίτης τῆς ἁγιωτάτης προπόλεως Λαοδικείας Γρηγόριος Βατοπεδινός.—Ἐν ἔτει ,αχξθ, ἰνδικτιῶνος ζ.—Ἐγένετο τό ἱερον τοῦτο ἄμφιον (см. Gloss. med. et inf. graecit. Дюканжа, въ словѣ: ἄμφια, sacrae mensae instruta, mappae sacrae) διὰ δαπανῆς τῆς ἐκλαμπροτάτης δομνήτζας (домница, слово румынское, обозначающее княгиню) κυρᾶς Ῥοξάνδρας θυγατρὸς τοῦ Βασιλίου βοεβόδα. Εἰς αἰώνιον μνημοσύνον».

На другомъ греческомъ покровѣ, изъ монастыря Дохіаріонъ, почти современномъ Тихвинскому воздуху (1609), 30 медальоновъ, окружающихъ среднюю картину, заняты исключительно поясными изображеніями пророковъ и другихъ ветхозавѣтныхъ святыхъ (за исключеніемъ только сц. Петра и Павла, помѣщенныхъ на двухъ верхнихъ углахъ); то же самое видимъ и на второмъ греческомъ επιταφιον'ѣ въ Дохіаріонѣ (1611), гдѣ по краямъ—4 квадратные медальона съ изображеніями пророковъ Давида и Даніила, Соломона и Исаіи, равно какъ и на плащаницѣ Павлонскаго монастыря, на которой рамка состоитъ изъ 12 ветхозавѣтныхъ пророковъ. Я могъ бы привести множество подобныхъ примѣровъ, чтобы вывести заключеніе, что въ греческихъ земляхъ церковные художники вовсе не обращали вниманія на національность святыхъ лицъ, которыхъ они изображали случайно въ своихъ произведеніяхъ, но ограничивались только строгимъ соблюденіемъ принятыхъ правилъ въ священной иконописи, которыми предписывалось заимствовать для церковной живописи содержаніе изъ Ветхаго Завѣта только въ видѣ аксессуаровъ, занимающихъ второстепенное мѣсто подлѣ изображеній новозавѣтныхъ, или только въ видѣ украшеній исключительно для наружныхъ частей христіанскихъ храмовъ. Однако мы не должны слишкомъ увлекаться этимъ отличіемъ греческихъ мастеровъ отъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что 18 медальоновъ съ изображеніями библейскихъ святыхъ женъ, обрамляющіе икону Донской Богоматери, въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ (Древн. Рос. Госуд. т. I, рис. 17), опровергли бы нашъ выводъ, который мы и не возводимъ въ правило, ограничиваясь только указаніемъ на направленіе русскихъ церковныхъ иконописцевъ. Другое различіе, гораздо болѣе характеристичное, между художественными произведеніями этихъ двухъ странъ, открыла намъ завѣса, пожертвованная царемъ Іоанномъ IV въ Хиландари. Эта вышитая завѣса, которая очень сходна по работѣ и стилю рисунка и украшеній съ нашимъ Тихвинскимъ воздухомъ, представляетъ еще поразительнѣе тотъ особенный характеръ, который повидимому усвоило древне-русское искусство: это какая-то мягкость тоновъ, какая-то спокойная и простодушная сладость въ чертахъ лицъ, отсутствіе той строгой степенности и замѣтной энергіи лицъ и положеній, какой любуешься въ иконахъ чисто греческихъ, а также и нѣкоторая неловкость въ выборѣ тѣней въ одеждѣ и рисунковъ въ украшеніяхъ. Въ нихъ почти не находишь этой отличительной черты византійскаго искусства, которая состояла въ удачномъ подборѣ красокъ, такъ, чтобы онѣ производили стройное и пріятное для глазъ впечатлѣніе. Греческая живопись, перенесенная подъ сѣверное небо, естественно потеряла кое-что изъ своихъ главныхъ качествъ, пережившихъ до нѣкоторой степени ея паденіе: силу тоновъ и прелесть колорита.

24) О преобразованіи, произведенномъ въ Румыніи Михаиломъ Храбрымъ, можно найти въ Magazinul historicu pentru Dacia (Собраніе документовъ и разсужденій, изданное А. Т. Лауріаномъ и Н. Балсеско, 2 т., Букарештъ, 1846 г.) и въ статьѣ того же Балсеско: Question économique dans les principautés Danubiennes, помѣщенной въ Journal des Economistes, Paris, 1850.

25) Въ посольской книгѣ пословъ, которыхъ царь Борисъ Годуновъ отправилъ въ 1595 г. въ Прагу, къ императору Рудольфу II (помѣщенной въ Памяти. дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Римскою имперіею, С.Петербургъ, 1852 г., томъ II), мы встрѣчаемъ повѣствованіе о переговорахъ, которые были между посланниками царя и князя Михаила Храбраго. Эти послѣдніе утверждаютъ въ своихъ рѣчахъ, что Валахскій князь получилъ отъ царя въ подарокъ церковную утварь, «что его царское величество прислалъ церковное строенье, образы.....» (напечатано въ Archiva historica a Romănici,— собраніе документовъ, изданныхъ въ Букарештѣ Б. П. Гайденомъ, томъ II, 1865, стр. 47).

26) Любопытный документъ 1604 года, хранящійся въ Государственномъ архивѣ въ Букарештѣ между документами, найденными въ Быстрицкомъ монастырѣ, свидѣтельствуетъ, что намѣреваясь выступить въ походъ, князь Михаилъ остановился во главѣ своего войска въ Быстрицкомъ монастырѣ. Онъ хотѣлъ благочестивымъ пожертвованіемъ этому святому мѣсту призвать на себя покровительство Божіе въ войнѣ, которую предполагалъ начать въ Трансильваніи; но такъ какъ лично у него не было денежныхъ средствъ, то онъ спросилъ своихъ солдатъ, не согласятся ли они пожертвовать на это часть своего жалованья; солдаты приняли это предложеніе единодушнымъ возгласомъ. Тогда князь купилъ на деньги этой добровольной контрибуціи помѣстье Костести, которое и было во владѣніи монастыря до обнародованія закона секуляризаціи въ 1864 году. Однако Михаилъ Храбрый погибъ вскорѣ послѣ этого дара (1601), измѣннически умерщвленный въ своемъ лагерѣ, близъ Турды, австрійскимъ генераломъ Георгіемъ Баста. Долгія смуты волновали Румынскія земли послѣ смерти героя и лишили ихъ совершенно той безопасности, которою пользовались въ его время мѣстные жители и въ особенности иноземные путешественники. Понятно, что при подобномъ положеніи дѣлъ, богомольцы искали безопасныхъ мѣстъ для сохраненія драгоцѣнныхъ вещей, которыя они несли съ собою; можетъ быть, такова была и судьба Безобразовскаго воздуха, который былъ взятъ монахами изъ Тихвина, вѣроятно для того, чтобы пожертвовать его въ какое-нибудь святое мѣсто на Востокѣ. Быстрицкій монастырь былъ, какъ мы говорили, самымъ безопаснымъ мѣстомъ во всей Валахіи; поэтому онъ и могъ быть избранъ предпочтительно предъ другими, какъ складочное мѣсто, богомольцами, которые не имѣли потомъ случая возвратиться туда за этимъ воздухомъ. Въ дополненіе къ этому ряду предположеній, можно и еще предположить, что въ царствованіе Гришки Отрепьева сами Тихвинскіе монахи не поколебались отдѣлаться отъ такого предмета, гдѣ были упомянуты имена царя Бориса Годунова и членовъ его семейства, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ самозванца.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Соч. А. Фонъ-Фрикенъ. **Часть 1-я. Римскія катакомбы.** Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1872.

Изучающій христіанскую археологію—русскую, византійскую или западную—естественно долженъ обратиться къ началу христіанскаго искусства. Съ этимъ началомъ искусства мы знакомимся не по памятникамъ Византіи или вообще Востока, еще мало изслѣдованнымъ учеными, а по тѣмъ драгоцѣннымъ остаткамъ архитектуры, скульптуры и живописи, которые сохранились въ «подземномъ Римѣ» и уже почти три столѣтія составляютъ предметъ изученія археологовъ. Между тѣмъ въ нашей ученой литературѣ писано было очень мало, такъ сказать—мимоходомъ, о христіанскомъ искусствѣ первыхъ вѣковъ, и нѣтъ ни одной книги касательно этого періода, который важенъ и самъ по себѣ и по отношенію къ дальнѣйшему развитію искусства. Книга А. Ѳ. Фрикена восполняетъ этотъ пробѣлъ въ нашей археологической литературѣ и даетъ возможность и русскимъ читателямъ познакомиться съ памятниками первоначальнаго христіанскаго искусства въ изложеніи обстоятельномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ популярномъ.

Авторъ разсматриваемой книги давно уже живетъ въ Италіи, предметъ своего сочиненія изучалъ на мѣстѣ; автопсіи его помогало изученіе литературы предмета и преимущественно сочиненій де-Росси, а также—бесѣды съ этимъ замѣчательнымъ и неутомимымъ изслѣдователемъ римскаго некрополя.

Передъ нами первая часть трудовъ г. Фрикена: «Римскія катакомбы».

Изложивъ въ первой половинѣ введенія общій взглядъ на значеніе христіанскаго искусства, авторъ раздѣляетъ исторію римскихъ катакомбъ на 4 періода и подробнѣе разсматриваетъ періодъ ихъ изученія.

Совершенно забытыя въ теченіе почти семи вѣковъ, катакомбы начинаютъ привлекать къ себѣ монаховъ и любознательныхъ археологовъ-классиковъ въ XV столѣтіи; но только въ 1578 году случайное открытіе въ одномъ подземельѣ надписей, саркофаговъ, живописи возбуждаетъ всеобщее вниманіе и направляетъ археологовъ на изученіе христіанскаго искусства.

Въ XVI столѣтіи является Антоній Возіо, посвятившій всю свою жизнь и все состояніе на изслѣдованіе и изученіе подземнаго христіанскаго Рима. Бозіо указалъ ученый и единственно вѣрный методъ изслѣдованія древне-христіанскихъ кладбищъ, которому впрочемъ не слѣдовалъ почти ни одинъ изъ его преемниковъ, пока «въ наши дни, ученый, имя котораго неразрывно связано съ катакомбами, Джіованни Баттиста де-Росси, убѣдившись, что только слѣдуя системѣ Бозіо можно достигнуть полнаго пониманія и оцѣнки христіанскихъ древностей, возвратился къ ней и уже успѣлъ вполнѣ доказать на дѣлѣ справедливость своего мнѣнія.»

Первый отдѣлъ книги посвященъ описанію катакомбъ, ихъ архитектоники, памятниковъ искусства и быта, найденныхъ въ нихъ, и объясненію этихъ памятниковъ. Здѣсь мы знакомимся съ послѣдними выводами науки и съ доказательствами, установившими извѣстный взглядъ на катакомбы, какъ кладбища первыхъ христіанъ.

Теперь уже положительно доказано, что христіане не пользовались карьерами язычниковъ для погребенія своихъ покойниковъ, а самостоятельно работали, проводя подъ землею безчисленныя галлереи, по опредѣленному плану и извѣстныхъ размѣровъ и формъ, нисколько не похожія на карьеры (arenariae). Доказано также, что назначеніе катакомбъ было именно—служить кладбищемъ. Почва римской Кампаньи содержитъ въ себѣ очень хорошій матеріалъ для такихъ сооруженій: зернистый туфъ, негодный ни для какихъ другихъ построекъ, представляетъ всѣ удобства для проведенія въ немъ корридоровъ и образованія комнатъ.

Римскіе законы запрещали хоронить тѣла умершихъ и жечь ихъ въ предѣлахъ города, потому и древне-христіанскія кладбища находятся внѣ города, за тысячу шаговъ отъ стѣнъ Сервія Туллія. Приблизительно разсчитывая величину римскихъ катакомбъ, можно предположить, что

ихъ корридоры, вытянутые въ одну линію, представили бы 860 верстъ длины. Отдѣльныхъ группъ или кладбищъ насчитываютъ до 42. Верхніе ярусы ихъ находятся почти всегда на глубинѣ 7-ми и 8-ми футовъ, а нижніе достигаютъ 18—20 метровъ.

Указывая на то, какъ христіане смотрѣли на священную обязанность преданія землѣ тѣлъ своихъ покойниковъ, безъ различія званія и состоянія, авторъ рисуетъ намъ свѣтлую и привлекательную картину этихъ подземелій, украшенныхъ живописью, наглядно говорящей о воскресеніи и о будущей жизни.

Въ стѣнахъ корридоровъ вырыты обыкновенныя могилы или мѣста (loculi) и иногда могилы съ арками (arcosolia).—Надписи и живопись катакомбъ сохранили намъ изображенія и имена «неутомимыхъ работниковъ подземнаго Рима и вмѣстѣ самыхъ вѣрныхъ, самыхъ отважныхъ послѣдователей христіанскаго ученія»—могильщиковъ (fossores): они составляли особый классъ въ христіанской общинѣ съ первыхъ годовъ ея существованія.

Форма могилъ и способъ устраивать ихъ въ подземныхъ галлереяхъ и комнатахъ постоянно одни и тѣже во всѣхъ древне-христіанскихъ кладбищахъ. Откуда идетъ эта типическая форма? Почему христіане первыхъ четырехъ вѣковъ такъ послѣдовательно держатся ея?—Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ описаніе могилъ и погребальныхъ обычаевъ Евреевъ, восточныхъ народовъ, вліявшихъ на Римъ въ эпоху цезарей, и самихъ Римлянъ въ первыя столѣтія нашей эры.—До распространенія въ Римѣ христіанской религіи Евреи и послѣдователи различныхъ восточныхъ религій имѣли уже свои катакомбы. Сами Римляне язычники имѣли нѣчто подобное христіанскимъ подземнымъ могиламъ. Но главнымъ отличіемъ христіанскихъ кладбищъ остается ихъ общественный характеръ. Катакомбы христіанъ отличаются отъ еврейскихъ и языческихъ еще тѣмъ, что первыя вырыты не только для одного погребенія, но и для посѣщенія ихъ, тогда какъ послѣднія исключительно назначены для погребенія мертвыхъ.

Для того, чтобъ сдѣлать удобнымъ посѣщеніе кладбищъ, на поверхности земли устраивались отверстія, пропускавшія солнечный свѣтъ (luminaria). Но этихъ отверстій не могло быть много, и христіане должны были ходить въ этихъ подземельяхъ не иначе, какъ съ лампами. Множество глиняныхъ и нѣсколько бронзовыхъ лампъ было найдено въ катакомбахъ.

Описывая обрядъ погребенія и предметы, находимые въ могилахъ, г. Фрикенъ останавливается особенно на небольшихъ глиняныхъ и стеклянныхъ сосудахъ (ampullae) съ осадкомъ темнаго цвѣта. Прежде

женъ былъ подвергнуться казни. Но кладбища и собранія христіанъ, подобныя гробницамъ и сходкамъ погребальныхъ коллегій, не подвергались запрещенію. Въ первыхъ годахъ III-го столѣтія Александръ Северъ или, можетъ быть, одинъ изъ его предшественниковъ, благосклонный къ христіанамъ, призналъ ихъ за общество нравственное и позволилъ имъ строить храмы.

До половины III-го столѣтія преслѣдованія касались только каждаго христіанина, какъ лица отдѣльнаго, и не были направлены противъ собраній и владѣній общины. Въ 257 году императоръ Валеріанъ особымъ эдиктомъ конфисковалъ земли, постройки и ипогеи христіанъ, запретивъ имъ собираться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и посѣщать кладбища: это было первое гоненіе христіанъ, какъ общества, и съ этого времени наступаетъ періодъ разрушенія христіанскихъ памятниковъ. Особенно много произведеній искусства погибло во время гоненія Діоклетіана, начавшагося въ 303 году. Приблизительно въ 306 г. оно было прекращено въ Римѣ, а въ 311-мъ епископу Мильтіаду возвращено имущество церкви, принадлежавшее обществу Христіанъ (corpus Christianorum).

Только во время гоненій Валеріана, Авреліана и Діоклетіана катакомбы принимаютъ тотъ таинственный характеръ, какого не имѣли онѣ до тѣхъ поръ. Въ это время кладбища дѣлались иногда мѣстомъ убѣжища для живыхъ; но они не могли скрываться тамъ продолжительное время въ значительномъ количествѣ. Все въ христіанскихъ подземельяхъ устроено прежде всего для погребенія мертвыхъ, и потомъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ, тогда какъ, напротивъ, ничто въ нихъ не указываетъ, что они когда-либо служили жилищемъ.

Погребеніе въ подземельяхъ не прекратилось немедленно послѣ побѣды христіанства надъ язычествомъ. Кладбища мучениковъ, гдѣ собирались вѣрующіе, сдѣлались предметомъ особаго почитанія, что и повело къ желанію покоиться въ нихъ послѣ смерти,—а также къ украшенію, возобновленію, передѣлкамъ криптъ и постройкамъ надъ ними зданій на поверхности земли.—Но съ 410 года хоронятъ въ катакомбахъ очень рѣдко; а съ половины V-го вѣка погребеніе въ нихъ совершенно прекращается.

Катакомбы долгое время посѣщали благочестивые богомольцы и послѣ прекращенія погребенія въ нихъ. «Забвеніе катакомбъ начинается съ IX столѣтія: опустошаемыя Готѳами, Вандалами, Лонгобардами, Сарацинами, онѣ раздѣляли судьбу всѣхъ памятниковъ Рима».—«Въ эти темныя, печальныя для Рима времена феодальныя фамиліи въ междоусобныхъ войнахъ опустошали городъ и Кампанію, довершая

начатое варварами. Памятники прежней столицы міра падали и разрушались; ихъ имена, воспоминанія, которыя были съ ними связаны, забывались и потухали. Дорога заросла и къ катакомбамъ входы ихъ засыпались землею и были потеряны».

Въ краткомъ извлеченіи мы старались указать, такъ сказать, остовъ книги г. Фрикена. Читатель найдетъ въ ней интересныя подробности почти по каждому вопросу о катакомбахъ, описаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ извѣстныхъ криптъ и объясненіе нѣкоторыхъ памятниковъ древне христіанской скульптуры и живописи, хотя этимъ памятникамъ будетъ посвящена одна изъ слѣдующихъ частей книги.

Въ этомъ—насколько намъ извѣстно—первомъ литературномъ опытѣ А. Ѳ. Фрикена мы кое-гдѣ встрѣчаемъ повторенія, которыхъ можно бы было избѣжать, неровности слога и опечатки, зависѣвшія, можетъ быть, оттого, что авторъ жилъ постоянно за границей, далеко отъ мѣста печатанія своей книги.

Двѣнадцать гравюръ на деревѣ, исполненныхъ въ Лейпцигѣ, поясняютъ текстъ и служатъ необходимымъ украшеніемъ археологическаго сочиненія.

Въ заключеніе не можемъ не выразить признательности издателю книги, давшему возможность появиться въ свѣтъ труду, полезному и новому въ нашей археологической литературѣ.

В. Виноградскій.

«répond au roi qu'il s'ensevelirait sous les ruines du temple, plutôt que de consentir à «l'enlévevent de ses tresors. Le roi commande qu'on amène le canon et menace d'enfoncer les «portes; l'archimandrite demeure infléxible et Sobieski, admirant son courage ou honteux de «la violence qu'il allait commettre, se désiste et se retire». Митрополита, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, звали Досиѳеемъ.

22) Житіе св. Параскевы изъ Епиватоса было сначала написано по гречески Евфиміемъ, епископомъ Терновскимъ въ Болгаріи. Митрополитъ кіевскій Григорій Цамблакъ, бывшій настоятелемъ большаго монастыря Нямцо или Пантократора въ Молдавіи, а также монастыря Дечана въ Сербіи, которому было поручено быть представителемъ молдавскаго духовенства на Флорентійскомъ соборѣ (1439), также написалъ житіе св. Параскевы, но на славянскомъ языкѣ, въ началѣ XV ст., а равно и исторію перенесенія мощей этой Святой въ Константинополь; онъ же учредилъ праздникъ въ честь этой Святой въ Кіевѣ, 14-го октября (см. П. I. Шафарикъ, Geschichte der Serbischen Literat. Prag, 1865, стр. 120, гдѣ сочинитель пользуется данными, собранными въ сочиненіяхъ Св. Димитрія Ростовскаго. Митрополитъ Евгеній, Словарь о писателяхъ духовнаго чина, С. Петербургъ, 1827, томъ I, стр. 97—103. Молдавская лѣтопись Ворника Григорія Уреке́, въ Собраніи, уже приведенномъ выше, М. Когалничано, т. I, стр. 106, примѣчаніе). Позднѣе митрополитъ молдавскій Варлаамъ написалъ по-румынски житіе Святой и напечаталъ его въ 1643-мъ году. Другой молдавскій митрополитъ Досиѳей, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей XVII в., тотъ самый, о которомъ мы говорили въ предшествующемъ примѣчаніи, также написалъ о святой Параскевѣ въ Житіяхъ Святыхъ, Vietia si petrécerea Sântilor, которыя онъ напечаталъ на румынскомъ языкѣ въ Яссахъ, въ 1682 году, въ типографіи, которую ему завелъ московскій патріархъ Іоакимъ (см. Акты истор., собр. и изданные Археографической коммиссіей, томъ V, стр. 76). Досиѳей постоянно упоминаетъ объ этомъ въ заглавіи напечатанныхъ имъ книгъ, и даже, будучи поэтомъ и переводчикомъ псалмовъ въ румынскихъ стихахъ, онъ написалъ московскому первосвятителю хвалебные стихи. Въ Житіяхъ Святыхъ, равно какъ и въ Синаксаріѣ, напечатанныхъ имъ въ 1683 г., митрополитъ Досиѳей, передавъ, что мощи св. Параскевы были перенесены въ Яссы, въ царствованіе князя Василія Лупо, и положены на почетномъ мѣстѣ въ церкви Трехъ Святителей, прибавляетъ, что нѣсколько частицъ отъ этихъ мощей были перенесены еще прежде въ церкви гор. Романа, гдѣ онъ ихъ видѣлъ въ то время, когда былъ епископомъ въ этомъ послѣднемъ городѣ. Синаксарій 1683 г. былъ описанъ Б. Александреско-Уреке́ въ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ Ясскомъ Atheneul Românа, 1861 г. Б. П. Гайденъ въ Lumina diu Moldova, Яссы 1862 г., напечаталъ житія Св. Параскевы, написанныя митрополитами Досиѳеемъ (№ 5) и Варлаамомъ (№ 7), какъ образцы румынскаго языка и стиля XVII вѣка.

23) Савва Можайскій, вышеприведен. соч., стр. 18. Сербскій монастырь Хиландари, на Аѳонской горѣ, также обладаетъ прекраснымъ образцомъ церковной русской вышивки, которая даже и древнѣе двухъ выше нами упомянутыхъ. Это—завѣса алтарная (πύλη), пожертвованная въ этотъ монастырь царемъ Иваномъ Васильевичемъ и его женою царицею Анастасіею въ 1556 году. Средняя картина изображаетъ Христа, въ богатой архіерейской одеждѣ, стоящаго на лазуревомъ шарѣ; справа отъ него Пресвятая Дѣва, слѣва Св. Іоаннъ Креститель. Вокругъ нихъ съ 3-хъ сторонъ рамка украшена 30-ю медальонами съ изображеніями святыхъ въ поясъ; въ срединѣ, на верхней части,—Пресвятая Дѣва, а по сторонамъ цари: Давидъ и Соломонъ и пророки: Илія, Исаія, Захарія и Даніилъ. На двухъ боковыхъ сторонахъ рамки изображенія соотвѣтствуютъ другъ другу слѣдующ. образомъ: апост. Петръ и Павелъ, св. епископы Николай и Василій, митрополиты Петръ Московскій и Савва Сербскій, два другіе всероссійскіе митрополиты: Алексій и Іона, св. епископы Іоаннъ Новгородскій и Леонтій Ростовскій, святый императоръ Константинъ и святый князь Владиміръ, св. мученики Георгій и Димитрій, святые Борисъ и Глѣбъ, св. инокъ Аѳанасій Аѳонскій и св. Іоаннъ Лѣствичникъ, преподобные Антоній и Ѳеодосій печерскіе, препод. Сергій и Симеонъ Сербскій, наконецъ св. Елена и Анастасія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что даже на этой завѣсѣ, предназначенной въ отдаленный храмъ, изображены большею частію святые русскаго происхожденія, хотя имена ихъ были здѣсь мало извѣстны.

Обращаясь затѣмъ къ произведеніямъ той же отрасли церковнаго искусства въ другихъ православныхъ странахъ того же времени, мы видимъ, что тамошніе мастера руководствовались совершенно иными идеями, чѣмъ русскіе живописцы и вышивальщики. На плащаницѣ, пожертвованной въ монастырь Ватопедскій, на Аѳонѣ, въ 1669 году, княгиней Роксандрой, дочерью молдавскаго князя Василія Лупо и невѣсткой знаменитаго гетмана запорожскихъ казаковъ Богдана Хмѣльницкаго, окружность картины, вышитая золотомъ по алому бархату, представляетъ виноградникъ, подъ которымъ лежитъ почивающій Христосъ, а вѣтви и гроздья причудливо извиваются вокругъ 15 медальоновъ, со столькими же поясными изображеніями святыхъ изъ числа главныхъ подвижниковъ Христіанской вѣры: апостоловъ, великихъ іерарховъ и знаменитыхъ мучениковъ, чтимыхъ вообще во всей восточной церкви. Греческое происхожденіе прекрасной этой вышивки доказывается не только необыкновенной тонкостью работы, болѣе полнымъ и красивымъ стилемъ украшеній, но и греческими надписями, если я не ошибаюсь, символическаго характера, изображенными на ней. На рамкѣ написаны, какъ названіе главнаго предмета изображенія, слѣдующія слова: «ἡ ῥίζα τοῦ Ἰεσαὶ» (корень Iессея), сопровождаемыя стихомъ Исаіи, XI, 1: «καὶ ἐξελεύσεται ῥάβδος ἐκ τῆς ῥίζης Ἰεσαὶ καὶ ἄνθος ἐκ τῆς ῥίζης ἀναβήσεται».

Подъ этой иконописной аллегоріей, заимствованной изъ Ветхаго Завѣта, помѣщены, вѣроятно, имена жертвователя и мастера: «+ ταπεινὸς μητροπολίτης τῆς ἁγιωτάτης προπόλεως Λαοδικείας Γρηγόριος Βατοπεδινός.—Ἐν ἔτει ,αχξθ, ἰνδικτιῶνος ζ.—Ἐγένετο τό ἱερον τοῦτο ἄμφιον (см. Gloss. med. et inf. graecit. Дюканжа, въ словѣ: ἄμφια, sacrae mensae instruta, mappae sacrae) διὰ δαπανῆς τῆς ἐκλαμπροτάτης δομνήτζας (доминца, слово румынское, обозначающее княгиню) κυρᾶς Ῥοξάνδρας θυγατρὸς τοῦ Βασιλίου βοεβόδα. Εἰς αἰώνιον μνημοσύνον».

На другомъ греческомъ покровѣ, изъ монастыря Дохіаріонъ, почти современномъ Тихвинскому воздуху (1609), 30 медальоновъ, окружающихъ среднюю картину, заняты исключительно поясными изображеніями пророковъ и другихъ ветхозавѣтныхъ святыхъ (за исключеніемъ только св. Петра и Павла, помѣщенныхъ на двухъ верхнихъ углахъ); то же самое видимъ и на второмъ греческомъ ἐπιταφιον'ѣ въ Дохіаріонѣ (1611), гдѣ по краямъ—4 квадратные медальона съ изображеніями пророковъ Давида и Даніила, Соломона и Исаіи, равно какъ и на плащаницѣ Павлонскаго монастыря, на которой рамка состоитъ изъ 12 ветхозавѣтныхъ пророковъ. Я могъ бы привести множество подобныхъ примѣровъ, чтобы вывести заключеніе, что въ греческихъ земляхъ церковные художники вовсе не обращали вниманія на національность святыхъ лицъ, которыхъ они изображали случайно въ своихъ произведеніяхъ, но ограничивались только строгимъ соблюденіемъ принятыхъ правилъ въ священной иконописи, которыми предписывалось заимствовать для церковной живописи содержаніе изъ Ветхаго Завѣта только въ видѣ аксессуаровъ, занимающихъ второстепенное мѣсто подлѣ изображеній новозавѣтныхъ, или только въ видѣ украшеній исключительно для наружныхъ частей христіанскихъ храмовъ. Однако мы не должны слишкомъ увлекаться этимъ отличіемъ греческихъ мастеровъ отъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что 18 медальоновъ съ изображеніями библейскихъ святыхъ женъ, обрамляющіе икону Донской Богоматери, въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ (Древн. Рос. Госуд. т. I, рис. 17), опровергли бы нашъ выводъ, который мы и не возводимъ въ правило, ограничиваясь только указаніемъ на направленіе русскихъ церковныхъ иконописцевъ. Другое различіе, гораздо болѣе характеристичное, между художественными произведеніями этихъ двухъ странъ, открыла намъ завѣса, пожертвованная царемъ Іоанномъ IV въ Хиландари. Эта вышитая завѣса, которая очень сходна по работѣ и стилю рисунка и украшеній съ нашимъ Тихвинскимъ воздухомъ, представляетъ еще поразительнѣе тотъ особенный характеръ, который повидимому усвоило древне-русское искусство: это какая-то мягкость тоновъ, какая-то спокойная и простодушная сладость въ чертахъ лицъ, отсутствіе той строгой степенности и замѣтной энергіи лицъ и положеній, какой любуешься въ иконахъ чисто греческихъ, а также и нѣкоторая неловкость въ выборѣ тѣней въ одеждѣ и рисунковъ въ украшеніяхъ. Въ нихъ почти не находишь этой отличительной черты византійскаго искусства, которая состояла въ удачномъ подборѣ красокъ, такъ, чтобы онѣ производили стройное и пріятное для глазъ впечатлѣніе. Греческая живопись, перенесенная подъ сѣверное небо, естественно потеряла кое-что изъ своихъ главныхъ качествъ, пережившихъ до нѣкоторой степени ея паденіе: силу тоновъ и прелесть колорита.

24) О преобразованіи, произведенномъ въ Румыніи Михаиломъ Храбрымъ, можно найти въ Magazinul historicu pentru Dacia (Собраніе документовъ и разсужденій, изданное А. Т. Лауріаномъ и Н. Балсеско, 2 т., Бухарештъ, 1846 г.) и въ статьѣ того же Балсеско: Question économique dans les principautés Danubiennes, помѣщенной въ Journal des Economistes, Paris, 1850.

25) Въ посольской книгѣ пословъ, которыхъ царь Борисъ Годуновъ отправилъ въ 1595 г. въ Прагу, къ императору Рудольфу II (помѣщенной въ Памяти. дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Римскою имперіею, С.Петербургъ, 1852 г., томъ II), мы встрѣчаемъ повѣствованіе о переговорахъ, которые были между посланниками царя и князя Михаила Храбраго. Эти послѣдніе утверждаютъ въ своихъ рѣчахъ, что Валахскій князь получилъ отъ царя въ подарокъ церковную утварь, «что его царское величество прислалъ церковное строенье, образы.....» (напечатано въ Archiva historica a Românici,— собраніе документовъ, изданныхъ въ Бухарештѣ Б. П. Гайденомъ, томъ II, 1865, стр. 47).

26) Любопытный документъ 1604 года, хранящійся въ Государственномъ архивѣ въ Бухарештѣ между документами, найденными въ Быстрицкомъ монастырѣ, свидѣтельствуетъ, что намѣреваясь выступить въ походъ, князь Михаилъ остановился во главѣ своего войска въ Быстрицкомъ монастырѣ. Онъ хотѣлъ благочестивымъ пожертвованіемъ этому святому мѣсту призвать на себя покровительство Божіе въ войнѣ, которую предполагалъ начать въ Трансильваніи; но такъ какъ лично у него не было денежныхъ средствъ, то онъ спросилъ своихъ солдатъ, не согласятся ли они пожертвовать на это часть своего жалованья; солдаты приняли это предложеніе единодушнымъ возгласомъ. Тогда князь купилъ на деньги этой добровольной контрибуціи помѣстье Костести, которое и было во владѣніи монастыря до обнародованія закона секуляризаціи въ 1864 году. Однако Михаилъ Храбрый погибъ вскорѣ послѣ этого дара (1601), измѣннически умерщвленный въ своемъ лагерѣ, близь Турды, австрійскимъ генераломъ Георгіемъ Баста. Долгія смуты волновали Румынскія земли послѣ смерти героя и лишили ихъ совершенно той безопасности, которою пользовались въ его время мѣстные жители и въ особенности иноземные путешественники. Понятно, что при подобномъ положеніи дѣлъ, богомольцы искали безопасныхъ мѣстъ для сохраненія драгоцѣнныхъ вещей, которыя они несли съ собою; можетъ быть, такова была и судьба Безобразовскаго воздуха, который былъ взятъ монахами изъ Тихвина, вѣроятно для того, чтобы пожертвовать его въ какое-нибудь святое мѣсто на Востокѣ. Быстрицкій монастырь былъ, какъ мы говорили, самымъ безопаснымъ мѣстомъ во всей Валахіи; поэтому онъ и могъ быть избранъ предпочтительно предъ другими, какъ складочное мѣсто, богомольцами, которые не имѣли потомъ случая возвратиться туда за этимъ воздухомъ. Въ дополненіе къ этому ряду предположеній, можно и еще предположить, что въ царствованіе Гришки Отрепьева сами Тихвинскіе монахи не поколебались отдѣлаться отъ такого предмета, гдѣ были упомянуты имена царя Бориса Годунова и членовъ его семейства, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ самозванца.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Соч. А. Фонъ-Фрикенъ. **Часть 1-я. Римскія катакомбы.** Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1872.

Изучающій христіанскую археологію—русскую, византійскую или западную—естественно долженъ обратиться къ началу христіанскаго искусства. Съ этимъ началомъ искусства мы знакомимся не по памятникамъ Византіи или вообще Востока, еще мало изслѣдованнымъ учеными, а по тѣмъ драгоцѣннымъ остаткамъ архитектуры, скульптуры и живописи, которые сохранились въ «подземномъ Римѣ» и уже почти три столѣтія составляютъ предметъ изученія археологовъ. Между тѣмъ въ нашей ученой литературѣ писано было очень мало, такъ сказать—мимоходомъ, о христіанскомъ искусствѣ первыхъ вѣковъ, и нѣтъ ни одной книги касательно этого періода, который важенъ и самъ по себѣ и по отношенію къ дальнѣйшему развитію искусства. Книга А. Ѳ. Фрикена восполняетъ этотъ пробѣлъ въ нашей археологической литературѣ и даетъ возможность и русскимъ читателямъ познакомиться съ памятниками первоначальнаго христіанскаго искусства въ изложеніи обстоятельномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ популярномъ.

Авторъ разсматриваемой книги давно уже живетъ въ Италіи, предметъ своего сочиненія изучалъ на мѣстѣ; автопсіи его помогало изученіе литературы предмета и преимущественно сочиненій де-Росси, а также—бесѣды съ этимъ замѣчательнымъ и неутомимымъ изслѣдователемъ римскаго некрополя.

Передъ нами первая часть трудовъ г. Фрикена: «Римскія катакомбы».

Изложивъ въ первой половинѣ введенія общій взглядъ на значеніе христіанскаго искусства, авторъ раздѣляетъ исторію римскихъ катакомбъ на 4 періода и подробнѣе разсматриваетъ періодъ ихъ изученія.

Совершенно забытыя въ теченіе почти семи вѣковъ, катакомбы начинаютъ привлекать къ себѣ монаховъ и любознательныхъ археологовъ-классиковъ въ XV столѣтіи; но только въ 1578 году случайное открытіе въ одномъ подземельѣ надписей, саркофаговъ, живописи возбуждаетъ всеобщее вниманіе и направляетъ археологовъ на изученіе христіанскаго искусства.

Въ XVI столѣтіи является Антоній Бозіо, посвятившій всю свою жизнь и все состояніе на изслѣдованіе и изученіе подземнаго христіанскаго Рима. Бозіо указалъ ученый и единственно вѣрный методъ изслѣдованія древне-христіанскихъ кладбищъ, которому впрочемъ не слѣдовалъ почти ни одинъ изъ его преемниковъ, пока «въ наши дни, ученый, имя котораго неразрывно связано съ катакомбами, Джіованни Баттиста де-Росси, убѣдившись, что только слѣдуя системѣ Бозіо можно достигнуть полнаго пониманія и оцѣнки христіанскихъ древностей, возвратился къ ней и уже успѣлъ вполнѣ доказать на дѣлѣ справедливость своего мнѣнія.»

Первый отдѣлъ книги посвященъ описанію катакомбъ, ихъ архитектоники, памятниковъ искусства и быта, найденныхъ въ нихъ, и объясненію этихъ памятниковъ. Здѣсь мы знакомимся съ послѣдними выводами науки и съ доказательствами, установившими извѣстный взглядъ на катакомбы, какъ кладбища первыхъ христіанъ.

Теперь уже положительно доказано, что христіане не пользовались карьерами язычниковъ для погребенія своихъ покойниковъ, а самостоятельно работали, проводя подъ землею безчисленныя галлереи, по опредѣленному плану и извѣстныхъ размѣровъ и формъ, нисколько не похожія на карьеры (arenariae). Доказано также, что назначеніе катакомбъ было именно—служить кладбищемъ. Почва римской Кампаньи содержитъ въ себѣ очень хорошій матеріалъ для такихъ сооруженій: зернистый туфъ, негодный ни для какихъ другихъ построекъ, представляетъ всѣ удобства для проведенія въ немъ корридоровъ и образованія комнатъ.

Римскіе законы запрещали хоронить тѣла умершихъ и жечь ихъ въ предѣлахъ города, потому и древне-христіанскія кладбища находятся внѣ города, за тысячу шаговъ отъ стѣнъ Сервія Туллія. Приблизительно разсчитывая величину римскихъ катакомбъ, можно предположить, что

ихъ корридоры, вытянутые въ одну линію, представили бы 860 верстъ длины. Отдѣльныхъ группъ или кладбищъ насчитываютъ до 42. Верхніе ярусы ихъ находятся почти всегда на глубинѣ 7-ми и 8-ми футовъ, а нижніе достигаютъ 18—20 метровъ.

Указывая на то, какъ христіане смотрѣли на священную обязанность преданія землѣ тѣлъ своихъ покойниковъ, безъ различія званія и состоянія, авторъ рисуетъ намъ свѣтлую и привлекательную картину этихъ подземелій, украшенныхъ живописью, наглядно говорящей о воскресеніи и о будущей жизни.

Въ стѣнахъ корридоровъ вырыты обыкновенныя могилы или мѣста (loculi) и иногда могилы съ арками (arcosolia).—Надписи и живопись катакомбъ сохранили намъ изображенія и имена «неутомимыхъ работниковъ подземнаго Рима и вмѣстѣ самыхъ вѣрныхъ, самыхъ отважныхъ послѣдователей христіанскаго ученія»—могильщиковъ (fossores): они составляли особый классъ въ христіанской общинѣ съ первыхъ годовъ ея существованія.

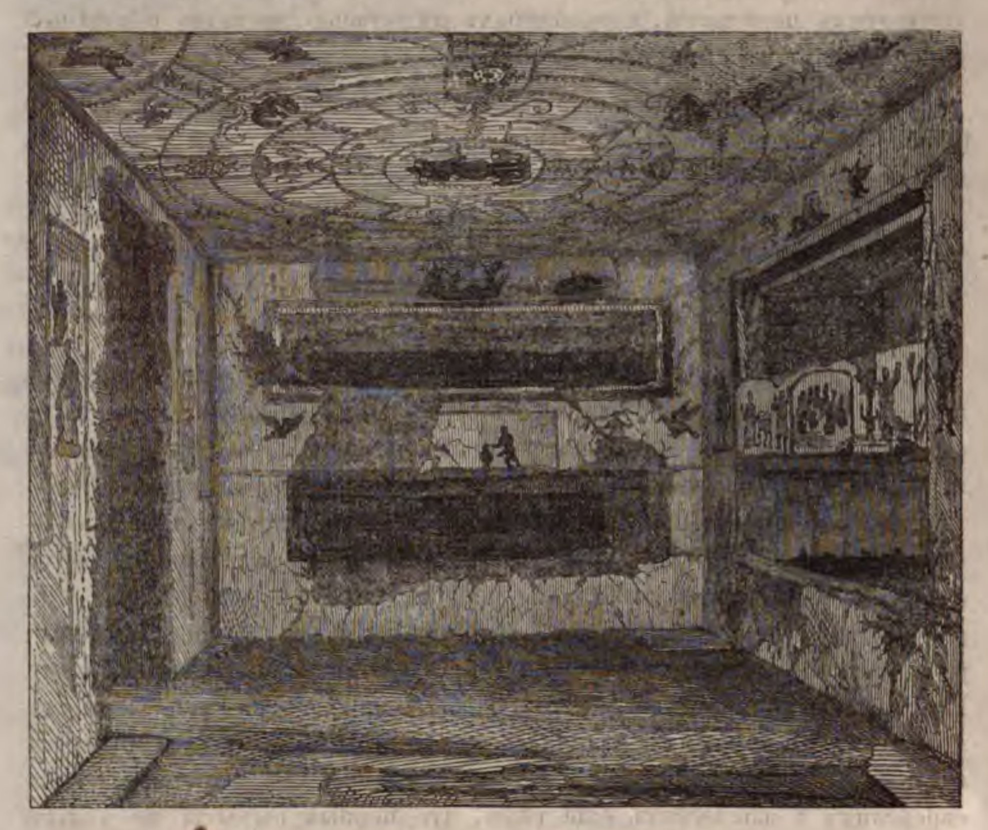
Форма могилъ и способъ устраивать ихъ въ подземныхъ галлереяхъ и комнатахъ постоянно одни и тѣже во всѣхъ древне-христіанскихъ кладбищахъ. Откуда идетъ эта типическая форма? Почему христіане первыхъ четырехъ вѣковъ такъ послѣдовательно держатся ея?—Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ описаніе могилъ и погребальныхъ обычаевъ Евреевъ, восточныхъ народовъ, вліявшихъ на Римъ въ эпоху цезарей, и самихъ Римлянъ въ первыя столѣтія нашей эры.—До распространенія въ Римѣ христіанской религіи Евреи и послѣдователи различныхъ восточныхъ религій имѣли уже свои катакомбы. Сами Римляне язычники имѣли нѣчто подобное христіанскимъ подземнымъ могиламъ. Но главнымъ отличіемъ христіанскихъ кладбищъ остается ихъ общественный характеръ. Катакомбы христіанъ отличаются отъ еврейскихъ и языческихъ еще тѣмъ, что первыя вырыты не только для одного погребенія, но и для посѣщенія ихъ, тогда какъ послѣднія исключительно назначены для погребенія мертвыхъ.

Для того, чтобъ сдѣлать удобнымъ посѣщеніе кладбищъ, на поверхности земли устраивались отверстія, пропускавшія солнечный свѣтъ (luminaria). Но этихъ отверстій не могло быть много, и христіане должны были ходить въ этихъ подземельяхъ не иначе, какъ съ лампами. Множество глиняныхъ и нѣсколько бронзовыхъ лампъ было найдено въ катакомбахъ.

Описывая обрядъ погребенія и предметы, находимые въ могилахъ, г. Фрикенъ останавливается особенно на небольшихъ глиняныхъ и стеклянныхъ сосудахъ (ampullae) съ осадкомъ темнаго цвѣта. Прежде

этотъ осадокъ считали за кровь мучениковъ, а могилы, въ которыхъ находили такіе сосуды, за могилы мучениковъ. Но новѣйшія изслѣдованія доказали всю ошибочность этого мнѣнія.

Мѣстами собраній въ подземныхъ кладбищахъ служили покои (cubicula), обыкновенно болѣе, чѣмъ корридоры, украшенные живописью. Въ ихъ архитектоникѣ уже замѣтенъ отчасти тотъ типъ христіанскихъ храмовъ, которые впослѣдствіи строились поверхъ земли.

Римскія катакомбы.

Познакомивъ въ первомъ отдѣлѣ съ устройствомъ катакомбъ, г. Фрикенъ во второмъ отдѣлѣ излагаетъ ихъ исторію, въ связи съ исторіей христіанской общины въ Римѣ.

Общественныя христіанскія кладбища получили свое начало отъ отдѣльныхъ семейныхъ склеповъ (ипогеевъ, криптъ). Эти склепы существовали въ римской Кампаньѣ уже въ первые годы распространенія христіанства, на томъ же основаніи, какъ и гробницы другихъ вѣрованій, подъ покровительствомъ римскихъ законовъ, строго охранявшихъ неприкосновенность надгробнаго памятника и земли, къ нему прилежащей.

Семейные склепы могли принадлежать людямъ достаточнымъ и вліятельнымъ, имена которыхъ мы встрѣчаемъ на древнѣйшихъ христіанскихъ надписяхъ. Еще въ I-мъ вѣкѣ нѣкоторыя женщины изъ римкой знати принимали христіанство и дѣлались ревностными послѣдовательницами ученія Спасителя. Въ концѣ I-го, во II-мъ и III-мъ вѣкахъ христіанство проникаетъ во дворецъ цезарей. Въ III-мъ вѣкѣ жены, матери, сестры многихъ императоровъ тайно или явно слѣдуютъ ученію Христа.

Богатые Римляне-язычники иногда давали въ своемъ погребальномъ подземельѣ или мавзолеѣ мѣсто кліентамъ, отпущенникамъ и потомкамъ ихъ. Богатые христіане, слѣдуя тому же обычаю, давали мѣсто въ своихъ склепахъ своимъ бѣднымъ собратьямъ по вѣрѣ. Отсюда развитіе фамильнаго склепа въ общественное кладбище.

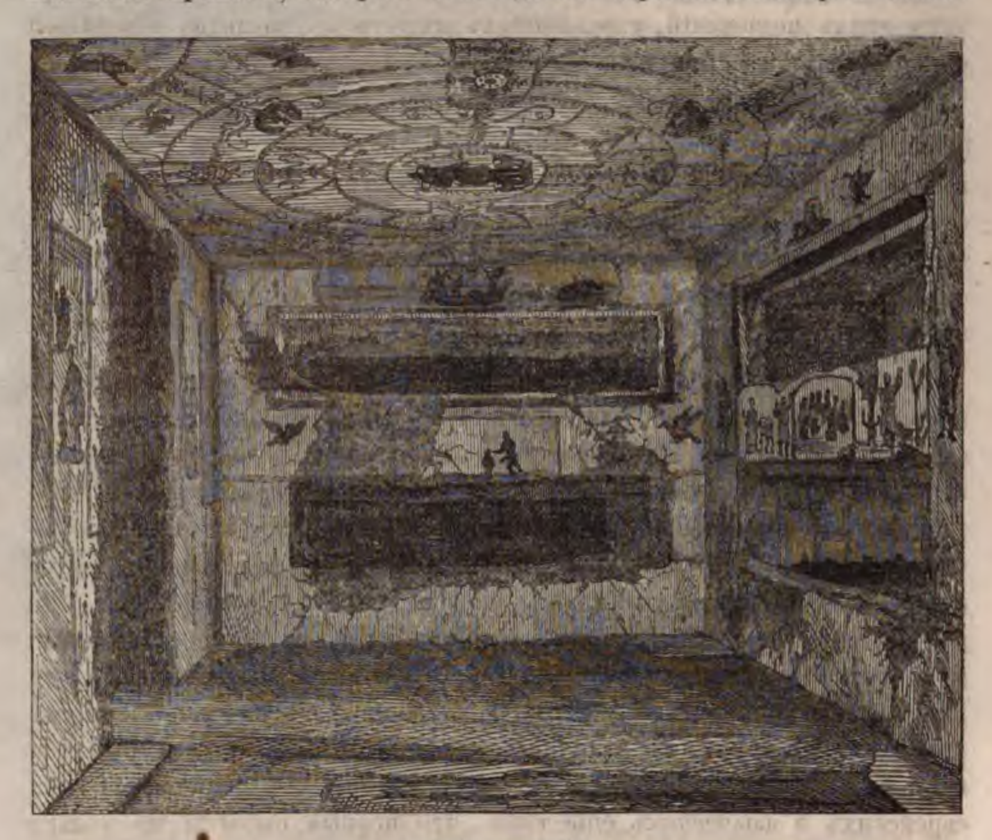
«Такъ какъ въ началѣ проповѣдники ученія Спасителя были Евреи, то христіане считались римскимъ правительствомъ іудейской сектой и въ первое время раздѣляли судьбу Евреевъ. Мы знаемъ, что эти послѣдніе, ихъ вѣра, ихъ религіозныя и національныя учрежденія и обычаи не только были терпимы въ Римѣ, но даже признаны властями, и иногда пользовались ихъ покровительствомъ, какъ напр., во времена Цезаря и въ царствованіе Августа».

Случавшіяся по временамъ гоненія Евреевъ вовсе не имѣли кроваваго характера и ограничивались изгнаніемъ ихъ изъ Рима и Италіи; но никогда ихъ не принуждали отказываться отъ закона Моисея.— Въ первый разъ отличили христіанъ отъ Евреевъ во время кратковременнаго гоненія при Неронѣ. Но это обстоятельство нисколько не лишило ихъ правъ на существованіе, не поставило ихъ внѣ закона. Римское правительство поставило рѣзкую грань между христіанами и Евреями въ царствованіе Траяна: вѣроисповѣданіе христіанъ съ этихъ поръ было или преслѣдуемо, или только терпимо.

Во II-мъ столѣтіи, когда кладбища христіанскія приняли большіе размѣры, явилась необходимость не только удалять ихъ отъ взоровъ общества, но и придать имъ новую, законную форму. Такою законною формою были погребальныя общества (collegia funeraticia), размножившіяся въ Римѣ при императорахъ и получившія законную санкцію. Эти общества составлялись по большей части людьми небогатыми и имѣли цѣлью обезпечить каждому своему члену, по его смерти, приличную гробницу и обычныя поминки. Христіане воспользовались этою готовою формою римскаго общества, которая такъ подходила къ ихъ чествованію могилъ своихъ собратій. Со времени Траяна до половины III-го вѣка каждый, обвиненный въ слѣдованіи ученію Христа, если онъ не отвергалъ его въ опредѣленныхъ формахъ, дол-

этотъ осадокъ считали за кровь мучениковъ, а могилы, въ которыхъ находили такіе сосуды, за могилы мучениковъ. Но новѣйшія изслѣдованія доказали всю ошибочность этого мнѣнія.

Мѣстами собраній въ подземныхъ кладбищахъ служили покои (cubicula), обыкновенно болѣе, чѣмъ корридоры, украшенные живописью. Въ ихъ архитектоникѣ уже замѣтенъ отчасти тотъ типъ христіанскихъ храмовъ, которые впослѣдствіи строились поверхъ земли.

Римскія катакомбы.

Познакомивъ въ первомъ отдѣлѣ съ устройствомъ катакомбъ, г. Фрикенъ во второмъ отдѣлѣ излагаетъ ихъ исторію, въ связи съ исторіей христіанской общины въ Римѣ.

Общественныя христіанскія кладбища получили свое начало отъ отдѣльныхъ семейныхъ склеповъ (ипогеевъ, криптъ). Эти склепы существовали въ римской Кампаньѣ уже въ первые годы распространенія христіанства, на томъ же основаніи, какъ и гробницы другихъ вѣрованій, подъ покровительствомъ римскихъ законовъ, строго охранявшихъ неприкосновенность надгробнаго памятника и земли, къ нему прилежащей.

Семейные склепы могли принадлежать людямъ достаточнымъ и вліятельнымъ, имена которыхъ мы встрѣчаемъ на древнѣйшихъ христіанскихъ надписяхъ. Еще въ I-мъ вѣкѣ нѣкоторыя женщины изъ римской знати принимали христіанство и дѣлались ревностными послѣдовательницами ученія Спасителя. Въ концѣ I-го, во II-мъ и III-мъ вѣкахъ христіанство проникаетъ во дворецъ цезарей. Въ III-мъ вѣкѣ жены, матери, сестры многихъ императоровъ тайно или явно слѣдуютъ ученію Христа.

Богатые Римляне-язычники иногда давали въ своемъ погребальномъ подземельѣ или мавзолеѣ мѣсто кліентамъ, отпущенникамъ и потомкамъ ихъ. Богатые христіане, слѣдуя тому же обычаю, давали мѣсто въ своихъ склепахъ своимъ бѣднымъ собратьямъ по вѣрѣ. Отсюда развитіе фамильнаго склепа въ общественное кладбище.

«Такъ какъ въ началѣ проповѣдники ученія Спасителя были Евреи, то христіане считались римскимъ правительствомъ іудейской сектой и въ первое время раздѣляли судьбу Евреевъ. Мы знаемъ, что эти послѣдніе, ихъ вѣра, ихъ религіозныя и національныя учрежденія и обычаи не только были терпимы въ Римѣ, но даже признаны властями, и иногда пользовались ихъ покровительствомъ, какъ напр., во времена Цезаря и въ царствованіе Августа».

Случавшіяся по временамъ гоненія Евреевъ вовсе не имѣли кроваваго характера и ограничивались изгнаніемъ ихъ изъ Рима и Италіи; но никогда ихъ не принуждали отказываться отъ закона Моисея.— Въ первый разъ отличили христіанъ отъ Евреевъ во время кратковременнаго гоненія при Неронѣ. Но это обстоятельство нисколько не лишило ихъ правъ на существованіе, не поставило ихъ внѣ закона. Римское правительство поставило рѣзкую грань между христіанами и Евреями въ царствованіе Траяна: вѣроисповѣданіе христіанъ съ этихъ поръ было или преслѣдуемо, или только терпимо.

Во II-мъ столѣтіи, когда кладбища христіанскія приняли большіе размѣры, явилась необходимость не только удалять ихъ отъ взоровъ общества, но и придать имъ новую, законную форму. Такою законною формою были погребальныя общества (collegia funeraticia), размножившіяся въ Римѣ при императорахъ и получившія законную санкцію. Эти общества составлялись по большей части людьми небогатыми и имѣли цѣлью обезпечить каждому своему члену, по его смерти, приличную гробницу и обычныя поминки. Христіане воспользовались этою готовою формою римскаго общества, которая такъ подходила къ ихъ чествованію могилъ своихъ собратій. Со времени Траяна до половины III-го вѣка каждый, обвиненный въ слѣдованіи ученію Христа, если онъ не отвергалъ его въ опредѣленныхъ формахъ, дол-

женъ былъ подвергнуться казни. Но кладбища и собранія христіанъ, подобныя гробницамъ и сходкамъ погребальныхъ коллегій, не подвергались запрещенію. Въ первыхъ годахъ III-го столѣтія Александръ Северъ или, можетъ быть, одинъ изъ его предшественниковъ, благосклонный къ христіанамъ, призналъ ихъ за общество нравственное и позволилъ имъ строить храмы.

До половины III-го столѣтія преслѣдованія касались только каждаго христіанина, какъ лица отдѣльнаго, и не были направлены противъ собраній и владѣній общины. Въ 257 году императоръ Валеріанъ особымъ эдиктомъ конфисковалъ земли, постройки и ипогеи христіанъ, запретивъ имъ собираться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и посѣщать кладбища: это было первое гоненіе христіанъ, какъ общества, и съ этого времени наступаетъ періодъ разрушенія христіанскихъ памятниковъ. Особенно много произведеній искусства погибло во время гоненія Діоклетіана, начавшагося въ 303 году. Приблизительно въ 306 г. оно было прекращено въ Римѣ, а въ 311-мъ епископу Мильтіаду возвращено имущество церкви, принадлежавшее обществу Христіанъ (corpus Christianorum).

Только во время гоненій Валеріана, Авреліана и Діоклетіана катакомбы принимаютъ тотъ таинственный характеръ, какого не имѣли онѣ до тѣхъ поръ. Въ это время кладбища дѣлались иногда мѣстомъ убѣжища для живыхъ; но они не могли скрываться тамъ продолжительное время въ значительномъ количествѣ. Все въ христіанскихъ подземельяхъ устроено прежде всего для погребенія мертвыхъ, и потомъ для совершенія религіозныхъ обрядовъ, тогда какъ, напротивъ, ничто въ нихъ не указываетъ, что они когда-либо служили жилищемъ.

Погребеніе въ подземельяхъ не прекратилось немедленно послѣ побѣды христіанства надъ язычествомъ. Кладбища мучениковъ, гдѣ собирались вѣрующіе, сдѣлались предметомъ особаго почитанія, что и повело къ желанію покоиться въ нихъ послѣ смерти,—а также къ украшенію, возобновленію, передѣлкамъ криптъ и постройкамъ надъ ними зданій на поверхности земли.—Но съ 410 года хоронятъ въ катакомбахъ очень рѣдко; а съ половины V-го вѣка погребеніе въ нихъ совершенно прекращается.

Катакомбы долгое время посѣщали благочестивые богомольцы и послѣ прекращенія погребенія въ нихъ. «Забвеніе катакомбъ начинается съ IX столѣтія: опустошаемыя Готѳами, Вандалами, Лонгобардами, Сарацинами, онѣ раздѣляли судьбу всѣхъ памятниковъ Рима».—«Въ эти темныя, печальныя для Рима времена феодальныя фамиліи въ междоусобныхъ войнахъ опустошали городъ и Кампанію, довершая

начатое варварами. Памятники прежней столицы міра падали и разрушались; ихъ имена, воспоминанія, которыя были съ ними связаны, забывались, и потухали. Дорога заросла и къ катакомбамъ; входы ихъ засыпались землею и были потеряны».

Въ краткомъ извлеченіи мы старались указать, такъ сказать, остовъ книги г. Фрикена. Читатель найдетъ въ ней интересныя подробности почти по каждому вопросу о катакомбахъ, описаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ извѣстныхъ криптъ и объясненіе нѣкоторыхъ памятниковъ древне христіанской скульптуры и живописи, хотя этимъ памятникамъ будетъ посвящена одна изъ слѣдующихъ частей книги.

Въ этомъ—насколько намъ извѣстно—первомъ литературномъ опытѣ А. Ѳ. Фрикена мы кое-гдѣ встрѣчаемъ повторенія, которыхъ можно бы было избѣжать, неровности слога и опечатки, зависѣвшія, можетъ быть, оттого, что авторъ жилъ постоянно за границей, далеко отъ мѣста печатанія своей книги.

Двѣнадцать гравюръ на деревѣ, исполненныхъ въ Лейпцигѣ, поясняютъ текстъ и служатъ необходимымъ украшеніемъ археологическаго сочиненія.

Въ заключеніе не можемъ не выразить признательности издателю книги, давшему возможность появиться въ свѣтъ труду, полезному и новому въ нашей археологической литературѣ.

В. Виноградскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

НОВѢЙШІЯ НАХОДКИ ДОИСТОРИЧЕСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

Топорикъ мѣднаго періода. *Въ Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ* напечатано, что въ Новочеркасскій статистич. комитетъ доставленъ топорикъ, вырытый въ одномъ изъ кургановъ Міусскаго округа, Сарматской волости. Топорикъ этотъ вылитъ изъ красной мѣди, вѣсомъ почти въ два фунта; круглый обухъ его, со спайкой назади, имѣетъ въ ширину $^3/_4$ вершка, остріе около $1^1/_2$ вершка, въ длину весь топорикъ имѣетъ $2^1/_2$ вершка; верхъ представляетъ почти прямую линію съ заостренною выпуклостью, нижняя же часть, начиная отъ обуха, постепенно расширяется къ острію. Топорикъ этотъ принадлежитъ къ эпохѣ мѣднаго періода (см. Моск. Вѣд. 1874 г. № 48).

Новое открытіе древнѣйшаго человѣческаго остава. Изъ Ниццы сообщено въ *Journal des Débats* о сдѣланномъ недавно открытіи третьяго костяка изъ породы обитателей пещеръ. Открытіе это принадлежитъ г. Ривьеру, который послалъ уже Парижскому музею первый костякъ этого рода (троглодитъ), открытый имъ въ 1871 году въ пещерѣ Кавильонъ, близь города Мантона (см. ниже протоколъ № 75, стр. 11). Судя по многочисленнымъ орудіямъ, окружающимъ оставъ, надо предполагать что онъ древнѣе костяка, находящагося въ Парижскомъ музеѣ. Такъ напримѣръ, орудія и другія вещи, найденныя при немъ, сдѣланы изъ кремня и кости. По своей грубой формѣ онѣ очевидно относятся къ древнѣйшей эпохѣ, называемой палеолитическою. Орудія эти суть: шило, остріе стрѣлы или копья, бляха и т. п. На поверхности скелета находится безчисленное множество маленькихъ дырявыхъ раковинъ, которыя, по всей вѣроятности, составляли ожерелье или браслеты. Возстановленный по возможности г. Ривьеромъ, костякъ лежалъ на грудѣ золы, поддерживавшей его въ продолженіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, среди обломковъ громадныхъ скалъ, въ одной изъ пещеръ чрезвычайно любопытной формы, на самомъ берегу Средиземнаго моря. Пещеры эти находятся на италіянской территоріи, въ 4-хъ километрахъ отъ Мантона.

Въ этихъ пещерахъ весьма много костей животныхъ; онѣ древнѣе человѣка, а именно найдены: *ursus spelaeus,* большой медвѣдь или медвѣдь обитатель пещеръ; *hyaena spelaea*, гіена обитательница пещеръ; *canis lupus*, волкъ; *canis vulpes*, лисица; *bos primigenius*, первобытный быкъ, *capra primigenia*, первобытная коза; нѣсколько породъ оленей, наконецъ остатки птицъ, принадлежащихъ къ роду *falco*, орловъ большаго размѣра. Никакихъ обломковъ горшечной посуды, никакой вещи изъ бронзы или металла не было найдено въ мантонской пещерѣ (см. Моск. Вѣд. 1874 г. № 49).

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

№ 72. 1872 года, марта 14 дня. Протоколъ восьмаго годоваго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, Н. А. Артлебена, А. В. Брыкина, И. Д. Бѣляева, А. Н. Веселовскаго, В. Н. Виноградскаго, Д. В. Разумовскаго, Н. П. Розонова, А. А. Мартынова, Д. П. Сонцева, К. Н. Тихонравова и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1. Предсѣдатель прочиталъ отчетъ о составѣ, дѣятельности и изданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества за минувшій 1871 годъ.

2. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

3. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами.

а) Отъ предсѣдателя Общества графа А. С. Уварова:

Ярлыкъ хана Золотой Орды Тохтамыша къ польскому королю Ягайлу 1392—1399 г. кн. Оболенскаго. Казань, 1850 г.

Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, П. Соловьева. Москва, 1847 г.

Историко-статистическое описаніе первоклассного Тихвинскаго Богородицкаго большаго мужескаго монастыря, состоящаго Новгородской епархіи въ г. Тихвинѣ. С. Петербургъ, 1859 г.

Исторія города Углича, Ф. Кисселя. Ярославль, 1844 г.

Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей: Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской, Е. Голубинскаго. Москва, 1871 г.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, Н. Костомарова. С. Петербургъ, 1860 г.

Краткое историч. описаніе Рыхловской пустыни, Мельхиседека. М. 1844.

Описаніе Архангельской губ., ея городовъ и достопримѣчательныхъ мѣстъ со многими другими историческими извѣстіями и замѣчаніями. С. Петербургъ, 1813 г.

Церковь села Воскресенскаго, на Обнорѣ, гдѣ прежде былъ Воскресенскій мужеской монастырь. Ярославль, 1862 г.

Описаніе Ростовскаго ставропигіальнаго. первоклассного Спасо-Яковлевскаго-Дмитріева монастыря и приписнаго къ нему Спасскаго, что на Пескахъ. С. Петербургъ, 1849 г.

Краткое историческое описаніе святыни Новгородской, Цвѣткова. С. Петербургъ, 1850 г.

Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи. Кіевъ, 1864 г.

Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составленные и издаваемые Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Т. XXXV. С. Петербургъ, 1862 г.

Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, И. Срезневскаго. С. Петербургъ, 1848 г.

Литература Русской исторіи за 1859—1864 г., В. Межова. С. Петербургъ, 1866 г.

Исторія православнаго Русскаго монашества, отъ основанія Печерской обители преподобнымъ Антоніемъ, до основанія лавры Св. Троицы преп. Сергіемъ, П. Казанскаго. Москва, 1855 г.

Исторія Троицкой лаврской семинаріи. Москва, 1867 г.

M. Alexander Castrèn's, Vorlesungen über die finnische Mythologie. С. Петерб. 1853 г.

V. Schmidt, Le Danemark à l'exposition universelle de 1867. Paris, 1867.

Notice sur la Roumanie principalement au point de vue de son économie rurale. Paris, 1868.

Bibra, Die Bronzen und Kupferlegirungen der alten und ältesten Völker. Erlangen, 1869.

Ambros, Der Dom zu Prag. Prag, 1858.

Wocel, Grundzüge der boehmischen Alterthumskunde. Prag, 1845.

Stockbauer, Kunstgeschichte des Kreuzes. Schaffhaus. 1870.

Garrucci, Dissertazioni archeolog. 1869.

б) Отъ дѣйств. члена А. А. Мартынова:

Очерки Архангельской губ., В. Верещагина. С. Петербургъ, 1849 г.

Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1870 г. (первый годъ его существованія). Москва, 1871 г.

Отчетъ и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 Января 1872 г.

Краткая исторія московскаго женскаго Никитскаго монастыря, названнаго такъ по имени родителя патріарха Филарета—Никиты Романовича, П. В. Хавскаго. Москва, 1866 г.

Свѣдѣнія о Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ за первую половину 1870 г. Москва, 1870 г.

Путеводитель изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру, И. Снегерева. М. 1856.

Воспоминаніе о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Кіевской Духовной Академіи.

Судьбы русскаго языка въ Литвѣ на Жмуди. Вильна, 1870 г.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ.

Оршинъ монастырь. Сказаніе о найденныхъ богослужебныхъ вещахъ. Москва, 1847 г.

Московская Патріаршая или Синодальная библіотека, соч. іеромонаха Іосифа. Москва, 1869 г.

Краткія свѣдѣнія о достопримѣчательныхъ предметахъ, находящихся въ Патріаршей или Синодальной ризницѣ, соч. іером. Іосифа. М. 1869 г.

в) Отъ члена корреспондента А. А. Хованскаго: Филологическія записки, выпуски V и VI. Воронежъ, 1871 г.

г) Отъ члена кор. И. А. Голышева: Миѳическія изображенія двѣнадцати лихорадокъ.

д) Отъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Отчетъ съ 14 ноября 1870 г. по 14 ноября 1871 г.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую признательность Общества.

4. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ г. министра народнаго просвѣщенія увѣдомленіе на имя г. предсѣдателя Общества о томъ, что Государь Императоръ, въ 14 день февраля Всемилостивѣйше соизволилъ благосклонно принять представленные имъ, г. министромъ, Его Императорскому Величеству серебряную медаль, вычеканенную согласно Высочайше утвержденному 14 марта 1869 года рисунку, въ память перваго Русскаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 года и экземпляръ «Трудовъ» сего Съѣзда.

б) Отъ дѣйств. члена М. М. Фомина сообщеніе, въ которомъ онъ, по усиливающейся слабости своего здоровья, проситъ Общество уволить его отъ обязанностей дѣйствительнаго члена и оставить по прежнему членомъ корреспондентомъ, съ дозволеніемъ вносить ежегодно въ кассу Общества установленную для дѣйствительныхъ членовъ сумму, а изданія Общества покупать особо.

Опредѣлили: во вниманіе къ прежнимъ заслугамъ Обществу М. М. Фомина, оставить его въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ.

в) Отъ П. И. Чепелевской отношеніе на ея имя виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, въ которомъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о древней церкви, называемой Коложанскою и находящейся въ верстѣ отъ города Гродно. Церковь эта, съ бывшимъ при ней монастыремъ во имя Бориса и Глѣба, основана въ сороковыхъ годахъ XII в. князьями гродненскими Борисомъ и Глѣбомъ, внуками Влад. Мономаха и сыновьями Всеволода Давидовича. Названіе ея Коложанскою получило начало въ 1406 г. отъ Псковитянъ изъ г. Коложи, взятыхъ въ плѣнъ Витовтомъ и поселен-

ныхъ близь этой церкви. Церковь и монастырь много пострадали отъ наводненій Нѣмана и происходившихъ здѣсь войнъ, особенно во время войны Іоанна III съ Литвою и нашествія Карла XII.

Опредѣлили: благодарить г-жу Чепелевскую за доставленное ею сообщеніе.

5) Дѣйств. членъ Н. А. Артлебенъ представилъ фотографическій снимокъ съ шитой пелены XV вѣка, хранящейся въ Суздальскомъ соборѣ. По его объясненію, эта древняя пелена въ первый разъ была замѣчена К. Н. Тихонравовымъ и описана имъ въ I т. Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества. Она имѣетъ въ длину 3 арш., въ ширину 1 арш. 13 вершковъ. Въ срединѣ ея вышито (по малиновому фону): причащеніе апостоловъ, по коймамъ—событія изъ жизни Іоакима и Анны и Пресвятой Богородицы, а по угламъ—изображенія 4-хъ евангелистовъ. Главное изображеніе обведено полоской, состоящей изъ слѣдующей вышитой надписи: въ лѣто ѕ҃ѯц.. при княженьи великаго князя Василья Дмитрѣевича всея ру҃ при архиеппѣ при Фоти митрополитѣ всея• русі и при ппѣ Митрофанѣ создан бысть въздухъ сии Костантиновою Ографѣною аже Пречистѣи мт҃ри божіи и честнаго іея рождества да боудетъ на неи. а кончанъ бысть мца іоуна въ в҃ на памѣть і҃ оца никифора. Время устройства пелены опредѣляется между 1410 годомъ (вступленія Фотія на митрополію) и 1415, подъ которымъ въ послѣдній разъ упоминается Митрофанъ, епископъ суздальскій, какъ участвовавшій въ посвященіи архіепископа новгородскаго Симеона. Совершенно подобная суздальской шитая пелена 1486 г. находится въ крестовой церкви рязанскаго архіерейскаго дома. Она описана подробно г. Крыжановскимъ въ II т. Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества. Замѣчательны находящіяся на Суздальской пеленѣ изображенія престоловъ и кивотовъ надъ ними, царскихъ дверей древней формы и запрестольной каѳедры. Рисунки этихъ предметовъ Н. А. Артлебенъ представитъ особо въ Археологическое Общество.

Опредѣлили: благодарить Н. А. Артлебена за сдѣланное имъ сообщеніе.

6) Дѣйствительный членъ К. Н. Тихонравовъ представилъ въ даръ Обществу фотографію съ головы Спасителя, сдѣланную обронно на камнѣ; показалъ мѣдные образа, принадлежащіе Владимірскому Статистическому Комитету, и предъявилъ адресованное на его имя письмо отъ священника Симеона Никольскаго, который, изъявляя готовность быть постояннымъ сотрудникомъ Московскаго Археологическаго Общества, проситъ доставить въ Общество 4 статьи, имъ составленныя, слѣдующаго содержанія:

а) Село Спасское и сельцо Оборино Владимірскаго уѣзда.

б) Погостъ Запрудье въ Суздальскомъ уѣздѣ.

в) Село Дуброво Александровскаго уѣзда.

г) Древности въ селѣ Обобуровѣ Владимірскаго уѣзда.

Опредѣлили: благодарить священника Никольскаго за доставленныя имъ статьи и передать ихъ въ редакціонный комитетъ.

7. Дѣйствительный членъ М. П. Погодинъ прислалъ свою статью подъ названіемъ: «Новшество г. Иловайскаго», для прочтенія ея въ засѣданіи.

По выслушаніи означенной статьи, определили: благодарить М. П. Погодина, съ возвращеніемъ ему статьи.

8. На основаніи § 15 Устава произведены выборы должностныхъ лицъ; избраны:

Председателемъ Графъ А. С. Уваровъ.

Товарищемъ председателя К. К. Гёрцъ.

Секретаремъ В. Е. Румянцовъ.

Товарищемъ секретаря И. Д. Беляевъ.

Членами Редакціоннаго Комитета: архимандритъ Амфилохій, П. И. Мельниковъ и Н. А. Поповъ.

Казначеемъ А. И. Хлудовъ.

№ 73. 1872 года, марта 23 дня. Протоколъ обыкновеннагоз асѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ председательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, В. М. Ведрова, В. Н. Виноградскаго, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, Н. А. Попова, Н. П. Розонова, гр. М. В. Толстаго и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго годоваго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами.

а) Отъ Тульскаго Статистическаго Комитета: Памятная книжка Тульской губерніи на 1872 годъ.

б) — Казанской Духовной Академіи: Православный Собесѣдникъ за декабрь 1871 г.

в) — чл. корреспондента А. М. Сементовскаго: Почаевская Лавра (отдѣльный оттискъ изъ Сборника въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 г).

г) — Казанскаго Университета: Извѣстія и ученыя записки за 1869 г.

д) — Кіевской Духовной Академіи: Труды за 1872 г., январь.

е) — Владимірскаго Статистическаго Комитета:

Протоколъ годичнаго собранія Комитета (напечат. въ № 9-мъ Губернскихъ вѣдомостей 1872 г.).

Содержаніе неофиціальной части Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1870 г.

Городъ Владиміръ въ началѣ XVIII в.

3. Отъ чл. кор. Р. Г. Игнатьева прислана статья: Желѣзное ратовище, найденное близь села Моршихинскаго, Тобольской губ., съ рисункомъ.

Опредѣлили: передать доставленную статью въ редакціонный комитетъ.

4. Председатель представилъ присланныя художникомъ Струковымъ въ Общество 3 фотографіи и 1 слѣпокъ съ греческихъ надписей, открытыхъ при раскопкахъ на южномъ берегу Крыма. Общество передало эти надписи д. ч. архимандриту Амфилохію, прося его сообщить свое мнѣніе о времени надписей и значеніи монограммъ.

5. Предсѣдатель представилъ отъ имени архитектора Авдѣева два плана и при нихъ описаніе двухъ церквей, отрытыхъ въ древнемъ Херсонесѣ.

6. Предсѣдатель обратилъ вниманіе членовъ на альбомы древностей Новгорода, Пскова, Рязани и Троицко-Сергіевской Лавры, составленные художникомъ Н. А. Мартыновымъ. Это замѣчательное собраніе отечественныхъ памятниковъ представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для русской археологіи. Рисунки Мартынова по искусству и точности, съ которыми они исполнены, вполнѣ достойны быть изданными Арх. Обществомъ. Такъ какъ собраніе это сдѣлано по распоряженію министра государственныхъ имуществъ Александра Алексѣевича Зеленаго, то предсѣдатель предложилъ избрать А. А. Зеленаго въ дѣйствительные члены, а художника Н. А. Мартынова въ чл. корреспонденты.

Постановлено: баллотировать предложеныхъ членовъ въ будущемъ засѣданіи. При этомъ Общество препоручило предсѣдателю обратиться къ А. А. Зеленому съ просьбою передать альбомы Н. А. Мартынова въ библіотеку Общества, для храненія и постепеннаго изданія заключающихся въ нихъ рисунковъ.

6) Предсѣдатель прочелъ статью чл. корреспондента П. С. Ефименко: «Обычай убивать стариковъ». Въ обсужденіи прочитанной статьи принимали участіе Н. А. Поповъ, П. И. Мельниковъ и другіе.

7) Предсѣдатель доставилъ панораму укрѣпленій города Пскова, рисованную фотографомъ Кампрадомъ въ Псковѣ. Статистическій Комитетъ препоручилъ этому фотографу сдѣлать 30 снимковъ съ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ древностей въ Псковѣ.

8) Секретарь изложилъ основную мысль и главные выводы въ изслѣдованіи «О пятнахъ и знаменахъ», доставленномъ въ Общество чл. кор. П. С. Ефименко. Изслѣдованіе передано въ редакціонный комитетъ, а автора Общество постановило благодарить.

№ 74. 1872 года, апрѣля 30 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, В. М. Ведрова, П. И. Мельникова, Н. А. Попова, Н. П. Розонова, Д. П. Сонцева и барона Д. О. Шеппинга.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель доложилъ о письмѣ на его имя г. министра народнаго просвѣщенія съ увѣдомленіемъ, что Высочайше утвержденнымъ въ 5 день текущаго апрѣля мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено отпустить въ нынѣшнемъ году Московскому Археологическому Обществу пособіе въ количествѣ трехъ тысячъ руб. и на будущее, съ 1873 года, время вносить расходъ сей, въ теченіи четырехъ лѣтъ, въ смѣту Министерства народнаго просвѣщенія.

Общество, выслушавъ письмо г. министра, постановило: поднести Августѣйшему своему Покровителю письменное изъявленіе глубочайшей благо-

дарности за милостивое его вниманіе къ трудамъ Общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Государя Цесаревича повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшую благодарность Общества.

3. Предсѣдатель доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами.

а) Отъ Забайкальскаго Статистическаго Комитета: Памятная книжка на 1870 годъ.

б) — Казанскаго Статистическаго Комитета: Опытъ разработки однодневныхъ переписей.

в) — Кіевской Духовной Академіи: Труды, книжка за апрѣль.

4. Дѣйств. членъ бар. Д. О. Шеппингъ, по возвращеніи изъ путешествія своего по Италіи, представилъ Обществу:

Снимокъ съ нерукотвореннаго образа Христа Спасителя, хранящагося въ Ватиканской базиликѣ. На этомъ изображеніи не видно извѣстной славянской надписи, которая на немъ находится.

Фотографическій снимокъ съ иконы Спасителя, приписываемой кисти Евангелиста Луки и хранящейся въ Римѣ, при церкви возлѣ Scala Santa.

Изслѣдованіе Іосифа Мюллули: Courte notice sur les peintures antiques découvertes dans la basilique souterraine de S. Clement à Rome. Rome, 1869.

Шесть фотографій съ древнихъ фресокъ, открытыхъ въ той же церкви Св. Климента.

Preces Sancti Nersetis; напечатано на 33 языкахъ въ армянскомъ монастырѣ Св. Лазаря въ Венеціи.

Note sur la momie conservée à S. Lazare, à Venise, par G. Chabas. Venise, 1870; при этомъ фотографическій снимокъ съ этой муміи.

Каталогъ фотографій памятниковъ Равенны у художника Риччи въ Равеннѣ.

18 фотографій съ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Равенны, въ особенности важныхъ для исторіи христіанской иконографіи.

5. Отъ чл. корр. А. М. Раевской доставленъ слѣпокъ съ мѣднаго перстня (принадлежащаго Э. И. Эйхвальду), найденнаго въ развалинахъ города Болгаръ. По работѣ перстень этотъ относится къ концу XVII вѣка.

6. Поступили свѣдѣнія о памятникахъ старины въ отвѣтъ на циркуляръ предсѣдателя:

а) Отъ члена кор. Р. Г. Игнатьева: о памятникахъ древности Оренбургской и Уфимской губерній.

б) Отъ члена кор. И. В. Шишкина: о древностяхъ въ Симбирской губерніи.

7. Отъ Дѣйств. члена Я. Ѳ. Головацкаго присланы библіографическія свѣдѣнія объ археологическихъ трудахъ Ксенофонта Антоновича Говорскаго.

8. Членъ корр. И. А. Голышевъ и дѣйств. членъ Ф. К. Брунъ письменно благодарятъ Общество за присланныя медали и Труды 1-го съѣзда.

9. Отъ художника Риччи изъ Равенны прислано изображеніе древняго саркофага, найденнаго въ 1855 г. и доселѣ еще неизданнаго, хотя онъ весьма любопытенъ по изображеніямъ крестовъ, относящихся вѣроятно къ VIII вѣку.

10. Управляющій Синодальною типографіею прислалъ въ Общество проэктъ возстановленія Правильной и Книгохранительной палатъ, вновь составленный архитекторомъ Артлебеномъ по указаніямъ Общества.

Осмотрѣвъ еще разъ во всѣхъ подробностяхъ этотъ проэктъ, Общество постановило извѣстить управляющаго Типографіею, что проэктъ Артлебена вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ имѣющимся свѣдѣніямъ объ этихъ зданіяхъ, такъ и всѣмъ требованіямъ археологіи.

11. Предсѣдатель обратилъ вниманіе членовъ на изданный въ Тифлисѣ первый томъ Сборника свѣдѣній о Кавказѣ, сообщивъ нѣкоторыя замѣчанія о статьяхъ, относящихся до археологіи Кавказскаго края.

№ 75. 1872 года, іюня 12 дня. Протоколъ экстраординарнаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, П. И. Бартенева, Н. Г. Богословскаго, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, А. А. Васильчикова, И. Е. Забѣлина, И. Д. Мансветова, Н. Н. Мурзакевича, М. П. Погодина, А. Н. Попова, Н. П. Розонова, М. М. Ѳомина и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Г. Предсѣдатель обратилъ вниманіе гг. членовъ на оконченное уже реставрированіе залы засѣданій Общества, объяснивъ, что при расписаніи ея стѣнъ и потолка, кромѣ письменныхъ памятниковъ, служила руководствомъ стѣнопись XVII вѣка, уцѣлѣвшая въ древнихъ зданіяхъ Московскаго Печатнаго двора. При этомъ г. предсѣдатель заявилъ, что издержки по возобновленію залы приняты дѣйствительнымъ членомъ А. И. Хлудовымъ на собственный счетъ.

Опредѣлили: изъявить дѣйствительному члену А. И. Хлудову благодарность Общества.

3) Секретарь Общества доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами.

а) Отъ Виленской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ: изданные ею Акты, т. V, 1871 года, и Ординація королевскихъ пущъ въ мѣстничествахъ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго, 1871 г.

б) — Кавказской Археографической Коммиссіи: собранные ею Акты, т. I—IV.

в) — дѣйствительнаго члена А. Шембера изъ Вѣны изданныя имъ изслѣдованія:

Páni z Boskovic a potomní drzitelé hradu Boskovického na Moravě, 1870 г.

Über die Lage der Vohnstätten des h. Severin Comageni, Astura und Faviana in Nieder-Oesterreich, 1871 г.

Déjiny reci a Literatury Ceské, 1872 года.

д) — Императорской Академіи наукъ: Записки т. 18, кн. II, т. 19, кн. I и II и т. 20 кн. I, 1871 года.

е) — г. министра народнаго просвѣщенія: Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ 1867 г.

ж) — Кіевской Духовной Академіи: Православный Собесѣдникъ, мартъ 1872 г.

з) — Чешскаго музеума: 1, Památki. Listy pro archaeologii a historiř, 1871; 2, Câsopis Musea kral. Céského, 1870—1871; 3, Predneseni Jednatele, 1871, v Praze.

и) — Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколъ засѣданія 4 декабря 1871 г.

і) — Редакціи Донскихъ Войсковыхъ вѣдомостей: По поводу археологическихъ находокъ (изъ неофиціальной части 53 №).

к) — дѣйствительнаго члена А. А. Мартынова: Иллюстрированный календарь, 3 кн. 1868—1870 г.

л) — Редакціи журнала «Зодчій»: № 5-й, май 1872 г.

м) — дѣйствительнаго члена А. И. Хлудова: Описаніе рукописей и каталогъ старопечатныхъ книгъ библіотеки А. Хлудова, составилъ А. Поповъ. М. 1872 г.

н) — дѣйствительнаго члена В. Е. Румянцова: О гравированіи и граверахъ при Моск. Печат. дворѣ въ XVI и XVII столѣт. М. 1870 г.

о) — Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Труды, выпускъ V, 1869 г.

п) — Казанскаго Университета: Извѣстія и ученыя записки Университета, 1871 г.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

4. Секретарь Общества доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Международнаго Конгресса доисторической антропологіи и археологіи въ Брюсселѣ приглашеніе къ участію въ трудахъ Конгресса съ 22-го по 30 августа 1872 г.

б) — члена корреспондента А. М. Раевской письмо съ изъявленіемъ благодарности за избраніе ея въ число членовъ Общества.

в) — члена корреспондента Р. Г. Игнатьева письмо, въ которомъ онъ проситъ о высылкѣ свидѣтельства на производство раскопокъ кургановъ и городищъ, на собственный счетъ, въ Тобольской и Пермской губерніяхъ.

Опредѣлили: выслать просимое свидѣтельство.

г) — А. А. Зеленаго извѣщеніе, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить: составленные художникомъ Мартыновымъ альбомы русскихъ древностей передать въ Московское Археологическое Общество какъ для храненія сихъ альбомовъ, такъ и для изданія заключающихся въ нихъ рисунковъ.

Опредѣлили: принести А. А. Зеленому глубочайшую благодарность Общества и сдѣлать распоряженіе о принятіи альбомовъ въ Общество.

д) Отъ П. А. Гильтебранта извѣстіе, что на станцію виленской желѣзной дороги доставлены были въ февралѣ нынѣшняго года колокола; на нѣкоторыхъ изъ нихъ видны были славянскія надписи, а на одномъ слѣ-

дующая: «Сапега жертвуетъ сей колоколъ въ церковь Спаса». Оказалось, что они присланы были сюда на имя купца Мухина, а имъ отосланы въ Москву въ домъ, на имя нѣкоего Жилина.

е) Отъ Н. Я. Аристова извѣстіе, что по распоряженію епископа Іосифа, викарія литовскаго, перелита риза замѣчательной иконы, которою благословилъ Іоаннъ III свою дочь Елену, отправляя ее замужъ въ Литву.

Опредѣлили: занести то и другое извѣстіе въ Археологическій Синодикъ.

5. Вслѣдствіе циркулярнаго приглашенія, разосланнаго Обществомъ къ гг. иногороднымъ членамъ о доставленіи свѣдѣній относительно мѣстныхъ древностей, присланы слѣдующія сообщенія:

а) Отъ члена корреспондента протоіерея Н. Я. Оглоблина начало составляемаго имъ, по приглашенію Общества, указателя древностей г. Кіева, которыя авторъ раздѣляетъ на 5 отдѣловъ: 1) храмы, 2) кресты съ иконами, 3) прочія принадлежности церковнослуженія, 4) остатки древностей, не принадлежащихъ къ церковнымъ предметамъ, и 5) письменные и книжные памятники. Согласно этой программѣ, на первый разъ сообщаются извѣстія объ остаткахъ каменныхъ храмовъ X вѣка, именно: Васильевскаго, Спаса на Берестовѣ и Десятинной церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ членъ корреспондентъ Н. Я. Оглоблинъ обѣщаетъ не замедлить какъ продолженіемъ, такъ и окончаніемъ своего труда, присовокупляя, что если бы Обществу угодно было потребовать отъ него объясненій, или дополненій, или соображеній по той или другой части представляемаго указателя, то и это онъ исполнитъ съ усердіемъ.

б) Отъ члена корреспондента священника В. Антонова, также изъ Кіева, сказаніе о тамошней Кирилловской Троицкой церкви. Въ этой церкви, нѣкогда монастырской и служившей мѣстомъ постриженія Св. Димитрія Ростовскаго, обращаютъ на себя вниманіе: надпись, сдѣланная Св. Димитріемъ, и изображенія, находящіяся надъ гробницами его родителей; но еще важнѣе въ археологическомъ отношеніи древнія фрески, открытыя впрочемъ только отчасти, въ среднемъ полукружіи алтаря; эти фрески представляютъ изображенія Богородицы и святителей, сходныя съ подобными же изображеніями въ алтарѣ Кіево-Софійскаго собора.

в) Отъ члена корреспондента К. Г. Евлентьева списокъ вещественнымъ памятникамъ древности и старины, церковнымъ и гражданскимъ, въ губернскомъ городѣ Псковѣ и его окрестностяхъ. Въ этомъ спискѣ перечисляются собственно архитектурные памятники древности въ Псковѣ и его окрестностяхъ.

6. Доложено о письмѣ члена корреспондента Р. Г. Игнатьева на имя священника и причта Успенской церкви на Остоженкѣ, въ которомъ онъ проситъ ихъ доставить свѣдѣнія въ Московское Археологическое Общество о находящейся въ этой церкви древней иконѣ св. Николая Чудотворца.

Дѣйствительный членъ Н. П. Розоновъ, осматривавшій по этому поводу икону Святителя Николая, прочиталъ составленную имъ записку, заключающую подробное описаніе этой иконы, ея размѣра, находящихся на ней

изображеній, оклада и надписей, которыя указывають на время ея сооруженія или обновленія (1526 г.). Это описаніе дополнено историческими свѣдѣніями о самой церкви Николая Чудотворца въ Кіевцахъ, откуда, по упраздненіи ея въ 1772 г., описанная икона перенесена была въ ближайшую Успенскую церковь на Остоженкѣ.

7. Г. предсѣдатель обратилъ вниманіе гг. членовъ на сообщеніе газеты Nord (№ 158, 1872 г.) о находкѣ полнаго человѣческаго костяка, принадлежащаго къ древнѣйшему мамонтову періоду. Эта находка получаетъ важное значеніе въ виду тѣхъ ошибочныхъ заключеній, которыя нерѣдко выводимы были о первоначальномъ организмѣ человѣка, на основаніи нѣсколькихъ неполныхъ остатковъ человѣческихъ костей древнѣйшаго періода. Костякъ этотъ найденъ натуралистомъ Ривьеромъ близь Ментона, въ пещерѣ Кавильонъ, и въ настоящее время перенесенъ въ Парижскій музей натуральной исторіи со всѣми остатками отысканныхъ при немъ каменныхъ орудій.

8. Дѣйствительный членъ М. П. Погодинъ прочиталъ свое изслѣдованіе о рожденіи и дѣтствѣ Петра Великаго.

9. Дѣйствительный членъ Н. Н. Мурзакевичъ представилъ Обществу, для помѣщенія въ его изданіяхъ, описаніе церквей Тверской епархіи, составленное по программѣ покойнаго архіепископа тверскаго Гавріила Розонова.

Опредѣлили: передать описаніе въ редакціонный комитетъ.

10. Кандидатъ С. Петербургскаго университета Д. Я. Самоквасовъ, приглашенный въ засѣданіе Общества, прочиталъ свое изслѣдованіе о городахъ и городищахъ въ древнѣйшей Руси.

11. Г. предсѣдатель предложилъ обратить часть денежнаго пособія, опредѣленнаго Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ Государя Императора для содѣйствія трудамъ Общества, на изслѣдованіе могильныхъ насыпей древнѣйшихъ племенъ, населявшихъ Русь. На первый разъ достаточно назначить 300 рублей для изслѣдованія кургановъ Кривичей, которое можно поручить члену корреспонденту М. Ф. Кусцинскому, изъявившему полную свою готовность къ исполненію такого порученія.

Опредѣлили: назначить 300 рублей на изслѣдованіе кургановъ Кривичей и возложить эту обязанность на члена корреспондента М. Ф. Кусцинскаго, снабдивъ его подробною инструкціей.

12. Г. предсѣдатель предложилъ также Обществу, на основаніи прочитаннаго Д. Я. Самоквасовымъ изслѣдованія, препоручить г. Самоквасову обслѣдовать городища и другія насыпи въ землѣ Сѣверянъ и для этой цѣли выдать ему изъ суммъ Общества 300 рублей.

Опредѣлили: препоручить Д. Я. Самоквасову изслѣдованіе городищъ въ Черниговской губерніи и выдать ему 300 руб. съ тѣмъ, чтобы по окончаніи работъ онъ представилъ Обществу отчетъ о своихъ раскопкахъ.

13. Затѣмъ г. предсѣдатель представилъ проэктъ смѣты прихода и расхода по Московскому Археологическому Обществу на текущій 1872 годъ.

Означенную смѣту Общество утвердило къ надлежащему исполненію.

14. Читанъ представленный г. казначеемъ Общества А. И. Хлудовымъ отчетъ по кассѣ Московскаго Археологическаго Общества съ 17 февраля по 1 мая 1872 г.

Опредѣлили: принять означенный отчетъ къ свѣдѣнію.

15. Приступлено къ баллотировкѣ новыхъ членовъ и избраны:

а) въ дѣйствительные члены: Александръ Алексѣевичъ Зеленый;

б) въ члены корреспонденты: Николай Александровичъ Мартыновъ, священникъ Симеонъ Никольскій и фотографъ художникъ Риччи въ Равеннѣ.

№ 76. 1872 года, ноября 24 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, В. М. Ведрова, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, іеромонаха Іосифа, И. Д. Мансветова, П. И. Мельникова, Н. А. Попова, Н. П. Розонова, М. М. Фомина, барона Д. О. Шеппинга и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Секретарь Общества доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ д. ч. И. Д. Мансветова: Историческое описаніе древняго Херсона и открытыхъ въ немъ памятниковъ.

б) — д. ч. барона фонъ-Кёне: Каталогъ картинной галлереи Императорскаго эрмитажа (второе изданіе), т. III.

в) — предсѣдателя Общества графа А. С. Уварова:

5 экземпляровъ Отчета о 13 присужденіи наградъ графа Уварова и 5 экз. Отчета о 14 присужденіи тѣхъ же наградъ.

Описаніе Спасообыденской Всеградской, что въ Вологдѣ, церкви.

Описаніе Вологодскаго Спасо-Каменскаго Духова монастыря, Савваитова.

О городѣ Вологдѣ, соч. Засѣцкаго.

Описаніе Вологодскаго каѳедральнаго Софійскаго собора, соч. Суворова. Вол. 1863 г.

Описаніе Семигородной Успенской пустыни и упраздненнаго Костромскаго Николаевскаго монастыря, соч. Савваитова.

Описаніе Троицкаго Козловскаго монастыря.

Описаніе города Переславля-Залѣсскаго.

Очеркъ нравоописательной этнографіи Онеги.

О ловлѣ сельдей въ озерѣ Плещеевѣ.

Археологическія замѣтки о городахъ Суздалѣ и Шуѣ.

Wenzel Nebesky, Geschichte des Museums des Koenigreiches Boehmen. Prag, 1863.

Gerlach, Jllustrirtes Woerterbuch der mittelalterlichen Kirchenbaukunst. Stuttgart, 1871.

Замѣчанія о Сибири (Сенатора Корнилова).

вѣроятно, и ограничиваются всѣ реставраціи, произведенныя епископомъ Agnello въ дошедшихъ до насъ мозаикахъ S. Apollinare Nuovo. Другія перемѣны могли быть имъ произведены въ мозаикахъ абсиды, но эти важные памятники, къ сожалѣнію, погибли.

Эти замѣчанія указываютъ на необходимость обращать бо́льшее вниманіе на реставраціи различныхъ эпохъ въ мозаичныхъ картинахъ, нежели какъ это дѣлалось до сихъ поръ; ихъ можно примѣнить къ мозаикамъ Рима, Венеціи, Равенны, Палермо, Монпелье, а также и къ мозаикамъ Кіево-Софійскаго собора. Тогда мы научимся находить первоначальную мысль художника и формы, въ которыя она была облечена, и отдѣлять отъ нея все то, что́ присоединили къ ней позднѣйшія времена и поколѣнія.

8. Предсѣдатель гр. А. С. Уваровъ обратилъ вниманіе членовъ на три малоизвѣстные памятника византійскаго искуства, но весьма любопытные для исторіи иконописанія. Это—три иконы, сдѣланныя изъ мозаики на восковомъ составѣ и представляющія въ техническомъ отношеніи верхъ совершенства. Одна изъ нихъ, изображающая Св. Николая, принесена была въ Буршейдскій монастырь (въ предмѣстіи Аахена), въ 973 году, первымъ игуменомъ Григоріемъ, сыномъ императора Никифора Ѳоки и братомъ Ѳеофаніи, супруги Оттона II. Вторая икона—Спасителя благословляющаго—находилась въ Флоренціи въ музеѣ Баржелло, а третья, на которой изображены 12 праздниковъ,—также во Флоренціи, въ ризницѣ собора. Подробное описаніе этихъ памятниковъ будетъ помѣщено въ Древностяхъ, издаваемыхъ Обществомъ.

№ 78. 1873 года января 15 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, Н. П. Бочарова, К. К. Герца, В. А. Дашкова, Д. И. Иловайскаго, П. И. Мельникова, Н. А. Попова, Н. П. Розонова, графа М. В. Толстаго, А. И. Хлудова, барона Д. О. Шеппинга и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета: Записки, т. VIII, 1872 г.

б) — Казанской Духовной Академіи: Православный Собесѣдникъ, ноябрь 1872 г.

в) — Казанскаго Статистическаго Комитета: Перепись въ городѣ Цивильскѣ.

г) — Южнославянской Академіи: 1) Rad, кн. XXI, 1872 г.; 2, Starine, кн. IV, 1872 г.; 3, Stari Pisci Hrvatski, кн. IV, 1872 г.

д) — Сербскаго ученаго Дружества: Гласникъ, кн. XXXIV, 1872 г.

ленія числа населенія, по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ, посредствомъ учета движенія населенія.

ч) — Эстонскаго Ученаго Общества: Verhandlungen, т. VII, выпускъ 2; Sitzungsberichte 1871.

ш) — Импер. Академіи Наукъ: Bulletin, 1872, т. XVII и XVIII.

щ) — ч. к. А. А. Хованскаго: Филологическія записки на 1872 г., выпуски 1—4.

ъ) — ч. к. А. А. Васильчикова: О портретахъ Петра Великаго.

ы) — д. ч. профессора Пипера: Maria als Thron Salomons und ihre Tugenden.

ь) — Импер. Новороссійскаго Университета: Краткій отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ его, въ 18 $\frac{71}{72}$ годахъ.

ѣ) — Императорской Археологической Коммиссіи: 2-й выпускъ Древностей Геродотовой Скиѳіи.

э) — ч. к. іеромонаха Іосифа: Краткія свѣдѣнія о соборахъ и монастыряхъ въ Кремлѣ.

ю) — г. Савина: Альбомъ рисунковъ умершаго художника Шварца.

Опредѣлили: выразить жертвователямъ глубочайшую признательность Общества.

я) Сверхъ того въ Общество поступили слѣдующія иностранныя изданія, имъ выписываемыя:

Archeologie Religieuse, I, 1869.

Bibliothèque Archeologique, 1846.

Abécedaire ou rudiment d'Archeologie, II—IV, 1860.

The Archeological Journal, 1862.

Bulletino di Archeologia Christiana, 1872.

Revue de l'art chretien, 1872, № № 1—6.

Revue Archeologique, 1872, I—IX.

Mittheilungen der K. K. Central-Commission, 1872.

3. Секретарь Общества доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ г. товарища министра народнаго просвѣщенія сообщеніе о дозволеніи Обществу открывать публичныя чтенія по предметамъ археологіи, но не иначе какъ по испрошеніи на нихъ каждый разъ разрѣшенія начальства московскаго учебнаго округа.

Опредѣлили: препоручить г. предсѣдателю ходатайствовать о внесеніи въ самый Уставъ Общества дополнительнаго параграфа, которымъ бы предоставлялось Обществу открывать публичныя лекціи, не испрашивая на то каждый разъ особаго разрѣшенія.

б) Отъ членовъ корреспондентовъ: А. А. Хованскаго и И. А. Голышева письма съ изъявленіемъ благодарности за высылку имъ дипломовъ.

в) Отъ секретаря Славянскаго Комитета д. ч. Н. А. Попова увѣдомленіе о разсылкѣ имъ, по просьбѣ Общества, приглашеній къ участію въ предполагаемомъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, въ 1874 г., разнымъ иностраннымъ ученымъ (въ Англіи, Франціи, Пруссіи, Саксоніи, Галиціи, Чехіи, Австріи, Хорваціи, Далмаціи, Черногоріи, Буковинѣ, Сербіи, и Турціи).

г) Отъ члена корреспондента А. М. Сементовскаго извѣстіе о двухъ археологическихъ находкахъ въ Витебской губерніи.—Въ маѣ нынѣшняго года, въ селеніи Веляшновичахъ, Витебскаго уѣзда, открыто было древнее кладбище, въ которомъ найдено тѣло въ священническомъ облаченіи, а въ нѣкоторыхъ полуразрушившихся гробахъ—стеклянныя рюмки, на подобіе бокаловъ, и разныя мѣдныя и серебряныя монеты, пропавшія впрочемъ безслѣдно. Важнѣе вторая находка: въ томъ же уѣздѣ, близь деревни Заборцевъ и Лосвидскаго озера, одинъ изъ крестьянъ, распахивая землю, нашелъ нѣсколько витыхъ серебряныхъ обручей, служившихъ въ древности шейными украшеніями и состоящихъ изъ сплава серебра съ оловомъ. Прилагая фотографію съ этихъ обручей, членъ корреспондентъ А. М. Сементовскій добавляетъ, что въ послѣднія 12 лѣтъ находка подобныхъ вещей въ этихъ мѣстностяхъ повторялась три раза; однажды такіе обручи найдены были вмѣстѣ съ древними куфическими монетами.

д) Отъ Т. В. Кибальчича изъ Тулы письмо, въ которомъ онъ предлагаетъ доставить въ Общество рисунки неописанныхъ еще монетъ Херсонеса Таврическаго, Пантикапеи, татарскихъ и др. и проситъ выслать ему Уставъ Общества.

Опредѣлили: выслать г. Кибальчичу Уставъ Общества и просить его о доставленіи обѣщанныхъ рисунковъ.

е) Отъ члена корреспондента И. А. Голышева письмо съ просьбою увѣдомить, въ какомъ видѣ должно быть составлено описаніе мѣстныхъ древностей, требующееся для Общества.

Опредѣлили: просить о составленіи краткой описи памятниковъ древностей, съ указаніемъ на тѣ изданія, въ которыхъ эти памятники были уже описаны.

ж) Отъ члена корреспондента К. Г. Евлентьева письмо, въ которомъ онъ проситъ выслать ему обратно доставленный въ Общество списокъ древностей города Пскова, для исправленія вкравшихся въ него нѣкоторыхъ неточностей.

Опредѣлили: выслать требуемый списокъ съ просьбою о возвращеніи его, по исправленіи, въ Общество.

з) Отъ члена корреспондента протоіерея И. Я. Оглоблина окончаніе краткаго описанія кіевскихъ древностей, заключающее въ себѣ списокъ каменныхъ храмовъ, крестовъ, иконъ, остатковъ мозаики, фресокъ, церковной утвари и разныхъ предметовъ, не принадлежащихъ собственно храму, наконецъ письменныхъ и книжныхъ памятниковъ съ XI по XVII вѣкъ включительно.

и) Отъ члена корреспонд. А. М. Сементовскаго списокъ памятниковъ старины, находящихся въ предѣлахъ Витебской губерніи. Въ этомъ спискѣ перечислены древнія церкви, монастыри, кресты, замки и камни Бориса, съ указаніемъ на изданія, въ которыхъ заключаются подробныя описанія или изслѣдованія этихъ памятниковъ древности.

Опредѣлили: выразить членамъ корреспондентамъ: Н. Я. Оглоблину и А. М. Сементовскому благодарность Общества за доставленныя ими описанія мѣстныхъ древностей.

изъ буквъ и по отсутствію вѣнца вокругъ головы сіянія. Этотъ амулетъ долженъ относиться къ V вѣку; въ заключеніе добавилъ, что донынѣ совершенно ошибочно называютъ такіе амулеты гривнами. Подъ словомъ гривна слѣдуетъ понимать или гривны денежныя, т. е. грубо литые слитки, или металлическіе обручи, которые носились на шеѣ въ знакъ особой милости; такъ Св. Борисъ возложилъ на любимаго своего отрока золотую гривну: «бѣ бо возложилъ нань гривну злату велику, въ ней же предстояше предъ нимъ». Такія шейныя гривны иногда такъ плотно облегали шею, что когда убійцы Бориса хотѣли сорвать эту гривну съ убитаго отрока, то, не могуче оборвать гривны съ него, усѣкнувше главу его. По мнѣнію гр. Уварова гораздо правильнѣе называть эти амулеты [illegible] или наузами, потому что съ дѣтства, иногда при рожденіи, вслѣдствіе особаго суевѣрія, такой амулетъ надѣвали или навязывали ребенку на шею, и онъ носилъ его всю жизнь. На амулетѣ, описанномъ архимандритомъ Амвросіемъ въ Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества (т. III, выпускъ 3), сдѣлана надпись: «Богородице помози и помоги носящему тебя всегда» ясно указываетъ, что такіе амулеты носились постоянно. Тоже видимъ и въ лѣтописи, подъ 1045 годомъ, гдѣ говорится про князя Всеслава Брячиславича: его же роди мать отъ вълхвованья, матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его; рекоша бо волъхви матери его: се язвено навяжи нань, да носитъ е до живота своего. Еже носитъ Всеславъ и до сего дне на собѣ, сего ради немилостивъ есть на кровопролитье». Потомъ гр. Уваровъ сообщилъ еще нѣсколько замѣчаній о змѣевидныхъ амулетахъ съ изображеніями, находящихся въ той же ризницѣ Св. Сергія.

3. Членъ корреспондентъ Е. В. Барсовъ представилъ Обществу деревянную икону, на которой выбиты съ трехъ сторонъ, [illegible] и серебромъ, надписи вязью. Судя надпись по [illegible] разобрать трудно, но судя по [illegible] буквъ, она относится къ XVI или къ началу XVII вѣка. Эта икона, по словамъ Е. В. Барсова, принадлежала Заонежскому Николаевскому монастырю, теперь упраздненному, въ которомъ [illegible] была пострижена и жила въ заточеніи Марія (въ монашествѣ Марѳа) Нагихъ, 5-я супруга Грознаго, мать Св. Царевича Димитрія. До сихъ поръ уцѣлѣли тамъ древнія, [illegible] уже въ землю, деревянныя церкви Св. Троицы, находившіяся прежде надъ монастырскими воротами.

4. [illegible] К. К. Герцъ представилъ программу новаго журнала, предпринимаемаго въ Римѣ [illegible] археологомъ и членомъ Московскаго Археологическаго Общества о. Гарруччи, по части исторіи христіанскаго искусства первыхъ VIII вѣковъ. О. Гарруччи [illegible] многочисленными трудами, преимущественно [illegible] христіанскихъ [illegible] съ [illegible], находящихся въ римскихъ катакомбахъ, и [illegible] еврейской [illegible] въ земле Римской. По образцу [illegible], онъ раздѣляетъ свое сочиненіе на 2 части, изъ которыхъ первая будетъ заключать теорію, а вторая исторію христіанскаго искусства. Въ этомъ журналѣ, къ которому [illegible] подготовленіемъ [illegible] трудами всей

открытыхъ въ прошедшемъ году на землѣ, принадлежащей Богоявленскому монастырю на Никольской.

5. Г. Предсѣдатель доложилъ о полученномъ имъ письмѣ отъ извѣстнаго финолога Д. П. Европеуса изъ Гельсингфорса, въ которомъ г. Европеусъ сообщаетъ извѣстіе о произведенныхъ имъ раскопкахъ близь погоста Бѣжицы, въ десяти верстахъ на сѣверо-западъ отъ уѣзднаго города Бѣжецка. На этомъ мѣстѣ Д. П. Европеусъ разрылъ пятнадцать кургановъ. Всѣ найденные здѣсь черепа оказались доликоцефальными по измѣреніямъ г. Ивановскаго; встрѣтился только одинъ субдоликоцефальный. У одного изъ оставовъ на груди лежала серебряная монета Генриха III (1039—1056). Отсюда г. Европеусъ выводитъ заключеніе, что это длинноголовое племя принадлежитъ къ одному времени съ Мерянскимъ племенемъ во Владимірской и Ярославской губерніяхъ и съ курганнымъ племенемъ Московской губерніи; даже и около рѣки Сити г. Сабанѣевъ также находилъ доликоцефальные черепа. Всѣ бѣжецкіе оставы лежали головою на западъ, т. е. лицемъ на востокъ, а при нихъ найдены бронзовыя вещи, какъ то: бубенчики, кольца въ ушахъ (даже 3 кольца въ одномъ ухѣ), бусы, маленькіе желѣзные ножики, цѣпочки и пр., совершенно одинаковыя съ мерянскими вещами. Только въ одномъ курганѣ, замѣчаетъ г. Европеусъ, весьма низкомъ, вмѣстѣ съ жжеными костями лошади оказались весьма изящно сдѣланныя бронзовыя вещи отъ конской сбруи, съ изображеніями перевитыхъ драконовъ, медвѣжьихъ головъ, трилиственниковъ и т. п. Подобныхъ рисунковъ, говоритъ г. Европеусъ, онъ не видалъ ни въ атласѣ Трудовъ перваго арх. съѣзда, ни въ С. Петербургскихъ собраніяхъ. Онъ обѣщаетъ подробное описаніе этихъ раскопокъ, которое будетъ помѣщено въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія.

6. Г. предсѣдатель представилъ въ даръ Обществу модель свайныхъ построекъ, сдѣланную на основаніи изслѣдованія дѣйствительнаго чл. профессора Келлера въ Цюрихѣ.

7. Г. предсѣдатель обратилъ вниманіе гг. членовъ на обломокъ древняго каменнаго молотка, на которомъ профессоръ Келлеръ высверлилъ отверзтіе посредствомъ кости съ пескомъ. Этотъ любопытный опытъ доказываетъ, что обдѣлка отверзтій въ разнообразныхъ каменныхъ орудіяхъ удобно могла производиться безъ всякой помощи металлическихъ инструментовъ.

8. Секретарь доложилъ, что отъ члена корреспондента Р. Г. Игнатьева доставлена статья, напечатанная имъ въ Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ подъ заглавіемъ: Походный иконостасъ и церковная утварь, пожалованные Петромъ Великимъ въ г. Оренбургѣ. Въ письмѣ своемъ членъ корреспондентъ Р. Г. Игнатьевъ предлагаетъ: не найдетъ ли Общество возможнымъ перепечатать эту статью въ издаваемыхъ имъ Трудахъ или протоколахъ.

Опредѣлили: передать присланную статью въ редакціонный комитетъ.

9. Г. предсѣдатель предложилъ членамъ обсудить мѣры къ осуществленію принятаго Обществомъ проэкта открыть въ будущемъ году публичныя чтенія по предметамъ Археологіи.

ж) — дѣйствительнаго члена А. А. Мартынова: Всеобщій Календарь на 1870 —72 годы.

з) — члена корреспондента А. А. Хованскаго: а) Филологическія записки, выпускъ VI, 1872 г. и б) Русская историческая библіографія, годъ восьмой.

и) — дѣйствительнаго члена К. Н. Тихонравова: Труды Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, выпускъ IX.

В. РУКОПИСЯМИ:

Отъ дѣйствительнаго члена К. Н. Тихонравова: а) Книги ужинныя, умолотныя и посѣвныя вотчинъ суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря, 1693 года; б) Списокъ съ дозорныхъ книгъ города Суздаля, составленныхъ по указу стольника и воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, 1612 года.

В. РИСУНКАМИ:

а) Отъ дѣйствительнаго члена В. Е. Румянцова: рисунокъ нынѣшняго вида Правильной и Книгохранительной палатъ Печатнаго Двора XVII вѣка, находящихся при домѣ Московской Синодальной типографіи.

б) — дѣйствительнаго члена А. А. Мартынова: 9 рисунковъ изъ Русской Старины съ изображеніями разныхъ памятниковъ древне-русской архитектуры, нынѣ уже несуществующихъ, какъ матеріалъ для Археологическаго Сѵнодика.

Опредѣлили: Изъявить жертвователямъ глубочайшую признательность Общества.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ.

а) Отъ г. А. В. Черникова-Анучина письмо, въ которомъ онъ, препровождая статью подъ заглавіемъ: Находка древностей близь города Уфы, проситъ объ избраніи его въ званіе члена-сотрудника Московскаго Археологическаго Общества и о высылкѣ ему свидѣтельства на производство курганныхъ раскопокъ въ Оренбургской губерніи.

Опредѣлили: благодарить г. Черникова-Анучина за присланную статью, которую и передать въ редакціонный комитетъ; что же касается свидѣтельства на производство раскопокъ, то просить его предварительно увѣдомить Общество: на какихъ мѣстностяхъ, по какому плану и для какой научной цѣли онъ намѣревается производить эти раскопки и какими научными соображеніями имѣетъ въ виду руководствоваться въ своихъ археологическихъ разысканіяхъ.

б) Отъ Конторы Московской Синодальной типографіи отношеніе, въ которомъ, извѣщая о предпринимаемомъ возстановленіи Правильной и Книгохранительной палатъ XVII вѣка, находящихся при типографскомъ домѣ, Контора объясняетъ, что для ученаго наблюденія за строительными работами она признаетъ необходимымъ учрежденіе особаго комитета и проситъ Общество: не угодно ли ему будетъ предложить кому либо изъ своихъ гг. членовъ принять участіе въ дѣйствіяхъ означеннаго комитета, въ качествѣ его члена; со стороны же Конторы въ этомъ комитетѣ имѣютъ находиться:

членовъ на описаніе византійской ткани, сдѣланное тѣмъ же профессоромъ Аусмвертомъ; ткань эта замѣчательна тѣмъ, что на ней находится надпись. Въ заключеніе предсѣдатель предложилъ Обществу избрать проф. Аусмверта также дѣйствительнымъ членомъ по § 7.

Постановлено: профес. Аусмверта баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

5. Предсѣдатель доложилъ о присланной изъ Кавказскаго Статистическаго Комитета рукописной статьѣ Г. Байерна, на нѣмецкомъ языкѣ, о раскопкахъ, сдѣланныхъ близъ Мцхета въ 1871 и 1872 годахъ, съ приложеніемъ фотографическаго снимка съ найденныхъ предметовъ и оттисковъ съ надписей и камней.

Опредѣлили: благодарить Г. Байерна за сообщенныя свѣдѣнія и въ особенности за присланные оттиски, такъ какъ самая статья его была уже напечатана въ Zeitschrift für Ethnologie, 1872. Оттиски съ надписей, повидимому еврейскихъ, вмѣстѣ съ оттисками съ рѣзныхъ камней и восточныхъ монетъ, постановлено отослать къ д. чл. Хвольсону и Тизенгаузену съ просьбою доставить въ Общество мнѣніе объ этихъ памятникахъ.

6. Секретарь доложилъ о присылкѣ отъ Рославльскаго исправника 100 экземпляровъ мелкихъ мѣдныхъ монетъ, изъ числа 830, найденныхъ въ землѣ въ городѣ Рославлѣ.

Всѣ присланныя монеты оказались мѣдными солидами, чеканенными въ Ригѣ, при шведскомъ владычествѣ, съ именами: Христины, Карла-Густава и Сигизмунда III.

Такъ какъ эти монеты не имѣютъ особо важнаго нумизматическаго значенія, то постановлено возвратить ихъ г. исправнику, съ изъявленіемъ благодарности Общества за доставленное извѣстіе.

7. Товарищъ предсѣдателя К. К. Герцъ сообщилъ свои замѣчанія о мозаикахъ базилики S. Apollinare Nuovo въ Равеннѣ. При обсужденіи мозаичныхъ картинъ, по его мнѣнію, обращаютъ слишкомъ мало вниманія на реставраціи, которымъ эти произведенія подвергались въ различныя времена. Какъ при разборѣ произведеній живописи масляными красками, критики, для нахожденія слѣдовъ кисти великаго художника, указываютъ на позднѣйшія ретуши, такъ и при разборѣ мозаикъ слѣдуетъ выдѣлять всѣ позднѣйшія реставраціи, которыя иногда совершенно измѣняютъ первоначальный характеръ произведенія. Примѣромъ тому могутъ служить мозаики вышеназванной церкви. Извѣстно, что древнѣйшая реставрація ихъ принадлежитъ временамъ епископа Agnello (556—569 гг.), когда эта базилика изъ аріанской, вѣроятно придворной, церкви Остъ-Готскаго короля Θеодорика превращена была въ католическій храмъ. Новѣйшая реставрація принадлежитъ нашему времени. Начнемъ съ послѣдней. Три волхва, приносящіе дары Божіей Матери, возсѣдящей съ младенцемъ Спасителемъ на престолѣ, суть произведеніе швейцарскаго уроженца г. Кюбеля, долгое время находившагося въ папской службѣ въ Римѣ и тамъ научившагося мозаической техникѣ. Ему-то поручена была реставрація всѣхъ мозаикъ церкви Св. Аполлинарія, и онъ лучше другихъ знаетъ, какія части новыя и

дующая: «Сапега жертвуетъ сей колоколъ въ церковь Спаса». Оказалось, что они присланы были сюда на имя купца Мухина, а имъ отосланы въ Москву въ ломъ, на имя нѣкоего Жилина.

е) Отъ Н. Я. Аристова извѣстіе, что по распоряженію епископа Іосифа, викарія литовскаго, перелита риза замѣчательной иконы, которою благословилъ Іоаннъ III свою дочь Елену, отправляя ее замужъ въ Литву.

Опредѣлили: занести то и другое извѣстіе въ Археологическій Синодикъ.

5. Вслѣдствіе циркулярнаго приглашенія, разосланнаго Обществомъ къ гг. иногороднымъ членамъ о доставленіи свѣдѣній относительно мѣстныхъ древностей, присланы слѣдующія сообщенія:

а) Отъ члена корреспондента протоіерея Н. Я. Оглоблина начало составляемаго имъ, по приглашенію Общества, указателя древностей г. Кіева, которыя авторъ раздѣляетъ на 5 отдѣловъ: 1) храмы, 2) кресты съ иконами, 3) прочія принадлежности церковнослуженія, 4) остатки древностей, не принадлежащихъ къ церковнымъ предметамъ, и 5) письменные и книжные памятники. Согласно этой программѣ, на первый разъ сообщаются извѣстія объ остаткахъ каменныхъ храмовъ X вѣка, именно: Васильевскаго, Спаса на Берестовѣ и Десятинной церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ членъ корреспондентъ Н. Я. Оглоблинъ обѣщаетъ не замедлить какъ продолженіемъ, такъ и окончаніемъ своего труда, присовокупляя, что если бы Обществу угодно было потребовать отъ него объясненій, или дополненій, или соображеній по той или другой части представляемаго указателя, то и это онъ исполнитъ съ усердіемъ.

б) Отъ члена корреспондента священника В. Антонова, также изъ Кіева, сказаніе о тамошней Кирилловской Троицкой церкви. Въ этой церкви, нѣкогда монастырской и служившей мѣстомъ постриженія Св. Димитрія Ростовскаго, обращаютъ на себя вниманіе: надпись, сдѣланная Св. Димитріемъ, и изображенія, находящіяся надъ гробницами его родителей; но еще важнѣе въ археологическомъ отношеніи древнія фрески, открытыя впрочемъ только отчасти, въ среднемъ полукружіи алтаря; эти фрески представляютъ изображенія Богородицы и святителей, сходныя съ подобными же изображеніями въ алтарѣ Кіево-Софійскаго собора.

в) Отъ члена корреспондента К. Г. Евлентьева списокъ вещественнымъ памятникамъ древности и старины, церковнымъ и гражданскимъ, въ губернскомъ городѣ Псковѣ и его окрестностяхъ. Въ этомъ спискѣ перечисляются собственно архитектурные памятники древности въ Псковѣ и его окрестностяхъ.

6. Доложено о письмѣ члена корреспондента Р. Г. Игнатьева на имя священника и причта Успенской церкви на Остоженкѣ, въ которомъ онъ проситъ ихъ доставить свѣдѣнія въ Московское Археологическое Общество о находящейся въ этой церкви древней иконѣ св. Николая Чудотворца.

Дѣйствительный членъ Н. П. Розоновъ, осматривавшій по этому поводу икону Святителя Николая, прочиталъ составленную имъ записку, заключающую подробное описаніе этой иконы, ея размѣра, находящихся на ней

изображеній, оклада и надписей, которыя указываютъ на время ея сооруженія или обновленія (1526 г.). Это описаніе дополнено историческими свѣдѣніями о самой церкви Николая Чудотворца въ Кіевцахъ, откуда, по упраздненіи ея въ 1772 г., описанная икона перенесена была въ ближайшую Успенскую церковь на Остоженкѣ.

7. Г. предсѣдатель обратилъ вниманіе гг. членовъ на сообщеніе газеты Nord (№ 158, 1872 г.) о находкѣ полнаго человѣческаго костяка, принадлежащаго къ древнѣйшему мамонтову періоду. Эта находка получаетъ важное значеніе въ виду тѣхъ ошибочныхъ заключеній, которыя нерѣдко выводимы были о первоначальномъ организмѣ человѣка, на основаніи нѣсколькихъ неполныхъ остатковъ человѣческихъ костей древнѣйшаго періода. Костякъ этотъ найденъ натуралистомъ Ривьеромъ близъ Мантона, въ пещерѣ Кавильонъ, и въ настоящее время перенесенъ въ Парижскій музей натуральной исторіи со всѣми остатками отысканныхъ при немъ каменныхъ орудій.

8. Дѣйствительный членъ М. П. Погодинъ прочиталъ свое изслѣдованіе о рожденіи и дѣтствѣ Петра Великаго.

9. Дѣйствительный членъ Н. Н. Мурзакевичъ представилъ Обществу, для помѣщенія въ его изданіяхъ, описаніе церквей Тверской епархіи, составленное по программѣ покойнаго архіепископа тверскаго Гавріила Розонова.

Опредѣлили: передать описаніе въ редакціонный комитетъ.

10. Кандидатъ С. Петербургскаго университета Д. Я. Самоквасовъ, приглашенный въ засѣданіе Общества, прочиталъ свое изслѣдованіе о городахъ и городищахъ въ древнѣйшей Руси.

11. Г. предсѣдатель предложилъ обратить часть денежнаго пособія, опредѣленнаго Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ Государя Императора для содѣйствія трудамъ Общества, на изслѣдованіе могильныхъ насыпей древнѣйшихъ племенъ, населявшихъ Русь. На первый разъ достаточно назначить 300 рублей для изслѣдованія кургановъ Кривичей, которое можно поручить члену корреспонденту М. Ф. Кусцинскому, изъявившему полную свою готовность къ исполненію такого порученія.

Опредѣлили: назначить 300 рублей на изслѣдованіе кургановъ Кривичей и возложить эту обязанность на члена корреспондента М. Ф. Кусцинскаго, снабдивъ его подробною инструкціей.

12. Г. предсѣдатель предложилъ также Обществу, на основаніи прочитаннаго Д. Я. Самоквасовымъ изслѣдованія, препоручить г. Самоквасову обслѣдовать городища и другія насыпи въ землѣ Сѣверянъ и для этой цѣли выдать ему изъ суммъ Общества 300 рублей.

Опредѣлили: препоручить Д. Я. Самоквасову изслѣдованіе городищъ въ Черниговской губерніи и выдать ему 300 руб. съ тѣмъ, чтобы по окончаніи работъ онъ представилъ Обществу отчетъ о своихъ раскопкахъ.

13. Затѣмъ г. предсѣдатель представилъ проэктъ смѣты прихода и расхода по Московскому Археологическому Обществу на текущій 1872 годъ.

отъ другой разстоянія, съ головами обращенными въ лѣвую сторону; между змѣями шесть звѣздъ. По краю, въ такихъ же концентрированныхъ кругахъ, слѣдующія надписи: 1) † ги пъмъзи раб... оима нарьчьнъ мавъ сватьмьѣ хрьщьнии марии. 2) † и хрьстинѣ въ мир... ьмиославле съ старѣишь со дъчѣри со аминь. Надписи въ пяти мѣстахъ повреждены: отколоты кусочки камня и съ словами; это даетъ поводъ думать, что нѣкогда амулетъ этотъ былъ въ какой либо металлической оправѣ съ ушками, для ношенія на груди, и когда былъ приложенъ въ соборъ, то оправа снята, какъ обыкновенно случается, для употребленія на какія либо церковныя потребности. Къ этому К. Н. Тихонравовъ прибавляетъ, что донынѣ семи отрокамъ молебствуютъ, если у кого дѣти страдаютъ безсонницею.

6. Дѣйствительный членъ И. Д. Мансветовъ сдѣлалъ сообщеніе о сочиненія Добберта: «Изображеніе Тайной вечери въ византійскомъ искусствѣ». По замѣчанію референта, эта брошюра заслуживаетъ особеннаго вниманія по отношенію къ нашей иконографіи и какъ образчикъ возрастающаго на западѣ сочувствія къ изученію Византіи и ея памятниковъ. Доббертъ касается одного изъ спеціальныхъ вопросовъ византійской иконографіи, а извѣстно, какъ еще мало разработана эта отрасль церковнаго искусства, и какъ важно всякое изслѣдованіе по этой части, въ виду тѣсной генетической связи, какая существуетъ между византійскою и русскою иконографіей.

Имѣя въ виду эту связь, авторъ не ограничился одними данными изъ области византійской археологіи, но обратилъ вниманіе и на памятники нашего церковнаго искусства; онъ познакомился съ извѣстнѣйшими археологическими трудами нашихъ изслѣдователей, пересмотрѣлъ изданія памятниковъ нашей древности и занимался съ этою цѣлію въ музеумѣ христіанскихъ древностей при Академіи Художествъ. Здѣсь онъ пользовался собраніемъ снимковъ, сдѣланныхъ на Аѳонѣ Савостьяновымъ, изданіями князя Гагарина, Прохорова и коллекціею византійско-русскихъ миніатюръ. Съ глубокою благодарностію отзывается Доббертъ о благосклонномъ содѣйствіи Академіи, открывшей ему всѣ средства пользоваться собранными здѣсь богатыми матеріалами. Западная наука, не смотря на трудолюбіе и талантливость своихъ дѣятелей въ области исторіи искусства, еще не вполнѣ освободилась отъ предубѣжденій на счетъ занятій искусствомъ византійскимъ и смотритъ на него какъ на предметъ неблагодарный, отмѣченный сухою рутиною. Доббертъ рѣшительно высказывается противъ этого взгляда, находитъ его поверхностнымъ и замѣчаетъ, что византійскіе художники, не смотря на строгость церковныхъ преданій, не оставались пассивными исполнителями правилъ подлинника, но вносили въ свои произведенія особенности личнаго вкуса и пониманія. Одинъ и тотъ же сюжетъ изображался ими различно, по смыслу того или другаго библейскаго мѣста, и судя потому,—назначалось ли извѣстное произведеніе для церковнаго или частнаго употребленія. Готовый традиціонный типъ передавался въ различныхъ копіяхъ, носившихъ отпечатокъ личнаго художественнаго вкуса. Къ этимъ замѣчаніямъ референтъ прибавилъ, что сужденіе о техническихъ и художественныхъ недостаткахъ искусства византійскаго основывается не

на цѣлой массѣ его памятниковъ, а на одной, дѣйствительно слабой, части, относящейся къ тому времени, когда Византія начала клониться къ упадку, и ея художественная дѣятельность обратилась въ ремесло въ рукахъ неумѣлыхъ мастеровъ. Но въ лучшую свою пору искусство византійское стояло высоко и руководилось образцами искусства античнаго. Доказательствомъ служатъ мозаики Софійскаго храма и церквей равеннскихъ, также миніатюры древнихъ рукописей. Лабартъ, Унгеръ и другіе пришли къ тому же заключенію.

Затѣмъ референтъ представилъ, на основаніи монографіи Доберта, краткій очеркъ изображенія Тайной вечери въ искусствѣ катакомбномъ и по памятникамъ мозаическаго періода.

Согласно съ общимъ характеромъ первохристіанскаго искусства, сюжетъ этотъ изображали сначала въ символическихъ формахъ, подъ разными условными знаками, между которыми первое мѣсто занимаетъ изображеніе рыбы; потомъ представляли его по аналогіи съ разными евангельскими событіями, пока наконецъ не дошли до историческаго типа, который выработался уже въ искусствѣ византійскомъ. Здѣсь мы находимъ два перевода этого сюжета: историческій, когда изображали Тайную вечерю по смыслу евангельскаго повѣствованія, и мистически церковный, когда изображали этотъ сюжетъ въ формѣ литургической, подъ образомъ причащенія апостоловъ въ алтарѣ Спасителемъ. Въ этомъ видѣ сохранились до насъ древнія изображенія Тайной вечери на стѣнописи и въ миніатюрахъ. Но иконографія, или миніатюра выработала этотъ типъ? Референтъ по этому поводу указалъ на важность изученія миніатюрной живописи для исторіи иконографическихъ типовъ, потому что миніатюра во многихъ случаяхъ прокладывала путь для иконографіи и предупреждала ее въ выработкѣ живописныхъ сюжетовъ. Что не могло быть, по извѣстнымъ соображеніямъ, допущено въ иконографіи, допускалось въ миніатюрѣ, не имѣвшей исключительно церковнаго назначенія и болѣе свободной отъ церковнаго контроля. Доказательство этому представляетъ между прочимъ изображеніе Распятія, которое въ первый разъ встрѣчается между миніатюрами еврейскаго Евангелія Раввулы.

Изъ византійскихъ изображеній Тайной вечери особенно важны для насъ мозаики и фрески древнихъ церквей кавказскихъ и кіевскихъ, сообщаемыя Доббертомъ. При этомъ онъ пользовался снимками съ изданія кн. Гагарина «Caucase pittoresque», трудами Гримма, Закревскаго и другихъ нашихъ ученыхъ. На Кавказѣ уцѣлѣло одно изъ древнѣйшихъ изображеній Тайной вечери въ церкви Некрезской; оно помѣщено надъ горнимъ мѣстомъ и хорошо сохранилось. Построеніе церкви относятъ къ временамъ грузинскаго царя Тиридата Хозроида (393—405 г.), но стѣнопись гораздо позднѣе. Здѣсь Тайная вечеря изображена подъ видомъ причащенія апостоловъ, при чемъ Христосъ представленъ въ положеніи священника, раздающаго у престола Св. Дары. Соотвѣтственно причащенію подъ двумя видами, Христосъ является на этой фрескѣ дважды, такъ что и самое изображеніе раздѣляется на двѣ симметрическія части: правую и лѣвую. На

той и другой Христосъ представленъ въ античномъ одѣяніи, стоящимъ позади престола, имѣя за собою ангела въ діаконскомъ облаченіи и съ рипидою въ рукахъ; съ правой стороны отъ зрителя Христосъ держитъ сосудъ, въ родѣ нашего кувшина съ узкимъ горломъ. Къ Спасителю подходятъ шесть апостоловъ, одинъ за другимъ, при чемъ ближайшій наклоняется для употребленія изъ сосуда. Съ лѣвой стороны та же сцена, только Христосъ подаетъ апостоламъ не чашу, а хлѣбъ. Въ такомъ же видѣ изображается этотъ сюжетъ и въ другихъ церквахъ на Кавказѣ, въ Акталѣ и Гремѣ. Отъ церквей кавказскихъ авторъ переходитъ къ кіевскимъ и останавливается прежде всего на мозаичномъ изображеніи Тайной вечери въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, а потомъ упоминаетъ о подобной же мозаикѣ Михайловскаго монастыря и фрескѣ Никольской Гостиннопольской церкви въ Новгородѣ. Дополняя свѣдѣнія, сообщаемыя Доббертомъ, референтъ обратилъ вниманіе на отношеніе кавказскихъ фресокъ къ кіевскимъ мозаикамъ и сравнивъ ихъ между собою, указалъ въ некрезскомъ изображеніи признаки большей древности, чѣмъ въ изображеніяхъ кіевскихъ. Въ послѣднихъ этотъ сюжетъ представляется полнѣе, картиннѣе и съ деталями, соотвѣтствующими болѣе развитому церковному ритуалу. Такъ въ софійской мозаикѣ мы видимъ престолъ типичной формы, съ сѣнію или киворіемъ, на престолѣ крестъ, звѣздицу, потиръ; на некрезской фрескѣ вмѣсто престола невысокая преграда, за которою стоитъ Христосъ. При одинаковости античнаго костюма, въ кіево-софійской мозаикѣ у Спасителя нимбъ крестчатый съ буквами: ο ων, чего опять нѣтъ на фрескѣ въ Некрези. На софійской мозаикѣ Христосъ подаетъ апостоламъ чашу въ формѣ нашихъ потировъ; въ некрезской онъ пріобщаетъ изъ сосуда съ ручкою, въ родѣ нашего кувшина, или прохуса древнихъ. Этотъ мистически-религіозный типъ Тайной вечери удержался и въ позднѣйшемъ византійскомъ искуствѣ. Онъ нашелъ себѣ санкцію въ иконографическомъ руководствѣ Діонисія и перешелъ затѣмъ въ наши подлинники со всѣми характеристическими деталями. Въ новѣйшей живописи типъ этотъ встрѣчается сравнительно рѣдко и уступаетъ изображенію историческому.

7. Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ сдѣлалъ сообщеніе о равеннскихъ мозаикахъ съ изображеніемъ Богородицы, извѣстнымъ подъ именемъ «Стѣна Нерушимая», и объ отношеніи ихъ къ такимъ же мозаическимъ изображеніямъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Равенна, теперь бѣдный и опустѣвшій городъ, содержитъ болѣе древнихъ мозаикъ, чѣмъ самый Римъ. Всѣ эти мозаики служатъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для объясненія постепеннаго развитія иконописанія греческаго. Многими мозаиками могутъ даже объясняться и наши русскіе иконографическіе памятники. Такимъ образомъ въ домовой церкви, выстроенной архіепископомъ равеннскимъ Петромъ Хризологомъ, хранятся теперь мозаики, выбранныя изъ соборной церкви, при перестройкѣ ея въ прошломъ столѣтіи. Первоначальная соборная церковь была выстроена въ IV вѣкѣ, еще по образцу языческихъ базиликъ, равеннскимъ епископомъ Урсо, и отъ того извѣстна была подъ названіемъ: basilica ursiana. Писатели равеннскіе, какъ Спре-

ти, Фабри и другіе, видѣвшіе соборную церковь до ея перестройки, подробно описываютъ всѣ мозаики и даже сообщаютъ намъ, какія на нихъ были надписи. Изъ всѣхъ этихъ мозаикъ только нѣсколько отдѣльныхъ фигуръ сохраняется теперь въ домовой церкви равеннскихъ архіепископовъ; большая часть мозаикъ погибла. Фабри подробнѣе всѣхъ остальныхъ равеннскихъ писателей, указываетъ намъ—въ какомъ еще видѣ онъ засталъ соборную церковь. Вся алтарная часть ея была украшена мозаиками, сдѣланными при архіепископѣ Іеронимѣ въ 1112 году, какъ это подтверждалось двоестишіемъ, написаннымъ крупными буквами на стѣнѣ запрестольной части, надъ горнимъ мѣстомъ: Hoc opus est factum, post partum Virginis actum,
Anno milleno centeno post duadeno.

Надъ этою надписью, составлявшею какъ бы кайму алтарныхъ мозаикъ, изображены были: Воскресеніе, мученіе Св. Аполлинарія и лики разныхъ святыхъ. Тутъ находилось также изображеніе Богородицы, сохраненное теперь въ домовой церкви архіепископовъ, съ котораго гр. А. С. Уваровъ показалъ фотографію. Богородица представлена впрямь и въ ростъ, съ приподнятыми молебно руками, какъ на иконахъ Знаменія. Первообразъ этой иконы находится въ римскихъ пещерахъ и доселѣ сохранился на памятникахъ II вѣка, какъ то: на саркофагахъ, надписяхъ, фрескахъ, стеклянныхъ сосудахъ для причастія и др. Но мозаичное изображеніе въ базиликѣ равеннской для насъ въ особенности любопытно, какъ совершенно тожественное съ извѣстнымъ изображеніемъ Богородицы, называемымъ: «Нерушимая Стѣна», въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Не только положеніе Богородицы почти одинаково на обѣихъ мозаикахъ, но даже цвѣта одежды и расположеніе складокъ одни и тѣ же. Однимъ словомъ, равеннская мозаика относится къ кіево-софійской какъ оригиналъ къ копіи. Отступленія, сдѣланныя въ кіево-софійскомъ изображеніи, какъ то: болѣе прямое положеніе рукъ, величина и складки бѣлаго платка за поясомъ и форма звѣздъ, могли легко произойти при увеличеніи оригинала по размѣру свода кіевскаго храма.

Если теперь обратимъ вниманіе на свѣдѣнія, имѣющіяся о времени исполненія кіево-софійскихъ мозаикъ, то увидимъ, что лѣтопись упоминаетъ только о построеніи храма въ 1037 году; въ прологахъ показано, что онъ освященъ митрополитомъ Ѳеопемптомъ 4 ноября того же года, а пресвитеръ, въ послѣдствіи митрополитъ, Иларіонъ въ словѣ о законѣ и благодати, сказанномъ въ 1051 г., прежде 10 февраля (ср. И. И. Срезневскаго: Древн. памятники рус. письма), говоритъ, что соборъ былъ украшенъ «златомъ, серебромъ и каменіемъ драгимъ и сосуды честными, былъ дивенъ и славенъ всѣмъ окружнымъ странамъ», но не упоминаетъ о существованіи мозаичныхъ изображеній. На этомъ основаніи гр. А. С. Уваровъ предполагаетъ, что «Нерушимая Стѣна», а можетъ быть и всѣ остальныя мозаики Софійскаго собора сдѣланы были въ XII вѣкѣ, послѣ 1112 года. При точномъ разсмотрѣніи формы буквъ на греческихъ надписяхъ въ томъ же соборѣ, найдутся, можетъ быть, палеографическія доказательства, подтверждающія это предположеніе.

8. Секретарь прочиталъ Отчетъ о составѣ и дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества съ 17 февраля 1872 г. по 20 февраля 1873 г.

9. Въ заключеніе приступлено было къ выборамъ должностныхъ лицъ Общества. Избраны:

Предсѣдателемъ:

Графъ А. С. Уваровъ.

Товарищемъ Предсѣдателя:

К. К. Герцъ.

Секретаремъ:

В. Е. Румянцовъ.

Товарищемъ Секретаря:

И. Д. Мансветовъ.

Казначеемъ:

А. И. Хлудовъ.

Товарищемъ Казначея:

Н. П. Розановъ.

Библіотекаремъ и хранителемъ музея:

Баронъ Д. Ѳ. Шеппингъ.

Членами редакціоннаго комитета:

Архимандритъ Амфилохій, П. И. Мельниковъ и Н. А. Поповъ.

Членами ревизіонной коммиссіи по денежной отчетности:

П. И. Мельниковъ, А. Н. Поповъ и Н. П. Розановъ.

№ 81. 1873 года, марта 27 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, К. К. Гёрца, Л. В. Даля, Д. И. Иловайскаго, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, Н. А. Попова, Н. П. Розонова, И. И. Смоляра и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами и рисунками:

а) Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: Журналъ, февраль 1873 г.

б) — Императорскаго Казанскаго Университета: Извѣстія и ученыя записки, январь и февраль 1873 г.

в) — дѣйств. члена П. И. Мельникова: Воспоминанія о Владимірѣ Ивановичѣ Далѣ.

г) — С. М. Крыжановскаго: 13 брошюръ и книгъ на польскомъ языкѣ.

д) — дѣйств. члена В. Г. Тизенгаузена: Монеты восточнаго калифата.

рисунками:

е)*— члена корреспондента И. А. Голышева: 2 оттиска съ двусторонней старинной печатной доски, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Антонія, Кіево-печерскаго Чудотворца, на другой—рамки съ бордюромъ, служившей для украшеній.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую признательность Общества.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ члена корреспондента священника Н. Г. Богословскаго рукопись подъ заглавіемъ: Указатель археологическихъ и историческихъ статей о Новгородѣ за 1859—1863 годы.

б) — профессора Н. Я. Аристова изъ Варшавы письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что древняя урна, найденная въ Кельценскомъ уѣздѣ, отыскана имъ у одного архитектора въ Варшавѣ. Въ непродолжительномъ времени г. Аристовъ надѣется выслать снимокъ съ этой урны и доставить ея описаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ, что по представленію его и профессора Павинскаго, Совѣтъ Варшавскаго Университета ходатайствовалъ предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ открытіи каѳедры Славяно-русской археологіи въ Варшавскомъ Университетѣ. При этомъ письмѣ г. Аристовъ приложилъ нѣсколько словъ для Археологическаго Словаря, *) съ обѣщаніемъ прислать въ непродолжительномъ времени еще такіе же матеріалы.

Опредѣлили: присланныя статьи передать въ редакціонный комитетъ, а приславшимъ изъявить благодарность Общества.

в) — дѣйств. члена Аусмверта изъ Бонна письмо съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ дѣйствительные члены Общества.

г) — Члена корреспондента Н. А. Мартынова увѣдомленіе, что составленные имъ рисунки съ древнихъ памятниковъ онъ признаетъ интересными всѣ въ равной степени, а потому и полагаетъ послать ихъ всѣ безъ исключенія на Вѣнскую всемірную выставку, какъ это было сдѣлано уже на Парижской всемірной выставкѣ.

Опредѣлили: по большому количеству рисунковъ, требующему весьма значительнаго помѣщенія, Общество не признаетъ удобнымъ послать ихъ на Вѣнскую всемірную выставку, что̀ представляется притомъ и излишнимъ, такъ какъ эти рисунки были уже посылаемы на подобную же Парижскую выставку.

4. Дѣйств. членъ К. К. Гѐрцъ сообщилъ, что во время пребыванія своего въ Римѣ, въ прошедшемъ году, онъ, изучая миніатюры въ рукописяхъ Ватиканской библіотеки, посвятилъ особенное вниманіе миніатюрамъ извѣстной византійской рукописи—Менологія императора Василія, изданнымъ кардиналомъ Альбани. Извѣстно, какъ рѣдко встрѣчаются въ исторіи византійскаго искусства имена художниковъ: онѣ почти въ ней отсутствуютъ.

*) Зегарь, Подголовокъ или Подголовошникъ, Синолой или Силолой.

Поэтому тѣмъ болѣе онъ былъ удивленъ, найдя подлѣ каждой миніатюры, на полѣ, приписку, очевидно современную, въ которой обозначено имя художника, ее исполнившаго. Такихъ именъ онъ нашелъ 7 или 8. Нѣкоторые изъ этихъ художниковъ носятъ прозвище Влахернскихъ, что указываетъ на ту мѣстность, въ которой они жили въ Константинополѣ. Всѣ они, вѣроятно, составляли группу художниковъ-миніатюристовъ, работавшихъ исключительно для царской фамиліи, и по преимуществу—украшавшихъ рукописи. Всѣ миніатюры исполнены въ одномъ стилѣ и духѣ. Желая отыскать индивидуальныя черты, отличающія стиль каждаго художника, референтъ не былъ въ состояніи придти ни къ какому положительному заключенію: индивидуальнаго стиля ни одинъ изъ художниковъ этой группы не имѣлъ. Такимъ образомъ, исторія византійскаго искусства, если и обогащается рядомъ именъ художниковъ извѣстной эпохи, то это обогащеніе не даетъ намъ, однако же, новыхъ матеріаловъ для подробной характеристики отдѣльныхъ личностей, создавшихъ миніатюры Менологія.

Графъ А. С. Уваровъ замѣтилъ, что нельзя согласиться съ К. К. Гёрцомъ въ мнѣніи, будто однообразіе въ живописи Менологіума происходитъ отъ взаимнаго подражанія греч. художниковъ одному и тому же типу и пошибу. Однообразіе пошиба въ Менологіи объясняется тѣмъ, что поручая миніатюры одной рукописи разнымъ художникамъ, естественно брали ихъ изъ одной школы и подбирали такихъ, коихъ манера не представляла слишкомъ большаго между собою различія. Поэтому всѣ восемь художниковъ Менологіума: Панталеонъ, Мина, Георгій, Несторъ, Михаилъ Микропъ, Симеонъ, Михаилъ Влахернитъ и Симеонъ Влахернитъ навѣрно принадлежали одной школѣ, можетъ быть Влахернской, и даже, вѣроятно, всѣ были учениками одного и того же учителя.

Затѣмъ дѣйств. членъ К. К. Гёрцъ обратилъ вниманіе Общества на вновь вышедшій Каталогъ рѣзныхъ произведеній изъ слоновой кости, хранящихся въ Кенсингтонскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Эта прекрасная книга издана съ фотографическими снимками съ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ этого собранія, и, кромѣ подробнаго описательнаго каталога, содержитъ историческое введеніе, написанное г. Маскелемъ. Въ немъ авторъ разсказываетъ исторію рѣзьбы изъ слоновой кости съ доисторическихъ временъ до новѣйшей эпохи. Особенно интересны его сообщенія о скульптурахъ изъ этаго матеріала, дошедшихъ до насъ отъ древнихъ Египтянъ, Ассиріянъ и Римлянъ. Авторъ подробно разсматриваетъ диптихи, какъ языческіе, такъ и христіанскіе, ихъ употребленіе и назначеніе и разныя измѣненія, постигшія главные памятники этото рода. Въ описаніи византійскихъ памятниковъ встрѣчаются нѣкоторыя неточности, на которыя референтъ и указалъ присутствующимъ; такъ, напримѣръ, срединный медальонъ одного книжнаго оклада изображаетъ Іоанна Крестителя, что и обозначено надписью: ἅγιος πρόδρομος. Черты лица передаютъ типъ, созданный для этого лица византійскимъ искусствомъ; но авторъ Каталога ошибочно принялъ это изображеніе за Спасителя, не потрудившись даже прочесть находящейся при немъ надписи.

5. Т. В. Кибальчичъ представилъ на разсмотрѣніе Общества древнія греческія монеты, обломки этрусскихъ вазъ и разныя металлическія вещицы античной работы (нѣкоторыя съ лицевыми изображеніями), пріобрѣтенныя или найденныя имъ большею частію въ Крыму и Херсонесѣ. Слѣпки съ монетъ, рисунки съ вещицъ и нѣкоторыя изъ нихъ въ подлинникѣ онъ принесъ въ даръ Обществу.

6. Графъ А. С. Уваровъ и В. Е. Румянцовъ предложили въ дѣйствительные члены по § 7: Николая Яковлевича Аристова и Станислава Михайловича Крыжановскаго, въ члены корреспонденты: Ивана Яковлевича Спрогиса.

Постановлено: баллотировать въ будущемъ засѣданіи.

№ 82. 1873 года, апрѣля 20 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, П. И. Бартенева, К. К. Герца, Л. В. Даля, В. А. Дашкова, А. А. Мартынова, А. Н. Попова, Н. П. Розонова, А. И. Хлудова и секретаря Общества В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами.

а) Отъ Импер. Харьковскаго Университета: Протоколы засѣданій Совѣта, №№ 4 и 5, 1872 г.

б) — Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Краткій указатель Музея, 1873 г.; Отчетъ Общества съ 14 ноября 1871 г. по 14 ноября 1872 г.

в) — Императорскаго Новороссійскаго Университета: Записки Университета, т. IX, 1873 г.

г) — Кіевской Духовной Академіи: Труды, мартъ 1873 г.

д) — Министерства Народнаго Просвѣщенія: Журналъ, мартъ 1873 г.

е) — Псковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколъ 2-го засѣданія Археологической Коммиссіи, состоящей при Комитетѣ, 18 октября 1872 г.

ж) — А. Н. Попова: Завѣщаніе отеческое къ сыну, соч. Ив. Посошкова. М. 1873 г.

з) — К. К. Герца: Письма изъ Италіи и Сициліи, 1871—1872 г.

и) — Д. Я. Самоквасова. Древніе города Россіи (историко-юридическое изслѣдованіе его), 1873 г.

і) — графа А. С. Уварова: Fraehnii, De Chasaris. Petrop. 1822.

к) — барона Бюлеръ: 80 листовъ со снимками съ древнихъ печатей, принадлежавшихъ великимъ князьямъ московскимъ и разнымъ другимъ лицамъ, 22 листа со снимками съ перстней того же времени и 5 листовъ со снимками съ золотыхъ буллъ царей Іоанна Грознаго и Бориса Годунова.

л) — дѣйств. чл. А. А. Мартынова:

а. Историческое описаніе московскаго Знаменскаго монастыря, что̀ на старомъ Государевомъ дворѣ. М. 1866 г.

b. Памятныя книжки 1839, 1841, 1842, 1849, 1855, 1856, 1859—1865 годовъ.

c. Первое изданіе матеріаловъ Редакціонной коммиссіи для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, части: IV 1859 г., V и VI 1860 г.

d. Второе изданіе. Тома I, кн. 1 и 2; т. II, кн. I и 2; т. III кн. 1 и 2, 1860 г.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Изъ Московской Духовной Консисторіи извѣщеніе, что покойный профессоръ К. И. Невоструевъ завѣщалъ свое собраніе монетъ и другихъ древностей въ древлехранилище Археологическаго Общества.

Опредѣлили: препоручить секретарю Общества В. Е. Румянцову принять завѣщанные предметы, о чемъ и увѣдомить намѣстника Чудова монастыря архимандрита Веніамина, подъ наблюденіемъ котораго хранится оставшееся имущество покойнаго К. И. Невоструева.

б) Отъ попечителя Московскаго учебнаго округа увѣдомленіе о сдѣланномъ имъ распоряженіи относительно выдачи изъ Губернскаго Казначейства Московскому Археологическому Обществу 3000 руб., ассигнованныхъ на нынѣшній годъ по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ присланъ и талонъ на полученіе означенной суммы.

Опредѣлено: препоручить казначею Общества А. И. Хлудову принять изъ Губернскаго Казначейства по присланному талону 3000 руб. и положить въ банкъ на текущій счетъ.

в) Отъ г. министра народнаго просвѣщенія письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что профессоръ Бреславльскаго Университета докт. Каро и главный библіотекарь Dsiamsko обратились въ Министерство Государственныхъ Имуществъ съ ходатайствомъ о пополненіи библіотеки Университета учеными изданіями, выходящими въ Россіи, и въ слѣдствіе этаго проситъ Археологическое Общество: не признаетъ ли оно возможнымъ выслать въ Бреславльскій Университетъ свои изданія.

Опредѣлили: выслать въ библіотеку Бреславльскаго Университета всѣ изданія Общества и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Университетъ о высылкѣ своихъ изданій въ Общество.

г) Отъ Т. В. Кибальчича сообщеніе объ осмотрѣнныхъ имъ курганахъ и каменномъ крестѣ, находящихся близь города Борзны, Черниговской губерніи, въ селѣ Николаевкѣ. Курганы, по его мнѣнію, относятся ко времени появленія Татаръ, а крестъ къ древнѣйшему времени. По сказанію тамошнихъ жителей этотъ крестъ вышелъ изъ земли, куда вѣроятно онъ былъ зарытъ во избѣжаніе татарскаго поруганія. Вблизи кургановъ въ послѣднее время находили много кладовъ, состоящихъ изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, какъ кажется, удѣльнаго періода. При этомъ сообщеніи приложенъ рисунокъ креста и планъ мѣстности.

д) Отъ А. В. Черникова-Анучина отвѣтъ на отношеніе Общества отъ 10 марта, въ которомъ увѣдомляетъ, что онъ имѣетъ въ виду произвесть раскопку кургановъ при самомъ г. Уфѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Уфим-

скаго уѣзда. Цѣль предпринимаемыхъ имъ изслѣдованій—опредѣлить чрезъ находки въ курганахъ ихъ принадлежность времени и народу. При раскопкахъ онъ не оставитъ сдѣлать подробное описаніе самыхъ мѣстностей, руководствуясь при этомъ изданными прежде археологическими изслѣдованіями. Всѣ найденныя вещи или точные съ нихъ снимки будутъ представлены имъ въ Археологическое Общество вмѣстѣ съ описаніями и археологическими картами.

По выслушаніи этаго заявленія, опредѣлили: препоручить г. Черникову-Анучину производство археологическихъ раскопокъ въ Уфимской губерніи, для чего выслать ему свидѣтельство отъ Общества и вмѣстѣ съ тѣмъ отнестись къ г. начальнику губерніи съ просьбою объ оказаніи г. Черникову-Анучину содѣйствія, для безпрепятственнаго исполненія возложеннаго на него Обществомъ порученія.

4. Въ Общество доставлены слѣдующія статьи:

а) Отъ дѣйствительнаго члена архимандрита Амфилохія: продолженіе описанія снимковъ съ миніатюръ греческаго осмокнижія изъ собранія Севастьянова.

б) Отъ члена корреспондента И. А. Голышева: Иконописцы XVIII столѣтія въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда.

Опредѣлено: передать представленныя статьи въ редакціонный комитетъ.

5) Д. Я. Самоквасовъ прочелъ рефератъ о произведенныхъ имъ прошлымъ лѣтомъ, по порученію Общества, раскопкахъ въ Курской и Черниговской губерніяхъ. Изслѣдованія городковъ и городищъ, сдѣланныя рефентомъ въ разныхъ мѣстностяхъ, ихъ устройство и вещи, въ нихъ найденныя, привели его къ убѣжденію, что городища не были исключительно мѣстами языческаго богослуженія Славянъ, какъ полагалъ Ходаковскій, но составляли укрѣпленные пункты, устроенные первыми поселенцами Руси для защиты отъ непріятельскихъ нападеній. При многихъ городищахъ референтъ встрѣтилъ болѣе или менѣе значительныя группы могильныхъ кургановъ и успѣлъ обслѣдовать 4 такихъ мѣстности, раскопавъ въ нихъ 152 насыпи, а именно: 1, Курской губерніи въ Суджанскомъ уѣздѣ, близъ Николаевской Бѣлогорской пустыни; 2, Черниговской губерніи въ Глуховскомъ уѣздѣ, у села Волокитина; 3, Въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, въ Рыковской волости, на берегахъ рѣкъ Десны и Малатечи; и 4, подъ самымъ Черниговомъ, у Троицкаго монастыря. Описывая свои изслѣдованія въ этихъ мѣстахъ, референтъ объясняетъ употребленный имъ способъ раскопки большихъ и малыхъ кургановъ, положеніе подъ ними костяковъ и перечисляетъ вещи, найденныя въ могилахъ и большею частію составляющія принадлежности одежды, конской сбруи и домашняго быта. Вещи эти были имъ представлены на разсмотрѣніе Общества во время засѣданія. Особенно любопытны находки, сдѣланныя подъ Черниговомъ въ большихъ курганахъ, служившихъ, по мнѣнію г. Самоквасова, могилами черниговскихъ властителей языческой эпохи. Здѣсь между прочимъ отрыты: шлемъ, два меча, кольчуга, большое число золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ пуговицъ, бляхъ, обломки костяныхъ гребней и разныхъ другихъ вещицъ; нѣкоторыя

изъ нихъ покрыты рѣзными украшеніями тонкой работы и разнообразныхъ рисунковъ. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ найденъ, подъ жжеными костями, чугунный сосудъ съ обгорѣлымъ бараньимъ черепомъ и скорлупою яйца, вѣроятно,—остатками жертвы, принесенной идолу при сожженіи. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей отдѣлены г. Самоквасовымъ для приложенія въ древлехранилище Общества.

По выслушаніи этаго доклада, опредѣлили: прочитанную г. Самоквасовымъ статью передать въ редакціонный комитетъ.

6. Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ Обществу свѣдѣнія о нѣкоторыхъ памятникахъ Тверскаго княжества, съ которыхъ были доставлены фотографіи А. К. Жизневскимъ. Въ особенности обратили на себя вниманіе членовъ: подпись XIV вѣка, надгробныя плиты съ крестомъ въ видѣ буквы Т и нѣсколько иконъ, важныхъ для исторіи русской иконографіи. Подробное изслѣдованіе объ этихъ памятникахъ будетъ напечатано въ IV томѣ Древностей.

7) Предложены графомъ А. С. Уваровымъ, В. Е. Румянцовымъ, архимандритомъ Амфилохіемъ и К. К. Герцомъ къ баллотировкѣ:

а) въ дѣйствительные члены по § 7:

Августъ Казимировичъ Жизневскій.

б) въ члены корреспонденты:

Турвонтъ Венедиктовичъ Кибальчичъ.

Димитрій Яковлевичъ Самоквасовъ.

Опредѣлено: баллотировать всѣхъ этихъ лицъ въ слѣдующемъ засѣданіи.

Затѣмъ открыто было экстраординарное засѣданіе, въ коемъ избраны:

а) въ дѣйствительные члены:

Станиславъ Михайловичъ Крыжановскій.

Николай Яковлевичъ Аристовъ.

б) въ члены корреспонденты:

Иванъ Яковлевичъ Спрогисъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ОТЧЕТЪ

О СОСТАВѢ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

съ 14 марта 1872 года по 6 марта 1873 года,

читанный въ годовомъ засѣданіи

6 марта 1873 года

Секретаремъ Общества В. Е. Румянцовымъ.

I

Высочайшія милости Государя Императора Московскому Археологическому Обществу.

Въ минувшемъ 1872 году Московское Археологическое Общество было осчастливлено особыми милостями Государя Императора, которыми оно обязано Высокому своему Покровителю Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, Великому Князю Александру Александровичу.

Высочайше утвержденнымъ въ 5 день апрѣля 1872 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено отпустить въ 1872 году Московскому Архе-

ологическому Обществу пособие въ количествѣ 3000 руб. и на будущее съ 1872 года время вносить расходъ сей, въ теченiи 4-хъ лѣтъ, въ смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенiя.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить: составленные художникомъ Мартыновымъ альбомы русскихъ древностей передать въ Московское Археологическое Общество, какъ для храненiя сихъ альбомовъ, такъ и для изданiя заключающихся въ нихъ рисунковъ.

Государь Императоръ въ 14 день февраля 1872 года Всемилостивѣйше соизволилъ благосклонно принять поднесенные Его Императорскому Величеству: серебряную медаль, вычеканенную въ память перваго Русскаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ въ 1869 году, и экземпляръ «Трудовъ» сего Съѣзда.

II

Личный составъ и должностныя лица Общества.

Московское Археологическое Общество, находящееся съ 15 Августа 1865 года подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Александра Александровича, состоитъ изъ 1 Почетнаго Члена, 12 Членовъ-основателей, 146 Дѣйствительныхъ членовъ и 42 Членовъ-корреспондентовъ. Должностныя лица Общества въ истекшемъ году:

Предсѣдатель:

Графъ А. С. Уваровъ.

Товарищъ Предсѣдателя:

К. К. Герцъ.

Секретарь:

В. Е. Румянцовъ.

Товарищъ Секретаря:

Н. Д. Бѣляевъ.

Библiотекарь и хранитель музея:

Баронъ Д. О. Шеппингъ.

Казначей:

А. Н. Хлудовъ.

Члены редакцiоннаго комитета:

Архимандритъ Амфилохiй, П. И. Мельниковъ и Н. А. Поповъ.

III

Засѣданія Общества и общій характеръ его дѣятельности.

Общество имѣло одно годовое собраніе и семь обыкновенныхъ. Обыкновенныя засѣданія часто посѣщаемы были и посторонними любителями археологіи, которые по временамъ представляли принадлежащія имъ древности на разсмотрѣніе Общества. Въ прошедшемъ году дѣятельность Общества, какъ и прежде, была посвящена почти исключительно отечественной археологіи, приведенію въ извѣстность и научному разъясненію памятниковъ минувшей жизни, находящихся внутри и на поверхности нашей земли, которая, по справедливому замѣчанію покойнаго И. П. Сахарова, должна считаться классическою землею древностей. Члены, бывшіе въ истекшемъ году за границей (гр. А. С. Уваровъ, К. К. Гёрцъ и бар. Д. О. Шеппингъ), обозрѣвали также археологическіе памятники въ разныхъ мѣстахъ западной Европы, о которыхъ и представили потомъ рефераты Обществу; но и тамъ вниманіе русскихъ ученыхъ останавливалось по преимуществу на такихъ памятникахъ, которые находятся въ тѣсной связи съ нашими отечественными древностями и могутъ способствовать къ ихъ разъясненію и уразумѣнію.

IV

Изданія Общества.

Въ прошедшемъ году предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ, принявшій на себя редакцію «Трудовъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ», занимался приготовленіемъ къ печати дополнительныхъ статей къ этому изданію. Статьи эти въ настоящее время выпущены въ свѣтъ, вмѣстѣ съ общимъ алфавитнымъ Указателемъ къ Трудамъ съѣзда, составленнымъ дѣйствительнымъ членомъ И. Д. Мансветовымъ. Редакціонныя работы по изданію слѣдующаго 3 выпуска III т. «Древностей», пріостановленныя на время по случаю изданія «Трудовъ съѣзда», предприняты были снова. Теперь этотъ выпускъ также оканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Онъ будетъ заключать въ себѣ: I. Изслѣдованія: а) гр. А. С. Уварова «О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей», и б) Д. И. Иловайскаго «Вопросъ о народности древнихъ Даковъ»; II. Протоколы засѣданій Общества, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ ученыхъ сообщеній, изустно и письменно ему сдѣланныхъ; III. Матеріалы для Археологическаго словаря, составляющаго въ настоящее время самую насущную потребность для всѣхъ занимающихся русскою археологіей. Въ составленіи этихъ матеріаловъ принимали участіе, кромѣ членовъ Общества, и посторонніе ученые. Сверхъ того, для удобнѣйшаго распространенія археологическихъ свѣдѣній въ массѣ русскихъ читателей, Общество признало полезнымъ

печатать, съ начала нынѣшняго года, подробные отчеты о своихъ засѣданіяхъ въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ московскихъ газетъ. Редакція «Современныхъ Извѣстій» сочувственно предложила столбцы этой газеты для помѣщенія всѣхъ сообщеній, какія будутъ доставляемы Обществомъ.

V

Археологическій синодикъ.

Мы такъ мало дорожимъ своимъ прошедшимъ, что походимъ на народъ, начавшій жить только съ прошлаго столѣтія. Эти слова, высказанныя въ рѣчи председателя еще въ 1865 году, не теряютъ и до сихъ поръ своей прискорбной правды. Темное невѣдѣніе, соединенное съ неуваженіемъ къ памяти предковъ, не перестаетъ и теперь, то здѣсь, то тамъ, уничтожать или искажать невѣжественными передѣлками памятники прошедшаго, вырывая такимъ образомъ страницу за страницею изъ монументальной исторіи отечества. Въ убѣжденіи, что печатное оглашеніе подобныхъ случаевъ послужитъ мѣрою противъ повторенія ихъ въ будущемъ, Общество постановило открыть въ своихъ изданіяхъ особый отдѣлъ подъ названіемъ: «Археологическій синодикъ», въ который будутъ записываться всѣ погубленные остатки нашей древности.

Страницы этого синодика, къ сожалѣнію, не остались бѣлыми и въ прошедшемъ году. На нихъ привелось записать, вопервыхъ, уничтоженный серебряный окладъ, находившійся на исторической иконѣ, которою Іоаннъ III благословилъ дочь свою Елену, при выдачѣ ея въ замужство за вел. кн. литовскаго Александра. Этотъ окладъ, какъ доведено до свѣдѣнія Общества, перелитъ по распоряженію (будто бы) епископа Іосифа, викарія литовскаго. Въ тотъ же археологическій синодикъ занесенъ и сломанный домъ XVII вѣка, находившійся при Николо-Берсеневской церкви въ Москвѣ, рядомъ съ домомъ Археологическаго Общества. Теперь на его мѣстѣ стоитъ новое каменное строеніе скудной архитектуры. Между тѣмъ, древній домъ, еще крѣпкій и сохранявшій вполнѣ характеръ XVII вѣка, заслуживалъ не разрушенія, а поддержки, какъ одинъ изъ весьма немногихъ уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ образчиковъ гражданскаго зодчества допетровской эпохи. Нельзя при этомъ умолчать, что частная спекуляція домогалась сломать, для меркантильныхъ цѣлей, даже одинъ изъ самыхъ капитальныхъ памятниковъ нашей древней столицы. Мы говоримъ о типичныхъ стѣнахъ и башняхъ московскаго Китая-города, которыя такъ дороги народу по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ и по находящимся при нихъ святынямъ. Построенныя въ началѣ XVI вѣка, эти стѣны, вмѣстѣ съ кремлевскими, окружаютъ пространство, на которомъ совершились достопамятнѣйшія событія нашей исторіи, гдѣ долго сосредоточивалась русская жизнь и откуда распространилась русская слава. Въ 1612 году эти стѣны и башни облиты

были кровью русскихъ людей, спасавшихъ гибнущее отечество. Въ русскихъ пѣсняхъ звучитъ и теперь славное имя московскаго Китай-города. Вѣсть о покушеніи противъ этого памятника, разнесенная печатью, встрѣчена была большинствомъ русскихъ людей съ такимъ прискорбіемъ и негодованіемъ, что наконецъ и сами предприниматели отступились, какъ кажется, навсегда отъ этого по-истинѣ вандальскаго проэкта.

VI

Возобновленіе залы засѣданій въ домѣ Московскаго Археологическаго Общества.

Древній домъ на Берсеневкѣ, Всемилостивѣйше пожалованный Обществу въ 1869 году, принадлежитъ къ числу историческихъ и архитектурныхъ примѣчательностей Москвы. Какимъ-то случаемъ уцѣлѣлъ онъ при общей ломкѣ древнихъ зданій, неутомимо производившейся въ Москвѣ въ прошедшемъ и началѣ нынѣшняго столѣтія. Домъ этотъ, какъ полагаетъ Н. В. Калачевъ (Археологическій Вѣстникъ, 267), существовалъ еще въ началѣ XVI вѣка. Самое названіе мѣстности, по его мнѣнію, подаетъ поводъ относить къ этому зданію встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ упоминанія о домѣ извѣстнаго боярина Берсеня-Беклемишева, казненнаго въ 1625 г. на Москвѣ-рѣкѣ. При Грозномъ Берсеневскій домъ, по преданію, на которое указываетъ Н. В. Калачевъ, принадлежалъ Малютѣ-Скуратову, тестю царя Бориса Годунова, а затѣмъ перешелъ къ фамиліи Годуновыхъ и потомъ Стрѣшневыхъ. Съ половины XVII вѣ[illegible] встрѣчаемъ уже документальныя извѣстія объ этомъ самомъ домѣ: по Строильнымъ книгамъ 1657 года владѣльцемъ его является завѣдывавшій царскими садами, въ послѣдствіи думный дьякъ, Аверкій Степановичъ Кириловъ (рефераты Н. П. Розонова и В. Е. Румянцова). Этотъ домовладѣлецъ погибъ во время стрѣлецкихъ смутъ, 16 мая 1682 г., какъ сторонникъ Нарышкиныхъ (Ак. Ар. Эксп. IV, № 255), и похороненъ въ приходской Николо-Берсеневской церкви, имъ же вѣроятно выстроенной на мѣстѣ прежней деревянной, на что указываетъ и самая архитектура этой церкви, сходная съ домомъ Кирилова. Въ прошедшемъ столѣтіи это зданіе перешло въ казенное вѣдомство и въ послѣднее время было занимаемо сенатскими курьерами.

Въ 1869 г. Археологическое Общество, принявъ во владѣніе древній домъ, приступило къ его возобновленію. Когда при этомъ были отдѣлены позднѣйшія пристройки, первоначальная архитектура комнатъ обнаружилась вполнѣ. Особенно замѣчательна здѣсь большая палата, пристроенная въ 1657 году А. С. Кириловымъ и въ настоящее время служащая залою засѣданій Общества. Въ ней на срединѣ свода, въ кругу, высѣченъ обронно осмиконечный крестъ, а вокругъ его слѣдующая надпись вязью: напісан сеі стыи живорщиі кртъ влѣта ҂зрзе го гда тогоже лѣта и полага сия постравлена. Въ прошедшемъ году казначей Общества А. И. Хлудовъ

предложилъ украсить на свой счетъ эту палату живописью, во вкусѣ допетровскаго времени. Расписаніе палаты было произведено подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. предсѣдателя, при чемъ, кромѣ письменныхъ документовъ, принята была въ руководство стѣнопись XVII вѣка, недавно открытая въ древнихъ зданіяхъ, находящихся при домѣ Московской Синодальной типографіи. По образцу типографскихъ палатъ, зала засѣданій украшена по стѣнамъ узорами, состоящими изъ личинъ и вѣтвей съ листьями и цвѣтами, а на потолкѣ, представляющемъ голубой небесный сводъ, изображены, по обычаю того времени, солнце, мѣсяцъ, звѣзды и зодій (12 знаковъ зодіака). Рѣзная дубовая мебель для этой залы устроена была г. предсѣдателемъ еще прежде, по рисункамъ, заимствованнымъ изъ миніатюръ русскихъ рукописей (между прочимъ изъ Синодика переславльскаго Данилова монастыря) XVII вѣка.

VII

Археологическія раскопки.

Раскопки, сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ и разными изслѣдователями, успѣли уже обогатить русскую археологію многими данными, проливающими свѣтъ на доисторическую эпоху нашей земли и бытъ нѣкоторыхъ изъ ея древнѣйшихъ насельниковъ. Въ прошедшемъ году Общество предположило постепенно обслѣдовать могильныя и другія насыпи съ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыхъ, по указаніямъ нашихъ лѣтописей, поселились собственно славянскія племена, чтобы такимъ путемъ получить понятіе о первоначальномъ бытѣ этихъ племенъ, степени ихъ культурнаго развитія и племенныхъ особенностяхъ ихъ погребальныхъ обычаевъ въ языческую эпоху. Для перваго начала оно препоручило члену-корреспонденту М. Ф. Кусцинскому произвести раскопки въ землѣ первоначальнаго поселенія Славянъ-Кривичей, около верховьевъ западной Двины, Днѣпра и Волги. Археологическія разысканія въ землѣ Сѣверянъ (въ Черниговской губерніи) принялъ на себя Д. Я. Самоквасовъ. Обоимъ этимъ лицамъ Общество выдало, изъ Высочайше пожалованной ему субсидіи, по 300 рублей на необходимыя издержки и снабдило ихъ инструкціями. Рефераты гг. Кусцинскаго и Самоквасова, нынѣ представленные Обществу вмѣстѣ съ вещами, найденными въ разрытыхъ курганахъ и городищахъ, показываютъ, что посредствомъ раскопокъ, сдѣланныхъ этими изслѣдователями, на первый же разъ получены результаты чрезвычайно важные для первоначальной исторіи славяно-русскихъ народностей, которая до сихъ поръ была покрыта непроницаемымъ мракомъ.

«Радимичи, Вятичи и Сѣверъ», говоритъ нашъ первый лѣтописецъ, съ христіанской точки зрѣнія смотрѣвшій на бытъ язычниковъ, «одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь» и проч. Упомянувъ затѣмъ объ отсутствіи у нихъ брачныхъ связей и обрядѣ сожиганія мертвецовъ, лѣтописецъ заключаетъ: «си же творятъ обычаи Кривичи». На основаніи

этихъ сказаній Шлецеръ, Карамзинъ и послѣдующіе ученые, а за ними и всѣ учебники русской исторіи изображаютъ вообще мрачными красками жизнь и обычаи Сѣверянъ, Кривичей и другихъ славянскихъ первонасельниковъ Руси. По ихъ характеристикѣ, это были племена полудикія, безъ общественныхъ союзовъ, безъ политической власти, безъ общихъ средствъ для защиты, укрывавшіяся отъ враговъ только разрозненною жизнью среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ.

Совершенно другимъ свѣтомъ освѣщаютъ передъ нами древнѣйшій бытъ этихъ племенъ археологическія раскопки и изслѣдованія, произведенныя, или точнѣе—только что начатыя, въ земляхъ первоначальнаго ихъ поселенія. По разысканіямъ г. Самоквасова, въ предѣлахъ Черниговской и Курской губерній оказалось болѣе 200 городищъ и городковъ, служившихъ у Сѣверянъ укрѣпленными мѣстами для обороны отъ внѣшнихъ враговъ, а при городищахъ—болѣе или менѣе обширныя группы могильныхъ кургановъ, составлявшія ихъ общественныя кладбища. Въ этихъ курганахъ и городищахъ открыто множество вещей, которыя даютъ возможность возстановить домашнюю обстановку, красивый нарядъ и другія принадлежности быта Сѣверянъ-язычниковъ, какъ то: серебряныя ленты, огибавшія голову, перевитые шейные обручи или гривны, серьги, ожерелья изъ глиняныхъ, стеклянныхъ и металлическихъ бусъ съ различными привѣсками, браслеты, кольца, пряжки, пуговицы, желѣзные ножи, стремена, шпоры и т. п. Подобныя вещи, хотя и не въ такомъ количествѣ, найдены также въ могильныхъ насыпяхъ Кривичей М. Ф. Кусцинскимъ, который, по обстоятельствамъ, могъ на первый разъ разрыть только 18 кургановъ и 2 городища. Особенно любопытны изслѣдованія сѣверянскихъ кургановъ подъ Черниговымъ. Здѣсь г. Самоквасову удалось, между прочимъ, отыскать и разрыть два кургана, въ которыхъ, судя по ихъ величинѣ и по вещамъ, найденнымъ въ пепелищахъ, были погребены сожженныя тѣла черниговскихъ князей языческой эпохи. Вмѣстѣ съ жжеными костями отрыты въ нихъ: желѣзный шлемъ, кольчуга, тяжелые мечи съ рѣзными узорами. Кромѣ того, въ этихъ курганахъ найдено большое количество золотыхъ, серебряныхъ и костяныхъ пуговицъ, бляхъ и другихъ принадлежностей одежды и конской сбруи, большею частью покрытыхъ красивою рѣзьбою искусной работы, остатки позумента, костяныхъ гребней и другихъ вещицъ, также съ рѣзными узорами и т. п.

Всѣ эти открытія въ нѣдрахъ земли Сѣверской, относящіяся къ ея языческой эпохѣ, говорятъ сами за себя: онѣ свидѣтельствуютъ ясно, что Сѣверяне, даже и въ эту отдаленную эпоху, вовсе не были полудикимъ племенемъ, какимъ ихъ обыкновенно до сихъ поръ представляли; напротивъ, мы видимъ въ нихъ народъ, значительно цивилизованный, знавшій общественные союзы и торговыя сношенія, путемъ которыхъ и пріобрѣтались находимые въ ихъ могилахъ предметы необходимости и роскоши,—народъ, имѣвшій общіе обычаи, князей, военныя укрѣпленія для общественной защиты,—народъ культурный.

Нынѣшнимъ лѣтомъ М. Ф. Кусцинскій будетъ продолжать начатыя имъ разысканія въ мѣстности, ему указанной, и судя по тому, что уже найдено, нѣтъ сомнѣнія, что разысканія его обогатятъ новыми важными матеріалами нашу археологію.

VIII

Содѣйствіе Общества археологическимъ предпріятіямъ.

а) На 2-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ было постановлено ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи ученаго надзора за сохраненіемъ памятниковъ древности на всемъ пространствѣ нашей земли. Въ ожиданіи этаго учрежденія Общество признало необходимымъ предварительно принять съ своей стороны мѣры къ приведенію въ извѣстность древнихъ памятниковъ, и съ этою цѣлью просило циркулярно своихъ членовъ-корреспондентовъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ, доставить свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ имъ древностяхъ. На это приглашеніе члены-корреспонденты изъ Кіева, Н. Я. Оглоблинъ и В. А. Антоновъ, первые отозвались присылкою требуемыхъ свѣдѣній. Изъ нихъ Н. Я. Оглоблинъ доставилъ въ Общество особенно замѣчательный по своему плану, полнотѣ и подробности списокъ кіевскимъ древностямъ. Вслѣдъ затѣмъ подобные же списки мѣстныхъ древностей, съ указаніемъ на самыя изданія, въ которыхъ онѣ изслѣдованы подробно, присланы изъ Пскова (отъ К. Г. Евлентьева), изъ Витебска (отъ А. М. Сементовскаго), изъ Вязниковскаго уѣзда (отъ И. А. Голышева). Такія свѣдѣнія Общество продолжаетъ получать и теперь. Назначаемыя для облегченія надзора за сохраненіемъ древностей, эти сообщенія могутъ служить съ пользою и при ученыхъ археологическихъ занятіяхъ, какъ справочный матеріалъ.

б) На томъ же 2-мъ Археологическомъ съѣздѣ предположено открыть 3-й Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ, въ августѣ 1874 года. На кіевскій съѣздъ приглашаются и славянскіе археологи. Имѣя въ виду, что древніе памятники родственныхъ намъ славянскихъ племенъ могутъ уяснить многое въ нашихъ собственныхъ древностяхъ и пополнить въ нихъ пробѣлы, Общество предприняло устроить на 3-мъ Археологическомъ съѣздѣ выставку древностей славянскихъ. Для этой цѣли оно обратилось къ извѣстнымъ славянскимъ ученымъ и собирателямъ древностей, съ приглашеніемъ ихъ принять участіе въ этомъ предпріятіи, отъ котораго несомнѣнно ожидается взаимная польза и для русской и для славянской археологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ посланъ былъ и самый проектъ выставки, которую осуществить было бы желательно. Нѣкоторые изъ славянскихъ археологовъ уже прислали свои отвѣты съ выраженіемъ сочувствія къ этой мысли и съ изъявленіемъ готовности участвовать въ предполагаемой выставкѣ. *)

*) Добрыми пожеланіями привѣтствуютъ это предпріятіе и на отдаленномъ западѣ Европы, присоединяя весьма лестные отзывы о дѣятельности и изданіяхъ Московск. Арх. Общества: «Nous ne pouvons que souhaiter d'avance bon succès aux organisateurs de l'exposition et du congrès archéologique de Kiev. Nous en avons, du reste, pour garants les magnifiques

IX

Библіотека и Музей Общества.

Въ библіотеку Общества поступило въ прошедшемъ году книгъ, брошюръ и журналовъ, считая однѣ названія, 152; фотографическихъ снимковъ и рисунковъ, кромѣ альбомовъ Мартынова,—48. Въ музей доставлено отъ члена корреспондента М. Ф. Кусцинскаго до 30 разнаго рода древнихъ вещицъ, найденныхъ имъ въ кривичанскихъ курганахъ, и принесена въ даръ отъ предсѣдателя графа А. С. Уварова модель свайныхъ построекъ, сдѣланная на основаніи разысканій профессора Келлера въ Цюрихѣ.

X

Некрологъ.

Въ минувшемъ году Общество лишилось почетнаго члена К. А. Попова и двухъ дѣйствительныхъ членовъ изъ иностранныхъ ученыхъ: Эдельстана Дюмериля и виконта де Руже, знаменитаго египтолога, котораго французскіе ученые съ правомъ называютъ славою своей родины. Особенно тяжелую утрату русская наука и наше Общество понесли съ кончиною, въ томъ же году, дѣйствительнаго члена К. И. Невоструева. Его преждевременная смерть возбудила глубокое сожалѣніе въ ученомъ мірѣ. Академія Наукъ, ученыя и литературныя общества, которыхъ онъ былъ членомъ, поспѣшили почтить его память изустнымъ и печатнымъ словомъ. Жизнь этого ученаго была явленіемъ исключительнымъ: древнимъ подвижникамъ уподобляясь, онъ оставилъ все и всецѣло отдался наукѣ, исканію истины, неустанному умственному труду, отъ котораго былъ оторванъ только предсмертною болѣзнью. Зато и нескудное наслѣдство оставилъ онъ послѣ себя русской наукѣ. Всѣмъ, изучающимъ нашу древнюю письменность, извѣстно и драгоцѣнно Описаніе рукописей патріаршей библіотеки, надъ которымъ онъ трудился сначала вмѣстѣ съ А. В. Горскимъ, а потомъ одинъ. Нельзя не замѣтить, что скромное заглавіе этого изданія далеко не соотвѣтствуетъ научному богатству его содержанія: не описаніе только представляетъ этотъ безпримѣрный трудъ, къ сожалѣнію прервавшійся на половинѣ, но глубокоученое истолкованіе древне-письменныхъ памятниковъ, разъясняющее все, что только есть въ нихъ примѣчательнаго. Съ чуднымъ пониманіемъ научныхъ потребностей, здѣсь не опущено изъ виду ни одной черты, нужной для

---

comptes rendus de la session tenue à Moscou en 1869, publiés en 1871 sous la direction du comte Ouvarov (Trudy Pervago archeologitcheskago siezda v Moskvie, 2 vol. in 4°, Moscou, 1871). Ces comptes rendus sont accompagnés d'un atlas in folio de 53 planches. Ils renferment, outre le procès-verbal des séances, un choix de mémoires lus devant le congrés, et dont plusieurs ont une haute valeur au point de vue scientifique». Revue archéologique, Juin 1873, Paris, p. 421: L'Archéologie en Russie, par Louis Léger.

филолога, историка, археолога. Вполнѣ сознавая всю важность вещественныхъ памятниковъ для познанія древне-человѣческаго быта, покойный въ послѣдніе годы своей жизни съ особенною ревностью занимался археологическими изслѣдованіями, изъ числа которыхъ укажемъ на два, особенно замѣчательныя: 1) О городищахъ Древне-Болгарскаго и Казанскаго царствъ, и 2) Ананьинскій могильникъ. Обѣ эти статьи, напечатанныя въ Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда, обнаруживаютъ въ авторѣ обширную ученую подготовку. Читая ихъ, нельзя не почувствовать живо, какъ много могла отъ него ожидать и какъ много вмѣстѣ съ нимъ потеряла русская археологія.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

Аналавъ, принадлежность монашескаго одѣянія, Кассіанъ называетъ ἀγαβολή, Созоменъ ἀναβολεύς. Аналавъ состоитъ изъ двойныхъ перевязей, сплетенныхъ изъ шерстяныхъ нитокъ. Спускаясь съ шеи, онъ крестовидно обнималъ плечи и подъ мышками препоясывалъ одежду. Вотъ описаніе аналава у Кассіана: Gestant etiam resticulas duplices laneo plexas sub tegmine, quas Graeci ἀναβολάς, nos vero succintoria, sev redimicula, vel proprie rebrachiatoria possumus appellare. Quae, discedentia per summa cervicis et e lateribus colli divisa, utrarumque alarum sinus ambiunt atque hinc inde succingunt, ut constringentia latitudinem vestimenti ad corpus contrahent atque conjungant, et ita, constrictis brachiis, impigri ad omne opus expeditique reddantur (Cassian, de coenob. instit. l. I, c. 6). Такъ какъ аналавъ имѣлъ видъ креста, то онъ означалъ крестъ, который беретъ на себя инокъ, чтобы слѣдовать за Христомъ. Описаніе аналава у Кассіана показываетъ, что древній аналавъ былъ сходенъ съ тѣми плетцами, которые носятъ у насъ схимники; у простыхъ монаховъ его замѣняетъ параманъ, носимый на хитонѣ, а не поверхъ одежды, какъ носятъ схимники. Древній параманъ у насъ въ Россіи имѣлъ, кажется, сходство болѣе съ схимническимъ аналавомъ. Въ аналавѣ каждая четверть плетенокъ отдѣляется кругомъ; эти кружки— тоже плетеные; но есть аналавы, у которыхъ на кружкахъ изображены праздники. Не тотъ ли это «схимный съ праздники» поясъ, о которомъ упоминаетъ Кириллъ Туровскій? Изображеніе подобнаго парамана представлено въ Памятникахъ Москов. Древн., стр. 128. Въ греческомъ чинѣ постриженія

иноковъ, тамъ, гдѣ у насъ дается постригаемому параманъ, читается «аналавъ». У насъ удержалось это названіе только при постриженіи въ великую схиму.

Казан.

Антиррисисъ—книга, составляющая одинъ изъ важныхъ источниковъ для исторіи литовской церковной Уніи. Въ 1871 году изданъ Московскимъ музеемъ, подъ редакціей г. Викторова, Хронологическій Указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати, который, въ первомъ своемъ выпускѣ, даетъ очеркъ библіографіи, составленный по запискамъ покойнаго Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и самаго редактора. Точность, полнота и новость указаній составляютъ, безъ сомнѣнія, самыя капитальныя достоинства подобныхъ указателей. Съ цѣлью содѣйствія этому новому труду въ нашей библіографіи, не излишне сообщить нѣсколько извѣстій объ одной весьма рѣдкой книгѣ, указанной въ изданіи Музея подъ № 139 и составляющей драгоцѣннѣйшій источникъ для исторіи Уніи. Въ новомъ библіографическомъ Указателѣ эта книга озаглавлена не совсѣмъ вѣрно: Возраженія на Апокрисисъ и отписъ; настоящее ея названіе—Антиррисисъ. Далѣе: по принятому редакціей способу означенія звѣздочками полноты или неполноты экземпляра, непремѣнно слѣдовало поставить при этой книгѣ именно двѣ звѣздочки, для показанія недостающихъ въ ней листовъ. Такихъ звѣздочекъ тутъ не поставлено, хотя въ Росписи Сахарова объ этой книгѣ прямо сказано, что «первый листъ, заглавный, и слѣдующіе затѣмъ 12 потеряны». Наконецъ, въ примѣчаніи къ тому же № 139 вкралась почему-то еще и третья невѣрность, которая могла бы быть исправлена по той же Росписи Сахарова и по Журналу Мин. Народн. Просвѣщ. 1845 г., № VI. На оба эти источника указываетъ и сама редакція; въ противность однако же имъ, Указатель говоритъ, что описываемая книга находится въ библіотекѣ Архива Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ ея никогда не было и нѣтъ. Книга эта, какъ и значится у Сахарова, находится въ частныхъ рукахъ, именно въ собственномъ собраніи кн. М. А. Оболенскаго; другой ея экземпляръ хранится, какъ удостовѣряетъ Кояловичъ, въ Императорской публичной библіотекѣ. Книга: Возраженія на Апокрисисъ и отписъ (правильнѣе Антиррисисъ), по словамъ Указателя, напечатана въ Острогѣ. Между тѣмъ курсивный рукописный шрифтъ ея оказывается совершенно тожественнымъ съ шрифтомъ книги: Унія албо выкладъ и проч. (см. Указат. № 120), напечатанной въ Вильнѣ въ 1595 году; а это приводитъ къ убѣжденію, что и Антиррисисъ напечатанъ не въ Острогѣ, а въ Вильнѣ.

Книга Антиррисисъ издана уніатами, а написана, по словамъ Стебельскаго, сначала на латинскомъ языкѣ, грекомъ Аркудіемъ,—противъ книгъ, составленныхъ тогдашними ревнителями православія: Эктезиса, Апокрисиса и Перестроги. Полагаютъ также, что въ составленіи Антиррисиса принималъ большое участіе извѣстный Ипатій Поцѣй. Въ этомъ удостовѣряютъ

и самые слова сочинителя о себѣ на стр. 543—545, гдѣ онъ называетъ себя епископомъ, главнымъ дѣятелемъ на Брестскомъ уніатскомъ соборѣ, прибавляя, что прежде засѣдалъ на скамьѣ сенаторской. Кромѣ того, на Поцѣя указываютъ и рукописныя замѣтки въ экземплярѣ кн. Оболенскаго, сдѣланныя на поляхъ рукою одного изъ современниковъ, принимавшаго, какъ видно, горячо къ сердцу тогдашнее значеніе Антиррисиса, напримѣръ: «знать самъ безбожный Ипатій, владыка володимерскій, слагалъ сію книжку»; или: «о проклятіи епископе, якъ смѣешъ писати». Латинскаго подлинника этой книги никто никогда не видалъ. Прежде всего узнали ее въ изданіи на русскомъ языкѣ въ 1599 г., а потомъ на польскомъ—въ 1600 г. Въ этой книгѣ напечатано нѣсколько любопытныхъ грамотъ, изъ коихъ въ Актахъ Западной Россіи, т. IV, къ сожалѣнію, перепечатаны не всѣ. Здѣсь особенно интересны: посвященіе книги канцлеру Льву Сапѣгѣ, письмо Сапѣги къ епископу владимірскому и «копія листу единаго сенатора до его милости пана воеводы кіевскаго». Эти документы проливаютъ свѣтъ на тогдашнее образованіе западно-русскаго общества, полемику, вызванную Уніей, и личность самаго Поцѣя.

Изъ рукоп. статьи кн. **М. А. Оболенскаго.**

Архимандритъ (Ἀρχιμανδρίτης), начальникъ монастыря. Μάνδρα собственно значитъ загонъ для овецъ, или хлѣвъ овечій. У Нила, подвижника синайскаго, монастырь называется πνευματικὴ μάνδρα (Epist. lib. 3, ep. 241). Св. Епифаній употребляетъ слово μάνδρα какъ равнозначительное съ словомъ μοναστήριον: ἐν μοναστηρίοις ὑπάρχοντες, εἴτ᾽ ἐν μάνδραις (Haer. 80). Когда и гдѣ это слово стали употреблять для означенія монашескихъ жилищъ, нельзя съ точностію опредѣлить. Историкъ Евагрій, описывая мѣсто, гдѣ подвизался Симеонъ Столпникъ, говоритъ: «отъ Θеополиса отстоитъ оно стадій на тридцать и лежитъ на самой вершинѣ горы. Туземцы называютъ его Мандрою, и это названіе оставилъ тому мѣсту своего подвижничества, думаю, Святѣйшій Симеонъ» († 459. Евагр. Церк. ист. кн. 1, гл. 14). О Мандрѣ Симеона упоминаетъ и Θеодоръ чтецъ: «дивный Даніилъ, придя изъ Мандры Симеона, взошелъ на столпъ въ Анаплѣ» (Θеод. чтеца извлеч. изъ Церк. ист. 18). Θеофанъ и Кедринъ называютъ Симеона ὁ τῆς μάνδρας πρῶτος (Ad ann. 4 Leonis Magni). Кажется несомнѣннымъ, что названіе настоятелей монастырей архимандритами было мѣстнымъ названіемъ собственно Константинопольскаго округа. Дѣянія четвертаго Вселенскаго собора даютъ возможность опредѣлить съ точностію значеніе этого названія. На Константинопольскій соборъ 448 г., акты котораго внесены въ дѣянія четвертаго Вселенскаго собора, приглашены были 23 архимандрита. Нѣсколько архимандритовъ, недовольныхъ рѣшеніемъ собора, подали прошеніе императору Маркіану о созваніи вселенскаго собора для разсмотрѣнія дѣла Евтихія. Возникъ вопросъ: всѣ ли архимандриты, подписавшіеся подъ этимъ прошеніемъ, дѣйствительно суть начальники монастырей. Посланы были довѣренныя лица осмотрѣть, имѣютъ ли они монастыри; если же живутъ при над-

гробныхъ памятникахъ и при гробахъ мучениковъ, имѣя при себѣ отъ двухъ до десяти человѣкъ, то должны быть наказаны за незаконное присвоеніе титла архимандритовъ. Отсюда открывается, что тотъ, кто имѣлъ подъ своимъ начальствомъ какой либо монастырь, справедливо назывался архимандритомъ: слѣдовательно это названіе значило тоже, что и названіе игумена. Одно названіе дѣйствительно и употреблялось вмѣсто другаго, какъ видно изъ современныхъ актовъ. Извѣстный еретикъ Евтихій, обыкновенно называемый архимандритомъ, въ словѣ Ѳеодора пресвитера Раиѳскаго о воплощеніи Господа, называется игуменомъ.

У писателей IV и V вѣка, повидимому, намѣренно дѣлается различіе между игуменами и архимандритами. Въ письмахъ Исидора Пелусіота не встрѣчается названіе игумена, но встрѣчается названіе архимандрита (кн. I, p. 49, 117, 258, 283, 298, 318, 392). Въ письмахъ Нила Синайскаго есть названіе игуменовъ (кн. II, 63; кн. III, 204), но чаще, архимандритовъ (кн. II, 56, 69, 86, 89, 100, 114, 122; кн. III, 63, 96, 106, 112, 169, 176, 209; кн. IV, 29). Встрѣчается названіе: авва,—кажется, тоже въ значеніи начальства надъ монахами (кн. III, 201, 202). Въ письмахъ Ѳеодорита Кирскаго (V в.) упоминаются архимандриты-пресвитеры (Opp. t. V, p. 761, 767; tom. IV, p. 1340—41, Epist. 131, 137, 141) и архимандриты-діаконы (tom. V, p. 832, 833; tom. VII, p. 1205). Изъ самыхъ писемъ нельзя сдѣлать заключеніе, почему одни настоятели монастырей называются игуменами, другіе архимандритами. Есть указаніе только на то, что монастыри нѣкоторыхъ архимандритовъ были многолюдны. Кириллъ Александрійскій, адресуя посланіе настоятелямъ монастырей, называетъ ихъ аввами монашествующихъ (Дѣян. Всел. соб. ч. I, стр. 627).

Въ Лугѣ духовномъ, писанномъ въ началѣ VII в., названіе аввы усвояется пресвитерамъ монастырей; настоятели называются игуменами, за исключеніемъ настоятеля киновіи или монастыря св. Ѳеодосія, который называется архимандритомъ.

Изъ подписей подъ седьмымъ дѣяніемъ четвертаго Вселенскаго собора видно, что архимандриты большею частію имѣли пресвитерскій санъ, но одинъ былъ діакономъ, а трое простыми монахами. Въ актахъ третьяго Вселенскаго собора помѣщено посланіе Василія діакона и архимандрита (№ 26 предвар. статей). Въ актахъ Ефесскаго собора объясняется, что быть архимандритомъ значитъ имѣть первенство въ монастырѣ, начальствовать надъ монастыремъ и монахами, управлять ими, быть покровителемъ своего монастыря (Дѣян. III Всел. собора, стр. 408, 409). Нѣтъ указаній на то, чтобы титулъ архимандрита означалъ въ это время начальство надъ нѣсколькими монастырями. Въ Греціи поручался настоятелямъ нѣкоторыхъ монастырей надзоръ и за многими другими, но для обозначенія подобной должности употреблялся титулъ: ἔξαρχος τῶν μοναστηρίων, ἄρχων, ἀββᾶ τῶν μοναστηρίων, какъ въ дѣяніяхъ Ефесскаго собора и называется преподобный Далматъ (Дѣян. Вс. соб. ч. I, стр. 609. Ср. Дюканжа Gloss. Graec. sub voce: ἔξαρχος). (*) На седьмомъ Всел. соборѣ (p. 591) подписался Левъ пресвитеръ

(*) Сличи. Thomassin. Eccles. Discipl. tom. III, p. 122, 133, 174, 193, 240, 279.

великой церкви подписомъ: ἄρχων τῶν μοναστηρίων. Въ правилахъ вселенскихъ соборовъ не встрѣчается названіе архимандрита, но когда нужно означить настоятеля монастыря, онъ называется игуменомъ. И изъ 14 правила VII Вселенскаго собора видно, что игумены и тогда не вездѣ имѣли санъ пресвитера. Правило опредѣляетъ: «Игуменъ можетъ рукополагать въ чтеца, если онъ получилъ рукоположеніе игуменское и имѣетъ санъ пресвитера». Вообще въ дѣяніяхъ VI Вселенскаго собора встрѣчается только названіе игуменовъ. Въ дѣяніяхъ VII Вселенскаго собора есть подписи одного лица: «архимандритъ и игуменъ», или: «игуменъ и архимандритъ» (Дѣян. IV, p. 597—599). Современный VII Вселенскому собору настоятель знаменитой Студійской обители въ Константинополѣ, Θеодоръ Студитъ назывался игуменомъ, и въ письмахъ его ни разу не встрѣчается имени архимандрита, тогда какъ часто упоминаются слова: авва, игуменъ, препозитъ. Но у современника его Іоанна Дамаскина есть письмо къ архимандриту. Настоятели Аѳонскихъ монастырей обыкновенно назывались игуменами. На Константинопольскомъ соборѣ при имп. Алексѣѣ Комнинѣ упоминаются только игумены и катъигумены, но ни одного архимандрита (Monfoc. Biblioth. Coislin, p. 105). Въ семъ же изданіи настоятели монастырей св. Θеодосія и Харитона называются: καθηγέμενος (p. 319).

Есть свидѣтельства изъ позднѣйшаго времени, что названія: архимандритъ и архимандрія пріобрѣтаютъ уже значеніе отличія. Въ Cicilia sacra Roccho Pirri (tom. 2, p. 975) помѣщена грамота Рожера отъ 1134 г., которою предоставляются Лукѣ, настоятелю монастыря Спаса въ Плесеннѣ, достоинство и права архимандрита; въ Сициліи и Калабріи—одинъ такой монастырь съ настоятельствомъ архимандрита. Въ Acta et diplomata monaster. Eccl. Orient. (vol. I. p. 295) помѣщенъ актъ о возведеніи одного монастыря на степень архимандріи въ 1223 г. Въ Acta Constant. (t. II, p. 275) есть названіе: καθηγέμενος καὶ ἀρχιμανδρίτης Νιέβων, въ 1397 г. Въ недѣлю Православія упоминается имя Иларіона, τῦ ὁσιοτάτυ ἀρχιμανδρίτυ καὶ ἡγυμένυ τῦ Δαλμάτυ. Не смотря на эти указанія можно сказать, что названіе архимандрита не пріобрѣло въ Греціи того почетнаго значенія, какое это названіе пріобрѣло у насъ въ Россіи. Въ Греціи можно встрѣтить архимандритовъ, состоящихъ подъ властію игуменовъ. При избраніи въ настоятели Синайской обители, архимандритъ принимаетъ названіе Игумена, тогда какъ по нашимъ обычаямъ онъ долженъ былъ бы сохранить свое названіе архимандрита. На Вселенскихъ соборахъ архимандриты не присутствовали въ правомъ голоса. Они приглашены были свѣтскою властью присутствовать на помѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ въ 448 г.: но отцы собора заявили, что рѣшеніе дѣла на соборахъ принадлежитъ исключительно епископамъ. На седьмомъ Вселенскомъ соборѣ подписи архимандритовъ и игуменовъ встрѣчаются въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ, но при заключительномъ опредѣленіи собора подписались одни епископы.

Въ Россіи титулъ архимандрита означалъ, кажется, перваго изъ игуменовъ, высшаго изъ нихъ. Въ такомъ смыслѣ въ Новгородской лѣтописи подъ 1226 г. записано: преставися игуменъ святаго Георгія Савватій,

архимандритъ новгородскій. Въ этомъ же смыслѣ усвоялось названіе архимандрита игумену печерскому. Въ половинѣ XVI в. митрополитъ Макарій, сдѣлавъ изъ игуменства въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ архимандрію, предоставилъ, съ утвержденія царя, ея настоятелю права: 1) облачаться среди церкви на коврѣ; 2) быть первымъ архимандритомъ всей Русской митрополіи; 3) управлять девятью мужскими и двумя женскими монастырями; 4) ставить въ подвѣдомственныхъ ему монастыряхъ игуменовъ и игуменій. Архимандриты начали постепенно усвоять себѣ разныя отличія, принадлежащія архіерейскому сану; такъ, сначала достигли права носить въ служеніи шапку, которая съ теченіемъ времени ничѣмъ уже не отличалась отъ архіерейской митры; усвоили себѣ право носить наперсный крестъ, что явилось первоначально въ Малороссіи, и только указомъ императрицы Елисаветы въ 1742 г. предоставлено и великороссійскимъ архимандритамъ, для отличія ихъ отъ игумновъ. Теперь архимандритство представляется какъ бы саномъ среднимъ между пресвитерскимъ и епископскимъ; но такое представленіе возникло уже тогда, какъ стали ставить титулярныхъ архимандритовъ. На гробницѣ знаменитаго архимандрита Сергіевой Лавры Діонисія читалась надпись: преставися рабъ Божій іеромонахъ Діонисій, архимандритъ Сергіевой Лавры. Объ отличіяхъ армимандритовъ у насъ въ Россіи см. Исторіи іерарх. ч. I, стр. 594—600 и 615 и д. Избраніе въ архимандриты предоставляется епархіальнымъ архіереямъ, а производство на эту степень разрѣшается только Синодомъ. Посвященіе бываетъ во время малаго входа, съ произношеніемъ словъ: «Благодать Всесвятаго Духа, чрезъ мѣрность нашу, производитъ тя въ архимандрита честныя обители», при чемъ на посвящаемаго возлагается крестъ и митра, мантія съ скрижалями и палица, а по окончаніи литургіи вручается жезлъ.

Казан.

Архіепископъ (Ἀρχιεπίσκοπος)—собственно, начальный, главный епископъ. Хотя епископы всѣ равны по своей власти, но для сохраненія единенія между церквами, и для взаимной помощи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, еще Апостольскими правилами нѣкоторымъ изъ епископовъ усвояется право верховнаго надзора надъ другими епископами. Въ 34 правилѣ постановлено: «Епископамъ всякаго города подобаетъ знати перваго въ нихъ, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія». Антіохійскій Соборъ (341 г.), повторяя это правило, дѣлаетъ объясненіе къ нему: «Въ каждой области епископамъ должно вѣдать епископа, въ митрополіи начальствующаго и имѣющаго попеченіе о всей области, такъ какъ въ митрополію стекаются всѣ имѣющіе дѣла. Посему разсуждено, чтобы онъ и честію преимуществовалъ, и чтобы прочіе епископы ничего особеннаго не дѣлали безъ него, по древле принятому отъ отецъ нашихъ правилу, кромѣ того токмо, что относится до епархіи, принадлежащія каждому изъ нихъ» (правило 9). По такому значенію каждый епископъ митрополіи могъ быть названъ архіепископомъ.

Но въ практикѣ церковной епископамъ митрополій не усвоялось названіе архіепископовъ. Епископу александрійскому первому усвояется титло архіепископа, вѣроятно по обширности діоцеза, зависѣвшаго отъ него въ церковномъ отношеніи, ибо онъ управлялъ церковными дѣлами во всемъ Египтѣ, Ливіи и Пентанолисѣ. Аѳанасій Великій называетъ своего предшественника Александра архіепископомъ (Apolog. 2, p. 791, по русскому переводу ч. 1, стр. 284). Въ письмахъ Исидора Пелусіота есть письмо, надписанное архіепископу Кириллу (кн. 1, п. 323). Епифаній Кипрскій называетъ архіепископами епископа александрійскаго Александра и его предшественника Св. Петра мученика (Haer. 78, c. 112. 7.). Но Епифаній называетъ также архіепископомъ и Мелетія, митрополита ѳиваидскаго, который былъ подчиненъ александрійскому епископу, и служилъ ему помощникомъ. Съ учрежденіемъ патріархатовъ названіе архіепископа стало усвояться исключительно патріархамъ (*) и тѣмъ митрополитамъ, которые остались автокефальными, т. е. не попали подъ зависимость отъ того или другаго патріарха. Такъ напр. епископъ города Констанціи въ Кипрѣ не призналъ себя зависимымъ отъ антіохійскаго патріарха и называется архіепископомъ (Дѣян. VII третьяго Всел. собора). Такіе же титулы усвоялись епископамъ Асіи, Понта, Ѳракіи. Тогда какъ митрополиты обыкновенно принимали посвященіе у своего патріарха, автокефальные архіепископы рукополагались соборомъ своего діоцеза. На Халкидонскомъ соборѣ митрополиты областей Асіи, Понта и Ѳракіи согласились сами принимать посвященіе у константинопольскаго патріарха и съ этимъ очевидно теряли право на титулъ архіепископа. Юстиніанъ 1-й, желая возвысить епископство въ первой Юстиніаніи пишетъ: volumus, ut non solum metropolitanus, sed etiam archiepiscopus fiat, et caeterae provinciae sub ejus sint auctoritate (Nov. XI). Кромѣ патріарховъ, въ древнее время присвоялось титло архіепископовъ: епископу ефесскому въ діоцезѣ Асійскомъ, епископу Кесаріи Каппадокійской въ діоцезѣ Понтійскомъ, кипрскому на островѣ Кипрѣ, ѳессалоникскому въ Македоніи или Иллирикѣ восточномъ, сирмійскому въ Иллирикѣ западномъ, медіоланскому въ діоцезѣ Италійскомъ, ліонскому въ Галліи, карѳагенскому въ Африкѣ, іоркскому въ Англіи. Впрочемъ надобно замѣтить, что въ собственноручныхъ подписяхъ, какъ это мы видимъ въ дѣяніяхъ Вселенскихъ соборовъ, и патріархи и архіепископы и митрополиты всегда подписывались просто епископами того или другаго города. Потому постановленіе третьяго Карѳагенскаго собора: «ut primae sedis episcopus non appelletur princeps sacerdotum aut summus sacerdos, sed tantum primae sedis episcopus» (**) совершенно соотвѣтствовало практикѣ восточной церкви. Архіепископъ, какъ автокефальный правитель извѣстнаго діоцеза, могъ созывать соборы и на нихъ предсѣдательствовать, принимать аппелляцію отъ митрополитовъ и провинціальныхъ соборовъ, разсматривать и изслѣдовать обвиненія на митро-

(*) Въ Дѣян. четвертаго Вселенскаго собора всѣмъ патріархамъ усвояется титло архіепископовъ.

(**) По книгѣ правилъ Соборныхъ—правило 48 Карѳаг. собора.

полита. Въ XXXVII Новеллѣ Юстиніана (с. 5) прямо предписывается, чтобы, въ случаѣ обвиненія митрополита, дѣло его разсматривалъ блаженнѣйшій его архіепископъ. Въ важныхъ дѣлахъ митрополиты не могли произносить рѣшеніе безъ его согласія (Халкид. Вселен. собора прав. 30). Архіепископы сообщали митрополитамъ императорскіе указы. Исидоръ Севильскій (Orig. l. 7, c. 12) пишетъ: «Архіепископомъ у Грековъ называется высшій изъ епископовъ; онъ занимаетъ мѣсто Апостола и имѣетъ предсѣдательство, какъ предъ митрополитомъ, такъ и предъ прочими епископами». Съ теченіемъ времени названіе архіепископа, сохранивъ древнее свое значеніе только въ титулѣ патріарховъ, стало обращаться въ одно почетное названіе. Два обстоятельства, повидимому, подготовили это измѣненіе: 1) патріархи, особенно константинопольскіе, постоянно стремились расширить свою власть и подчинить себѣ автокефальныхъ епископовъ. Такъ еще на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ архіепископы или екзархи Понта, Асіи и Өракіи согласились стать въ подчиненіе константинопольскому епископу. Девятое правило четвертаго Вселенскаго собора пролагало путь къ подчиненію независимыхъ церквей константинопольскому епископу. Симъ правиломъ опредѣляется: «Аще же на митрополита области епископъ или клирикъ имѣетъ неудовольствіе: да обращается или къ екзарху великія области (діоцеза) или къ престолу царствующаго Константинополя и предъ нимъ да судится». Въ силу сего правила константинопольскій епископъ могъ простирать свое вліяніе на всѣ автокефальныя церкви и подчинять ихъ своей юрисдикціи. 2) Вторымъ обстоятельствомъ было стремленіе гражданскаго начальства отличить извѣстное лице или извѣстное мѣсто по какимъ либо личнымъ соображеніямъ болѣе почетнымъ титломъ. Такъ Валентъ, желая ослабить значеніе Василія Великаго, Каппадокію раздѣлилъ на двѣ митрополіи (Григ. Богосл. сл. 20). Двѣнадцатое правило четвертаго Вселенскаго собора постановляетъ: «Дошло до насъ, что нѣкіе, вопреки церковнымъ постановленіямъ, прибѣгнувъ къ властямъ, посредствомъ прагматическихъ грамотъ, единую область на двѣ разсѣкли, яко быти отъ сего въ одной области двумъ митрополитамъ. Посему опредѣлилъ Святый Соборъ, да ничто таковое дерзаетъ творити епископъ. Ибо покусившійся на то низверженъ будетъ со своего степени. Градъ же, который по царскимъ граматамъ почтенъ именованіемъ митрополіи, единою честію да довольствуется, такъ какъ и епископъ управляющій его церковію, съ сохраненіемъ правъ истинной митрополіи». Вотъ откуда произошли первоначально титулярные митрополиты. На четвертомъ Вселенскомъ соборѣ много разъ отцы собора твердили, что каноны церковные важнѣе постановленій царскихъ и не могутъ быть отмѣнены ими, но сила часто брала свое. Этотъ же Вселенскій соборъ 17-мъ правиломъ постановилъ: «Аще царскою властію вновь устроенъ или впредь устроенъ будетъ градъ, то распредѣленіе церковныхъ епархій да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку». Все это давало свободу гражданской власти раздавать титулы церковные. Титулярные митрополиты занимали первое мѣсто послѣ митрополитовъ дѣйствительныхъ; они посвящались также какъ и настоящіе митрополиты. Для отличія отъ

дѣйствительныхъ митрополитовъ стало имъ усвояться титло архіепископовъ. Естественно, что они стремились выдѣлиться изъ-подъ зависимости митрополита областнаго, съ которымъ считали себя равными, и подчиниться непосредственно власти патріарха. Патріархи охотно, конечно, помогали этому стремленію. Въ каталогѣ епархій императора Льва (891 г.) перечисляется около 40 каѳедръ въ одномъ Константинопольскомъ патріархатѣ, которыхъ епископы освобождены были отъ власти мѣстныхъ митрополитовъ и подчинялись непосредственно патріарху; въ Іерусалимскомъ патріархатѣ ихъ насчитываютъ 25, а въ Антіохійскомъ 16. Эти епископы не имѣли подчиненныхъ себѣ епископовъ, но пользовались титлами архіепископовъ или митрополитовъ (Bingham. Antiqn. Eccl. t. I, p. 264, 265). Нилъ Доксопатръ въ своемъ сочиненіи о Патріаршествахъ, писанномъ около половины XII в., сказавъ, что патріархи раздѣлили свои діоцезы на екзархіи, митрополіи и архіепископіи, прибавляетъ: «въ прочихъ, меньшихъ городахъ они поставили епископовъ; если же нѣкоторые изъ городовъ епархіи были важны и не много уступали по своей значительности первому, такіе города сдѣлали архіепископіями, не имѣвшими впрочемъ подчиненныхъ себѣ епископій; ибо быть двумъ митрополитамъ въ одной провинціи было незаконно, развѣ только по царскому изволенію какая нибудь епископія отдѣлялась отъ митрополіи и удостоивалась отъ царя титла митрополіи, хотя бы городъ и не имѣлъ подчиненныхъ себѣ епископій, которыхъ былъ бы онъ митрополіею.» Вальсамонъ (XIII в.) пишетъ: «Святыми отцами установлено, чтобы діоцезы, имѣющіе много епископскихъ каѳедръ, управлялись митрополитами, которыхъ каноны называютъ протами (первыми), а тѣ города, которые не имѣютъ подчиненныхъ епископовъ, управлялись архіепископами, такъ что они ниже митрополитовъ и выше епископовъ» (Дюканжа Gloss. Graee. sub voce: Ἀρχιεπίσκοπος). Въ такомъ значеніи титло архіепископа перешло и въ Россію. Первый изъ епископовъ русскихъ, получившій титулъ архіепископа въ 1165 г., былъ новгородскій. Нельзя не замѣтить и того, что этотъ титулъ далъ поводъ новгородскимъ епископамъ домогаться независимости отъ кіевскаго и потомъ московскаго митрополита и стать въ прямое подчиненіе константинопольскому патріарху. Исторія крещатыхъ ризъ и бѣлаго клобука связана съ этими домогательствами новгородскаго архіепископа. Но въ Россіи званіе архіепископа осталось однимъ почетнымъ титуломъ, такъ же какъ послѣ учрежденія патріаршества и названіе митрополита потеряло свое древнее значеніе. См. Thomassini: De beneficiis. Moguneiae, 1787, par. I, lib. I, c. 3, 43. Bingh. Antiq. Eccl. vol. III, p. 570; vol. I, p. 264 и д. Дюканжа Gloss. Graec.

Казан.

Аспра, аспръ (ἄσπρη, ἄσπρα νομισμάτα), бѣлая мелкая серебряная монета, въ родѣ русскаго пятачка серебромъ; эта бѣлка ходила въ Турціи и чрезъ Болгарію и Сербію знакома была нашимъ предкамъ, особенно по книгамъ, заносимымъ къ нимъ оттуда. Въ собраніи рукописей А. И. Хлудо-

ва. на Служебной Минеи начала XVI стол., сербскаго правописанія, отмѣчено рукою половины XVII в.: «Послѣдни въ чловѣцехъ и мьнии въ инодехъ игуменъ... коупихъ сію книгоу и приложихъ на службу св. Николе... за ѕ і т. е. за 280 аспръ (Опис. рукоп. А. Поповымъ. № 157. стр. 312). Русскіе путешественники по востоку тоже знакомы были съ асправи, которыя Турки, вѣроятно, заимствовали отъ Грековъ. Арсеній Сухановъ писалъ въ 1651 г., что въ Іоппіи они давали на заставѣ по двѣ аспры съ человѣка и поѣхали въ Рамлю (У Сахарова II. стр. 203). Около 1520 г. аспра въ Турціи равнялась 8 мѣднымъ мангурамъ; 4 аспра составляли драхму; 9 драхмъ равнялись нѣмецкому талеру, который содержалъ 36 аспръ; въ червонцѣ венеціанскомъ было $1^1/_2$ талера нѣмецкихъ, или 54 аспра. За тѣмъ въ половинѣ XVI стол. до 1570 г. постоянная цѣна талера равнялась 40 аспрамъ, а червонецъ или султанинъ—60 аспрамъ; но потомъ цѣна аспръ упала до того отъ худаго ихъ качества или чеканки, что талеръ равнялся 80 аспрамъ. Въ XVI в. были аспры лучшаго и худшаго достоинства: первыя ходили въ Болгаріи, но вѣсомъ и достоинствомъ стояли ниже раннихъ, такъ что асланъ или левъ стоилъ 100 и потомъ 120 аспровъ. Въ 1639 году два вола продавались по 1400—1800 аспръ (Подробно объ аспрахъ можно читать въ сочиненіи Ю. Венелина: «Влахоболгар. грам». Спб. 1840 г., стр. 96 и далѣе, также: 271, 308).

Арист.

Ватманъ—единица вѣса восточныхъ народовъ, употреблявшаяся въ Россіи и заключавшая въ разныхъ мѣстностяхъ разнообразныя количества. Байковъ въ своихъ запискахъ 1654 г. отмѣтилъ о китайскихъ цѣнахъ: «Пряныя зелья купятъ—перцу батманъ на серебро по 6 золотниковъ и по 5; гвоздики купятъ батманъ по 4 лана... меду купятъ батманъ по 2 золотника, чаю батманъ—по 2 зол.» (Сказ. Сахарова II, VIII, стр. 132). Нижегородскіе крестьяне въ 1663 г. за бортный ухожай обязались платить оброка ежегодно по 20 большихъ казанскихъ батмановъ меда (А. Юр. № 202). Этотъ батманъ заключалъ въ себѣ 14 фунтовъ нынѣшнихъ; но на заводахъ поташныхъ Оренбургской, и Казанской губ. батманъ золы вѣситъ 10 пудъ; вообще казанскій батманъ равняется осминѣ или четыремъ пудовымъ мѣрамъ (Словарь Даля I, стр. 47). Въ Турціи батманъ большой вѣситъ 25 фунтовъ, средній—19 ф., въ Бухаріи—равняется 7 пудамъ и 32 ф. русскимъ и т. п. (Словарь Акад. Рос. «Монета и вѣсъ», Прозоровскаго, стр. 588, 701).

Арист.

Бурцовъ-Протопоповъ, Василій Өедоровъ. До насъ дошло нѣсколько книгъ, изданныхъ въ Москвѣ въ 1633—1642 годахъ и напечатанныхъ, какъ значится въ послѣсловіяхъ къ нимъ, «подвиги и тщаніемъ, труды же

и снисканіемъ подъячего Василія Федорова сына Бурцова Протопопова». Сопиковъ, митроп. Евгеній и архіеп. Филаретъ поставляютъ Бурцова въ числѣ русскихъ писателей и издателей книгъ, а Д. И. Языковъ считаетъ его книжнымъ справщикомъ (см. Сопик. I, № 160; Слов. рус. свѣтск. писателей митр. Евг. и тотъ же Слов. т. I, изд. Снегиревымъ; Обз. рус духовн. литерат. преосв. Филарета). Изъ дѣлъ Печатнаго приказа видно, что Бурцовъ былъ только книгопечатнымъ мастеромъ въ Московской типографіи и завѣдывалъ одною техническою частію печатанія; справщиками были въ это время другія лица, которымъ и принадлежала собственно редакція книгъ, печатанныхъ «подвиги и тщаніемъ» мастера Бурцова (см. расходн. книгу Печатн. приказа о выдачѣ жалованья съ сентября 142 (1633) года, № 17, л. 3: «Книжново печатново дѣла мастеру Василью Бурцову государево денежное жалованье, и проч.; далѣе, л. 3 об. и 4: «Книжные справщики: Кожеозерскова монастыря игуменъ Аврамей... Старецъ Арсеней (Глухой)... Старецъ Сергѣй... Чтецъ вдовой дьяконъ Иванъ... Книжной писецъ Томило Степановъ). Имя свое Бурцовъ выставлялъ въ послѣсловіяхъ къ книгамъ своей печати, по примѣру всѣхъ предшествовавшихъ ему печатныхъ мастеровъ, начиная съ Ив. Өедоровича и П. Т. Мстиславца. Въ должность мастера Бурцовъ поступилъ на Печатный дворъ изъ подъячихъ въ 1633 году, по указу патріарха Филарета; при чемъ 20 февраля того же года ему назначено то же жалованье, «что было мастеру Кондратью Иванову: денегъ 30 рублевъ, да за хлѣбъ за 40 юфтей 18 рублевъ, да поденново корму по рублю на мѣсяцъ, и всего 60 рублевъ» (расх. книга Печатн. приказа 1633 г. № 15, л. 67; о мастерѣ Кондр. Ивановѣ см. Свѣдѣнія о гравир. и граверахъ при Моск. Печатн. дворѣ въ XVI и XVII стол. В. Румянцова—въ кн. Ровинскаго: Русскіе граверы и проч., стр. 364 и 365). На Московскомъ Печатномъ дворѣ Бурцовъ устроилъ два новые книгопечатные стана и прибралъ къ нимъ мастеровыхъ людей для печатныхъ работъ (см. ту же расх. книгу № 15, л. 58: «книгъ печатново дѣла нового заводу, что по государеву указу къ государеву х книжному печатному дѣлу, къ новому заводу, къ дву станамъ прибралъ Василей Бурцовъ, наборщиковъ и тередорщиковъ и батырщиковъ и сторожей поверстали государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ противъ старыхъ становъ»). Бурцовъ былъ не только книгопечатникомъ, но и рѣзщикомъ типографскихъ буквъ, почему въ дѣлахъ Печатн. приказа и называется «книжново печатново азбучново дѣла мастеромъ» (тамъ же, л. 15 об.); онъ устроилъ и употреблялъ для печатанія книгъ особый шрифтъ или азбуку (полууставную, одного почти размѣра съ первопечатною азбукой, но другаго рисунка). Имъ же вѣроятно вырѣзаны (на деревѣ) и нѣкоторыя изъ украшеній, встрѣчающіяся въ книгахъ его печати, какъ наприм. картинка, приложенная къ Букварю и изображающая внутренній видъ тогдашняго училища.

Рум.

Діонисій Святогорецъ, архимандритъ Аөонскаго Иверскаго монастыря, ученый Грекъ, жившій въ Москвѣ во 2-й половинѣ XVII вѣка. Когда и

по какому случаю Діонисій прибылъ въ Москву, намъ неизвѣстно. Въ 1663 году царь Алексѣй Михайловичъ указалъ ему «быть на Книжномъ Печатномъ дворѣ у книжной исправы на Арсеніево мѣсто Грека», при чемъ «жалованье и поденной кормъ велѣно ему справить противъ Арсенія Грека» (расх. кн. Печ. прик. 1663 г., № 64, л. 93), а именно: денежнаго жалованья по 70 рублей въ годъ, а поденнаго корму по двѣ гривны на день (тамъ же, л. 93 об. и расх. кн. № 71, л. 33 и об.) Въ званіи справщика Діонисій находился до 1669 или 1670 года (расх. кн. Печатн. прик. № 68 л. 44, слич. л. 115). Въ это время онъ отправился на Аѳонъ, съ намѣреніемъ впрочемъ возвратиться въ Москву (см. ниже его челобитную); но этому намѣренію не суждено было исполниться. Исправляя должность справщика, Діонисій въ 1665 году, вмѣстѣ «со клевреты», свидѣтельствовалъ и исправлялъ назначенныя къ изданію Бесѣды Златоуста, переведенныя Максимомъ Грекомъ, а также переводы святоотеческихъ писаній, сдѣланные Епифаніемъ Славеницкимъ (см. Царск. № 122 и Толст. № 136). У Евгенія и Филарета онъ не значится въ числѣ писателей; между тѣмъ извѣстно, что онъ докончилъ и приготовилъ къ печати переводъ на русскій языкъ Хронографа Дороѳея Монемвасійскаго, начатый Арсеніемъ Грекомъ. Этотъ переводъ, почему-то оставшійся ненапечатаннымъ, хранится между рукописями Патріаршей библіотеки (Румянц. муз. XCVII, слич. Указ. Патр. библ. архим. Саввы, стр. 267). Извѣстно также «писаніе окольничему Ѳ. М. Ртищеву», о богоявленскомъ освященіи воды, подписанное митрополитомъ Софроніемъ и Иверскимъ архимандритомъ Діонисіемъ (Опис. рукоп. Толст. I, № 116). Діонисій принималъ участіе и въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ: подъ дѣяніями Московскаго собора 1666—1667 г. находится и его подпись (Доп. къ Акт. Ист. т. V, № 102, стр. 476). Для характеристики этого лица и для исторіи русскаго просвѣщенія того времени любопытна челобитная, которую подалъ Діонисій Святогорецъ царю Алексѣю Михайловичу, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы на Аѳонъ:

«Благочестивѣйшему и тишайшему Боговѣнчанному Вел. Гос. Ц. и Вел. Кн. Алексѣю Михайловичу всея Вел. и Мал. и Бѣл. Россіи Самодержцу, искренній богомолецъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Святогорецъ архимандритъ Діонисій, на Вашей Царской Пресвѣтлой милости и жалованьѣ, еже улучихъ, живучи у Вашего Пресвѣтлаго Царскаго Величества, зело благодарю и премного челомъ бью. Нынѣ по упрошенію преосвященнаго Паисія, митрополита Газскаго, чрезъ стольника и полковника Артамона Сергѣевича, ради Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества дѣлъ и ради церковные потребы и общія пользы, оставилъ моихъ книгъ у него, Газскаго митрополита, и на тѣ книги Вашему Царскому Пресвѣтлому Величеству подъ сею челобитною извѣщеніе полагаю.

Именованіе книгамъ, ихъ же оставилъ у Газскаго митрополита азъ, архимаритъ Діонисій:

Книга въ десть печатная: Икуменій, сирѣчь толкованія на Дѣянія Святыхъ Апостолъ, и на Посланія Святаго Апостола Павла многихъ учителей толкованія, и Апокалипсисъ съ толкованіемъ.

Книга въ десть: Великаго Василія; въ началѣ Шестодневъ и прочія всѣ книги его.

Книга печатная въ десть: Двадесять четыре Пророки и Новый Завѣтъ.

Книга писменая въ полдесть: въ началѣ Матѳеевы правила и иныя разныя вещи зело потребныя.

Книга писменая въ полдесть: въ началѣ Матѳея ко Іюдеомъ и Марка Святѣйшаго Ефесскаго митрополита ко Латиномъ многія слова изряднѣйшія, и иныя разныя вещи.

Книга писменая харатейная въ четь: Аѳанасія Александрійскаго ко Антіоху вопросы и отвѣты.

Книга писменая въ четь: Іоанна Дамаскина богословская.

Книга писменая въ четь: Іоанна царя Катакузина на Моамеѳа, сірѣчь на Куранъ.

Книга печатная въ полдесть: Омира Иліада и Одисія, съ великимъ толкованіемъ пространнымъ.

Другая въ четь печатная: Омира Одисія и Жабо-мыша-борства (т. е. Μυοβατραχομαχία).

Книга печатная въ полдесть: Поливіева.

Книга въ четь: Максима Маргунія Бесѣды.

Книга печатная философская въ четь, пятнадесятъ степеней.

Книга печатная въ четь: Ариѳметика.

Книга Омира меншая.

Одиннадцать тетратей поученія нѣкотораго учителя.

А егда Богъ изволитъ паки быти ми къ Вашему Царскому Величеству въ Москвѣ, тѣ книги паки ми взять у него митррполита. Аще же Божіимъ изволеніемъ въ нашей странѣ укратится животъ мой, тѣ книги всѣ да будутъ у Твоево Государева дѣла на Печатномъ дворѣ, въ присную память трудовъ моихъ».

Рум.

Изарбаѳъ—матерія съ золотными и красными полосами, по которымъ, мѣстами, вытканы были травки разныхъ шелковъ. Въ XVII в. она употреблялась на подризники, а также па опоясья и зарукавья стихарей. Въ приходорасходной книгѣ 1681 г. значится, что для патріарха купленъ былъ «изарбаѳъ» полосатой, полосы золотныя и красныя, по нихъ травки разныхъ шолковъ, 7 арш. 1 вершокъ, цѣною въ 10 рублей (см. Арх. Мин. Юстиціи, Монастырскаго приказа № 4, л. 68).

Разум.

Инрогъ, единорогъ—носорогъ, котораго въ средніе вѣка представляли животнымъ съ свойствами фантастическими. Въ азбуковникахъ XVI—XVII стол. единорогъ изображается такъ: «звѣрь, подобенъ есть коню, страшенъ и непобѣдимъ, промежъ ушію имать рогъ великъ, тѣло его мѣдяно, въ розѣ имать всю силу. И внегда гонимъ, возбѣгнетъ на высоту и вверзжетъ себя

долу, безъ пакости пребываетъ. Подружія себѣ не имать, живетъ 532 лѣта. И егда скидаетъ свой рогъ вскрай моря, и отъ него возрастаетъ червь; а отъ того бываетъ звѣрь единорогъ. А старой звѣрь безъ рога бываетъ не силенъ, сиротѣетъ и умираетъ» (Сказ. Сахарова II, 1, стр. 156). Рогъ единорога употреблялся на разныя издѣлія, наприм. на посохи и скипетры, и цѣнился весьма дорого, особенно потому, что онъ считался чудеснымъ цѣлительнымъ средствомъ въ разныхъ болѣзняхъ, во время моровой язвы, и предохраняющимъ отъ порчи. До 1612 г. Беръ писалъ, что московскій царскій скипетръ, взятый Поляками, «изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмѣвалъ все драгоцѣнное въ мірѣ». Маскевичъ въ 1614 г. высказалъ, что Полякамъ за службу выдали въ Москвѣ двѣ или три кости единорога, и депутаты при оцѣнкѣ ихъ не лыкомъ шили, а порядкомъ обманывали шляхтичей. Дѣйствительно, изъ росписи видно, какая высокая оцѣнка положена цѣновщикомъ Николаемъ: «Единорожцовъ рогъ цѣлой—цѣна 140,000 руб., а польскими золотыми—465,333 зол. 10 грошей. Другой единорожцовъ рогъ не цѣлой, съ обоихъ концовъ утертъ... 209,000 польскихъ золотыхъ... И всего обѣимъ единорожцамъ, какъ цѣнилъ Николай,—674,333 золотыхъ польскихъ и грошей 10». Но по прибытіи въ Польшу, паны должны были продавать единороги очень дешево; такъ посохъ изъ единорога оцѣнили только въ 24,000 злотыхъ, вѣроятно выбравъ напередъ каменья дорогія. Маскевичъ замѣчаетъ, что при дележѣ нѣкоторымъ платили только единорогомъ и оцѣнивали лотъ его въ 300 злотыхъ. Адамъ Жолкѣвскій удивился, увидавъ, какіе громадные инороги находились въ Москвѣ, и прибавилъ, что цѣльнаго рога въ иныхъ государствахъ онъ никогда не видывалъ; а такой, какъ початый московскій рогъ, за границей цѣнили купцы въ 200 тысячь золотыхъ угорскихъ. Рогъ единорожца терли для употребленія въ лѣкарство. Маржеретъ замѣчаетъ объ этихъ рѣдкихъ московскихъ драгоцѣнностяхъ слѣдующее: въ царскихъ кладовыхъ находились «двѣ цѣлыя кости единорога, царскій посохъ также изъ цѣлой кости во всю длину, съ поддѣльною рукоятью, и половина единороговой кости, употребляемой ежедневно въ лѣкарство (Чт. Общ. 1847 г. № 3, Смѣсь). Цѣлебныя свойства инрога засвидѣтельствованы, какъ теоретическими ученіями стариннаго времени, такъ и лѣчебной практикой. Изъ дѣла 1623 г. видно, что царскую невѣсту Марью Ив. Хлопову, когда она занемогла передъ свадьбой, поили святой водой съ мощей и давали кость инорога съ камнемъ безуемъ (Собр. грам. и догов. III, 63—5, 98). Въ 1655 г. иноземецъ Марселисъ представилъ для продажи въ Аптекарскій приказъ три кости единорога; докторъ Гартманъ по осмотрѣ ихъ, сказалъ: «тѣ роги по признакамъ, какъ философіи пишутъ, прямые (настоящіе) инроговые роги; два долгихъ роговъ, что онъ такихъ великихъ не видалъ въ иныхъ государствахъ: въ Цысарской и въ Турской земли,—и онъ прямо вѣдаетъ, что тѣ роги прямые инроговые изъ Кронлянской земли, гдѣ дикіе люди такіе роги находятъ. А лѣкарства въ тѣхъ рогахъ: у которыхъ людей бываетъ лихоратка и огневая (горячка), и отъ моровагю повѣтрія, или кого укуситъ змѣя, и отъ чорной немочи; а тѣ де роги при-

родные, а недѣланые, а принимать того рога противъ 12 зеренъ съ каменемъ съ безуемъ, съ теплымъ ренскимъ или въ романеи или въ кинареи, и послѣ того потѣть; а меньшой рогъ имѣетъ тужъ силу, что и болшіе два рога, и которой рогъ болши, тотъ подороже, и толко дать за два рога болшихъ 5000 рублевъ, а меншой рогъ мочно дать менши 1000 р. А отъ мороваго повѣтрія тѣ роги имѣютъ силу болшую: у котораго человѣка объявится моровое повѣтріе, и того рога тотъ часъ пріимать съ безуемъ и потѣть, и послѣ того моровое повѣтріе минуется» (Доп. къ А к. Ист. IV, стр. 31). Въ походной царской аптекѣ 1673 г. находилось безую 5 нарядовъ съ инроговою костью, а 5 нарядовъ безъ кости (Доп. къ А к. Ист. VI, стр. 323).

Арист.

Кежа, полосатая матерія, въ XVII в. употреблялась на подольники и рукава стихарей, а также и на опушку ихъ. Косякъ Кежу стоилъ 1 р. 50 к., такъ что аршинъ этой матеріи обходился въ 20 или 25 к., или отъ 6 алт. 4 денегъ до 8 алт. 2 денегъ (Арх. Минист. Юстиціи, Монастырскаго приказа приходорасх. кн. 1695 г. № 39, л. 189, и переписная кн. 1691 г. № 5, л. 118).

Разум.

Колода означала громадное корыто, выдѣланное изъ цѣльнаго почти дерева; она употреблялась въ разныхъ случаяхъ. Василій Гогара описываетъ выдѣлку сахара изъ тростника, которую онъ видѣлъ въ Египтѣ 1634 г., такимъ образомъ: «Какъ поспѣетъ камышъ, срѣзаютъ и кладутъ его въ скирдъ, а подъ скирдами сдѣланы великія колоды, подобно желобамъ, и кладутъ на него великія каменья для гнетовъ» (Сказ. Сахарова II, стр. 117—118). Въ Тамбовской губ. доселѣ колода служитъ мѣстомъ для корма лошадей. Колода, какъ средство заключенія преступниковъ, упомянута въ путешествіи Трифона Коробейникова 1582 года: «Да тутъ же колода каменная, говоритъ онъ, пробиты у ней двѣ диры, идѣже Жидове наругались Господу, и клали ноги его въ колоду и замкнули замкомъ» (Тамъ же II, 139; Матеріалы для ист. возмущ. Ст. Разина, Попова, стр. 32, подъ 1669 г.)

Арист.

Коломище—холмище или холмъ. Въ посланіи московскаго митрополита въ Новгородскую область 1534 г. между прочимъ сказано: въ Чуди мертвыхъ кладутъ по курганамъ и по коломищемъ (Доп. къ А. И. I, стр. 28—29; тоже повторено на стр. 58). Свидѣтельство для археологіи важное.

Арист.

архимандритъ новгородскій. Въ этомъ же смыслѣ усвоялось названіе архимандрита игумену печерскому. Въ половинѣ XVI в. митрополитъ Макарій. сдѣлалъ изъ игуменства въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ архимандрію, предоставилъ. съ утвержденія царя, ея настоятелю права: 1) облачаться среди церкви на коврѣ; 2) быть первымъ архимандритомъ всей Русской митрополіи; 3) управлять девятью мужскими и двумя женскими монастырями: 4) ставить въ подвѣдомственныхъ ему монастыряхъ игуменовъ и игуменій. Архимандриты начали постепенно усвоять себѣ разныя отличія, принадлежащія архіерейскому сану: такъ, сначала достигли права носить въ служеніи шапку, которая съ теченіемъ времени ничѣмъ уже не отличалась отъ архіерейской митры: усвоили себѣ право носить наперсный крестъ, что явилось первоначально въ Малороссіи. и только указомъ императрицы Елисаветы въ 1742 г. предоставлено и великороссійскимъ архимандритамъ. для отличія ихъ отъ игуменовъ. Теперь архимандритство представляется какъ бы саномъ среднимъ между пресвитерскимъ и епископскимъ; но такое представленіе возникло уже тогда, какъ стали ставить титулярныхъ архимандритовъ. На гробницѣ знаменитаго архимандрита Сергіевой Лавры Діонисія читалась надпись: преставися рабъ Божій і е р о м о н а х ъ Діонисій, архимандритъ Сергіевой Лавры. Объ отличіяхъ архимандритовъ у насъ въ Россіи см. Исторія іерарх. ч. I. стр. 594—600 и 615 и д. Избраніе въ архимандриты предоставляется епархіальнымъ архіереямъ, а производство на эту степень разрѣшается только Синодомъ. Посвященіе бываетъ во время малаго входа. съ произношеніемъ словъ: «Благодать Всесвятаго Духа, чрезъ мѣрность нашу, производитъ тя въ архимандрита честныя обители», при чемъ на посвящаемаго возлагается крестъ и митра, мантія съ скрижалями и палица. а по окончаніи литургіи вручается жезлъ.

Казан.

Архіепископъ (Ἀρχιεπίσκοπος)—собственно, начальный, главный епископъ. Хотя епископы всѣ равны по своей власти, но для сохраненія единенія между церквами, и для взаимной помощи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, еще Апостольскими правилами нѣкоторымъ изъ епископовъ усвояется право верховнаго надзора надъ другими епископами. Въ 34 правилѣ постановлено: «Епископамъ всякаго города подобаетъ знати перваго въ нихъ. и признавати его яко главу. и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія». Антіохійскій Соборъ (341 г.), повторяя это правило. дѣлаетъ объясненіе къ нему: «Въ каждой области епископамъ должно вѣдать епископа, въ митрополіи начальствующаго и имѣющаго попеченіе о всей области, такъ какъ въ митрополію стекаются всѣ имѣющіе дѣла. Посему разсуждено, чтобы онъ и честію преимуществовалъ, и чтобы прочіе епископы ничего особеннаго не дѣлали безъ него, по древле принятому отъ отецъ нашихъ правилу, кромѣ того токмо, что относится до епархіи. принадлежащія каждому изъ нихъ» (правило 9). По такому значенію каждый епископъ митрополіи могъ быть названъ архіепископомъ.

Но въ практикѣ церковной епископамъ митрополій не усвоялось названіе архіепископовъ. Епископу александрійскому первому усвояется титло архіепископа, вѣроятно по обширности діоцеза, зависѣвшаго отъ него въ церковномъ отношеніи, ибо онъ управлялъ церковными дѣлами во всемъ Египтѣ, Ливіи и Пентаполисѣ. Аѳанасій Великій называетъ своего предшественника Александра архіепископомъ (Apolog. 2, p. 791, по русскому переводу ч. 1, стр. 284). Въ письмахъ Исидора Пелусіота есть письмо, надписанное архіепископу Кириллу (кн. 1, п. 323). Епифаній Кипрскій называетъ архіепископами епископа александрійскаго Александра и его предшественника Св. Петра мученика (Haer. 78, c. 112. 7.). Но Епифаній называетъ также архіепископомъ и Мелетія, митрополита ѳиваидскаго, который былъ подчиненъ александрійскому епископу, и служилъ ему помощникомъ. Съ учрежденіемъ патріархатовъ названіе архіепископа стало усвояться исключительно патріархамъ (*) и тѣмъ митрополитамъ, которые остались автокефальными, т. е. не попали подъ зависимость отъ того или другаго патріарха. Такъ напр. епископъ города Констанціи въ Кипрѣ не призналъ себя зависимымъ отъ антіохійскаго патріарха и называется архіепископомъ (Дѣян. VII третьяго Всел. собора). Такіе же титулы усвоялись епископамъ Асіи, Понта, Ѳракіи. Тогда какъ митрополиты обыкновенно принимали посвященіе у своего патріарха, автокефальные архіепископы рукополагались соборомъ своего діоцеза. На Халкидонскомъ соборѣ митрополиты областей Асіи, Понта и Ѳракіи согласились сами принимать посвященіе у константинопольскаго патріарха и съ этимъ очевидно теряли право на титулъ архіепископа. Юстиніанъ 1-й, желая возвысить епископство въ первой Юстиніаніи пишетъ: volumus, ut non solum metropolitanus, sed etiam archiepiscopus fiat, et caeterae provinciae sub ejus sint auctoritate (Nov. XI). Кромѣ патріарховъ, въ древнее время присвоялось титло архіепископовъ: епископу ефесскому въ діоцезѣ Асійскомъ, епископу Кесаріи Каппадокійской въ діоцезѣ Понтійскомъ, кипрскому на островѣ Кипрѣ, ѳессалоникскому въ Македоніи или Иллирикѣ восточномъ, сирмійскому въ Иллирикѣ западномъ, медіоланскому въ діоцезѣ Италійскомъ, ліонскому въ Галліи, карѳагенскому въ Африкѣ, іоркскому въ Англіи. Впрочемъ надобно замѣтить, что въ собственноручныхъ подписяхъ, какъ это мы видимъ въ дѣяніяхъ Вселенскихъ соборовъ, и патріархи и архіепископы и митрополиты всегда подписывались просто епископами того или другаго города. Потому постановленіе третьяго Карѳагенскаго собора: «ut primae sedis episcopus non appelletur princeps sacerdotum aut summus sacerdos, sed tantum primae sedis episcopus» (**) совершенно соотвѣтствовало практикѣ восточной церкви. Архіепископъ, какъ автокефальный правитель извѣстнаго діоцеза, могъ созывать соборы и на нихъ предсѣдательствовать, принимать аппелляцію отъ митрополитовъ и провинціальныхъ соборовъ, разсматривать и изслѣдовать обвиненія на митро-

(*) Въ Дѣян. четвертаго Вселенскаго собора всѣмъ патріархамъ усвояется титло архіепископовъ.

(**) По книгѣ правилъ Соборныхъ—правило 48 Карѳаг. собора.

полита. Въ XXXVII Новеллѣ Юстиніана (с. 5) прямо предписывается, чтобы, въ случаѣ обвиненія митрополита, дѣло его разсматривалъ ближайшій его архіепископъ. Въ важныхъ дѣлахъ митрополиты не могли произносить рѣшеніе безъ его согласія (Халкид. Вселен. собора прав. 30). Архіепископы сообщали митрополитамъ императорскіе указы. Исидоръ Севильскій (Orig. l. 7. c. 12) пишетъ: «Архіепископомъ у Грековъ называется высшій изъ епископовъ: онъ занимаетъ мѣсто Апостола и имѣетъ предсѣдательство, какъ предъ митрополитомъ, такъ и предъ прочими епископами». Съ теченіемъ времени названіе архіепископа, сохранивъ древнее свое значеніе только въ титулѣ патріарховъ, стало обращаться въ одно почетное названіе. Два обстоятельства, повидимому, подготовили это измѣненіе: 1) патріархи, особенно константинопольскіе, постоянно стремились расширить свою власть и подчинить себѣ автокефальныхъ епископовъ. Такъ еще на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ архіепископы или екзархи Понта, Асіи и Ѳракіи согласились стать въ подчиненіе константинопольскому епископу. Девятое правило четвертаго Вселенскаго собора проложило путь къ подчиненію независимыхъ церквей константинопольскому епископу. Симъ правиломъ опредѣляется: «Аще же на митрополита области епископъ или клирикъ имѣетъ неудовольствіе: да обращается или къ екзарху великія области (діоцеза) или къ престолу царствующаго Константинополя и предъ нимъ да судится». Въ силу сего правила константинопольскій епископъ могъ простирать свое вліяніе на всѣ автокефальныя церкви и подчинить ихъ своей юрисдикціи. 2) Вторымъ обстоятельствомъ было стремленіе гражданскаго начальства отличать извѣстное лице или извѣстное мѣсто по выгодамъ либо личнымъ соображеніямъ болѣе почетнымъ титломъ. Такъ Валентъ, желая ослабить значеніе Василія Великаго, Каппадокію раздѣлилъ на двѣ митрополіи (Григ. Богосл. сл. 20). Двѣнадцатое правило четвертаго Вселенскаго собора постановляетъ: «Дошло до насъ, что нѣкіе, вопреки церковнымъ постановленіямъ, прибѣгнувъ къ властямъ, посредствомъ прагматическихъ грамотъ, единую область на двѣ разсѣкли, яко быти отъ сего въ одной области двумъ митрополитамъ. Посему опредѣлилъ Святый Соборъ, да ничто таковое не дерзаетъ творити епископъ. Ибо покусившійся на то низверженъ будетъ со своего степени. Градъ же, который по царскимъ грамотамъ почтенъ именованіемъ митрополіи, единою честію да пользуется, такъ какъ и епископъ управляющій его церковію, съ сохраненіемъ града истинной митрополіи». Вотъ откуда произошли первоначально титулярные митрополиты. На четвертомъ Вселенскомъ соборѣ много разъ отцы собора твердили, что каноны церковные важнѣе постановленій царскихъ и не могутъ быть отмѣнены ими, но сила часто брала свое. Этотъ же Вселенскій соборъ 17-мъ правиломъ постановилъ: «Аще царскою властію вновь устроенъ или впредь устроенъ будетъ градъ, то распредѣленіе церковныхъ епархій да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку». Все это давало свободу гражданской власти раздавать титулы церковные. Титулярные митрополиты занимали первое мѣсто послѣ митрополитовъ дѣйствительныхъ; они посвящались также какъ и настоящіе митрополиты. Для отличія отъ

дѣйствительныхъ митрополитовъ стало имъ усвояться титло архіепископовъ. Естественно, что они стремились выдѣлиться изъ-подъ зависимости митрополита областнаго, съ которымъ считали себя равными, и подчиниться непосредственно власти патріарха. Патріархи охотно, конечно, помогали этому стремленію. Въ каталогѣ епархій императора Льва (891 г.) перечисляется около 40 каѳедръ въ одномъ Константинопольскомъ патріархатѣ, которыхъ епископы освобождены были отъ власти мѣстныхъ митрополитовъ и подчинялись непосредственно патріарху; въ Іерусалимскомъ патріархатѣ ихъ насчитываютъ 25, а въ Антіохійскомъ 16. Эти епископы не имѣли подчиненныхъ себѣ епископовъ, но пользовались титлами архіепископовъ или митрополитовъ (Bingham. Antiqn. Eccl. t. I, p. 264, 265). Нилъ Доксопатръ въ своемъ сочиненіи о Патріаршествахъ, писанномъ около половины XII в., сказавъ, что патріархи раздѣлили свои діоцезы на екзархіи, митрополіи и архіепископіи, прибавляетъ: «въ прочихъ, меньшихъ городахъ они поставили епископовъ; если же нѣкоторые изъ городовъ епархіи были важны и не много уступали по своей значительности первому, такіе города сдѣлали архіепископіями, не имѣвшими впрочемъ подчиненныхъ себѣ епископій; ибо быть двумъ митрополитамъ въ одной провинціи было незаконно, развѣ только по царскому изволенію какая нибудь епископія отдѣлялась отъ митрополіи и удостоивалась отъ царя титла митрополіи, хотя бы городъ и не имѣлъ подчиненныхъ себѣ епископій, которыхъ былъ бы онъ митрополіею.» Вальсамонъ (XIII в.) пишетъ: «Святыми отцами установлено, чтобы діоцезы, имѣющіе много епископскихъ каѳедръ, управлялись митрополитами, которыхъ каноны называютъ протами (первыми), а тѣ города, которые не имѣютъ подчиненныхъ епископовъ, управлялись архіепископами, такъ что они ниже митрополитовъ и выше епископовъ» (Дюканжа Gloss. Graee. sub voce: Ἀρχιεπίσκοπος). Въ такомъ значеніи титло архіепископа перешло и въ Россію. Первый изъ епископовъ русскихъ, получившій титулъ архіепископа въ 1165 г., былъ новгородскій. Нельзя не замѣтить и того, что этотъ титулъ далъ поводъ новгородскимъ епископамъ домогаться независимости отъ кіевскаго и потомъ московскаго митрополита и стать въ прямое подчиненіе константинопольскому патріарху. Исторія крещатыхъ ризъ и бѣлаго клобука связана съ этими домогательствами новгородскаго архіепископа. Но въ Россіи званіе архіепископа осталось однимъ почетнымъ титуломъ, такъ же какъ послѣ учрежденія патріаршества и названіе митрополита потеряло свое древнее значеніе. См. Thomassini: De beneficiis. Moguneiae, 1787, par. I, lib. I, c. 3, 43. Bingh. Antiq. Eccl. vol. III, p. 570; vol. I, p. 264 и д. Дюканжа Gloss. Graec.

Казан.

Аспра, аспръ (ἄσπρη, ἄσπρα νομίσματα), бѣлая мелкая серебряная монета, въ родѣ русскаго пятачка серебромъ; эта бѣлка ходила въ Турціи и чрезъ Болгарію и Сербію знакома была нашимъ предкамъ, особенно по книгамъ, заносимымъ къ нимъ оттуда. Въ собраніи рукописей А. И. Хлудо-

ва, на Служебной Минеи начала XVI стол., сербскаго правописанія, отмѣчено рукою половины XVII в.: «Послѣдни въ чловѣцехъ и мьнши въ иноцехъ игуменъ... коупихъ сію книгоу и приложихъ на службу св. Николе... за сп ї, т. е. за 280 аспръ (Опис. рукоп. А. Поповымъ, № 157, стр. 312). Русскіе путешественники по востоку тоже знакомы были съ асправи, которыя Турки, вѣроятно, заимствовали отъ Грековъ. Арсеній Сухановъ писалъ въ 1651 г., что въ Іоппіи они давали на заставѣ по двѣ аспры съ человѣка и поѣхали въ Рамлю (У Сахарова II, стр. 203). Около 1520 г. аспра въ Турціи равнялась 8 мѣднымъ мангурамъ; 4 аспра составляли драхму; 9 драхмъ равнялись нѣмецкому талеру, который содержалъ 36 аспръ; въ червонцѣ венеціанскомъ было $1^1/_2$ талера нѣмецкихъ, или 54 аспра. За тѣмъ въ половинѣ XVI стол. до 1570 г. постоянная цѣна талера равнялась 40 аспрамъ, а червонецъ или султанинъ—60 аспрамъ; но потомъ цѣна аспръ упала до того отъ худаго ихъ качества или чеканки, что талеръ равнялся 80 аспрамъ. Въ XVI в. были аспры лучшаго и худшаго достоинства: первыя ходили въ Болгаріи, но вѣсомъ и достоинствомъ стояли ниже раннихъ, такъ что асланъ или левъ стоилъ 100 и потомъ 120 аспровъ. Въ 1639 году два вола продавались по 1400—1800 аспръ (Подробно объ аспрахъ можно читать въ сочиненіи Ю. Венелина: «Влахоболгар. грам». Спб. 1840 г., стр. 96 и далѣе, также: 271, 308).

Арист.

Батманъ—единица вѣса восточныхъ народовъ, употреблявшаяся въ Россіи и заключавшая въ разныхъ мѣстностяхъ разнообразныя количества. Байковъ въ своихъ запискахъ 1654 г. отмѣтилъ о китайскихъ цѣнахъ: «Пряныя зелья купятъ—перцу батманъ на серебро по 6 золотниковъ и по 5; гвоздики купятъ батманъ по 4 лана... меду купятъ батманъ по 2 золотника, чаю батманъ—по 2 зол.» (Сказ. Сахарова II, VIII, стр. 132). Нижегородскіе крестьяне въ 1663 г. за бортный ухожай обязались платить оброка ежегодно по 20 большихъ казанскихъ батмановъ меда (А. Юр. № 202). Этотъ батманъ заключалъ въ себѣ 14 фунтовъ нынѣшнихъ; но на заводахъ поташныхъ Оренбургской, и Казанской губ. батманъ золы вѣситъ 10 пудъ; вообще казанскій батманъ равняется осминѣ или четыремъ пудовымъ мѣрамъ (Словарь Даля I, стр. 47). Въ Турціи батманъ большой вѣситъ 25 фунтовъ, средній—19 ф., въ Бухаріи—равняется 7 пудамъ и 32 ф. русскимъ и т. п. (Словарь Акад. Рос. «Монета и вѣсъ», Прозоровскаго, стр. 588, 701).

Арист.

Бурцовъ-Протопоповъ, Василій Өедоровъ. До насъ дошло нѣсколько книгъ, изданныхъ въ Москвѣ въ 1633—1642 годахъ и напечатанныхъ, какъ значится въ послѣсловіяхъ къ нимъ, «подвиги и тщаніемъ, труды же

и снисканіемъ подъячего Василія Федорова сына Бурцова Протопопова». Сопиковъ, митроп. Евгеній и архіеп. Филаретъ поставляютъ Бурцова въ числѣ русскихъ писателей и издателей книгъ, а Д. И. Языковъ считаетъ его книжнымъ справщикомъ (см. Сопик. I, № 160; Слов. рус. свѣтск. писателей митр. Евг. и тотъ же Слов. т. I, изд. Снегиревымъ; Обз. рус духовн. литерат. преосв. Филарета). Изъ дѣлъ Печатнаго приказа видно, что Бурцовъ былъ только книгопечатнымъ мастеромъ въ Московской типографіи и завѣдывалъ одною техническою частію печатанія; справщиками были въ это время другія лица, которымъ и принадлежала собственно редакція книгъ, печатанныхъ «подвиги и тщаніемъ» мастера Бурцова (см. расходн. книгу Печатн. приказа о выдачѣ жалованья съ сентября 142 (1633) года, № 17, л. 3: «Книжново печатново дѣла мастеру Василью Бурцову государево денежное жалованье, и проч.; далѣе, л. 3 об. и 4: «Книжные справщики: Кожеозерскова монастыря игуменъ Аврамей... Старецъ Арсеней (Глухой)... Старецъ Сергѣй... Чтецъ вдовой дьяконъ Иванъ... Книжной писецъ Томило Степановъ). Имя свое Бурцовъ выставлялъ въ послѣсловіяхъ къ книгамъ своей печати, по примѣру всѣхъ предшествовавшихъ ему печатныхъ мастеровъ, начиная съ Ив. Ѳеодоровича и П. Т. Мстиславца. Въ должность мастера Бурцовъ поступилъ на Печатный дворъ изъ подъячихъ въ 1633 году, по указу патріарха Филарета; при чемъ 20 февраля того же года ему назначено то же жалованье, «что было мастеру Кондратью Иванову: денегъ 30 рублевъ, да за хлѣбъ за 40 юфтей 18 рублевъ, да поденново корму по рублю на мѣсяцъ, и всего 60 рублевъ» (расх. книга Печатн. приказа 1633 г. № 15, л. 67; о мастерѣ Кондр. Ивановѣ см. Свѣдѣнія о гравир. и граверахъ при Моск. Печатн. дворѣ въ XVI и XVII стол. В. Румянцова—въ кн. Ровинскаго: Русскіе граверы и проч., стр. 364 и 365). На Московскомъ Печатномъ дворѣ Бурцовъ устроилъ два новые книгопечатные стана и прибралъ къ нимъ мастеровыхъ людей для печатныхъ работъ (см. ту же расх. книгу № 15, л. 58: «книгъ печатново дѣла нового заводу, что по государеву указу къ государеву х книжному печатному дѣлу, къ новому заводу, къ дву станамъ прибралъ Василей Бурцовъ, наборщиковъ и тередорщиковъ и батырщиковъ и сторожей поверстали государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ противъ старыхъ становъ»). Бурцовъ былъ не только книгопечатникомъ, но и рѣзщикомъ типографскихъ буквъ, почему въ дѣлахъ Печатн. приказа и называется «книжново печатново азбучново дѣла мастеромъ» (тамъ же, л. 15 об.); онъ устроилъ и употреблялъ для печатанія книгъ особый шрифтъ или азбуку (полууставную, одного почти размѣра съ первопечатною азбукой, но другаго рисунка). Имъ же вѣроятно вырѣзаны (на деревѣ) и нѣкоторыя изъ украшеній, встрѣчающіяся въ книгахъ его печати, какъ наприм. картинка, приложенная къ Букварю и изображающая внутренній видъ тогдашняго училища.

Рум.

Діонисій Святогорецъ, архимандритъ Аѳонскаго Иверскаго монастыря, ученый Грекъ, жившій въ Москвѣ во 2-й половинѣ XVII вѣка. Когда и

по какому случаю Діонисій прибылъ въ Москву, намъ неизвѣстно. Въ 1663 году царь Алексѣй Михайловичъ указалъ ему «быть на Книжномъ Печатномъ дворѣ у книжной исправы на Арсеніево мѣсто Грека», при чемъ «жалованье и поденной кормъ велѣно ему справить противъ Арсенія Грека» (расх. кн. Печ. прик. 1663 г., № 64, л. 93), а именно: денежнаго жалованья по 70 рублей въ годъ, а поденнаго корму по двѣ гривны на день (тамъ же, л. 93 об. и расх. кн. № 71, л. 33 и об.) Въ званіи справщика Діонисій находился до 1669 или 1670 года (расх. кн. Печатн. прик. № 68 л. 44, слич. л. 115). Въ это время онъ отправился на Аөонъ, съ намѣреніемъ впрочемъ возвратиться въ Москву (см. ниже его челобитную); но этому намѣренію не суждено было исполниться. Исправляя должность справщика, Діонисій въ 1665 году, вмѣстѣ «со клевреты», свидѣтельствовалъ и исправлялъ назначенныя къ изданію Бесѣды Златоуста, переведенныя Максимомъ Грекомъ, а также переводы святоотеческихъ писаній, сдѣланные Епифаніемъ Славеницкимъ (см. Царск. № 122 и Толст. № 136). У Евгенія и Филарета онъ не значится въ числѣ писателей; между тѣмъ извѣстно, что онъ докончилъ и приготовилъ къ печати переводъ на русскій языкъ Хронографа Дороөея Монемвасійскаго, начатый Арсеніемъ Грекомъ. Этотъ переводъ, почему-то оставшійся ненапечатаннымъ, хранится между рукописями Патріаршей библіотеки (Румянц. муз. XCVII, слич. Указ. Патр. библ. архим. Саввы, стр. 267). Извѣстно также «писаніе окольничему Ө. М. Ртищеву», о богоявленскомъ освященіи воды, подписанное митрополитомъ Софроніемъ и Иверскимъ архимандритомъ Діонисіемъ (Опис. рукоп. Толст. I, № 116). Діонисій принималъ участіе и въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ: подъ дѣяніями Московскаго собора 1666—1667 г. находится и его подпись (Доп. къ Авт. Ист. т. V, № 102, стр. 476). Для характеристики этого лица и для исторіи русскаго просвѣщенія того времени любопытна челобитная, которую подалъ Діонисій Святогорецъ царю Алексѣю Михайловичу, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы на Аөонъ:

«Благочестивѣйшему и тишайшему Боговѣнчанному Вел. Гос. Ц. и Вел. Кн. Алексѣю Михайловичу всея Вел. и Мал. и Бѣл. Россіи Самодержцу, искренній богомолецъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Святогорецъ архимандритъ Діонисій, на Вашей Царской Пресвѣтлой милости и жалованьѣ, еже улучихъ, живучи у Вашего Пресвѣтлаго Царскаго Величества, зело благодарю и премного челомъ бью. Нынѣ по упрошенію преосвященнаго Паисія, митрополита Газскаго, чрезъ стольника и полковника Артамона Сергѣевича, ради Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества дѣлъ и ради церковные потребы и общія пользы, оставилъ моихъ книгъ у него, Газскаго митрополита, и на тѣ книги Вашему Царскому Пресвѣтлому Величеству подъ сею челобитною извѣщеніе полагаю.

Именованіе книгамъ, ихъ же оставилъ у Газскаго митрополита азъ, архимаритъ Діонисій:

Книга въ десть печатная: Икуменій, сирѣчь толкованія на Дѣянія Святыхъ Апостолъ, и на Посланія Святаго Апостола Павла многихъ учителей толкованія, и Апокалипсисъ съ толкованіемъ.

Книга въ десть: Великаго Василія; въ началѣ Шестодневъ и прочія всѣ книги его.

Книга печатная въ десть: Двадесять четыре Пророки и Новый Завѣтъ.

Книга писменая въ полдесть: въ началѣ Матѳеевы правила и иныя разныя вещи зело потребныя.

Книга писменая въ полдесть: въ началѣ Матѳея ко Іюдеомъ и Марка Святѣйшаго Ефесскаго митрополита ко Латиномъ многія слова изряднѣйшія, и иныя разныя вещи.

Книга писменая харатейная въ четь: Аѳанасія Александрійскаго ко Антіоху вопросы и отвѣты.

Книга писменая въ четь: Іоанна Дамаскина богословская.

Книга писменая въ четь: Іоанна царя Катакузина на Моамеѳа, сірѣчь на Куранъ.

Книга печатная въ полдесть: Омира Иліада и Одисія, съ великимъ толкованіемъ пространнымъ.

Другая въ четь печатная: Омира Одисія и Жабо-мыша-борства (т. е. Μυοβατραχομαχία).

Книга печатная въ полдесть: Поливіева.

Книга въ четь: Максима Маргунія Бесѣды.

Книга печатная философская въ четь, пятнадесять степеней.

Книга печатная въ четь: Ариѳметика.

Книга Омира меншая.

Одиннадцать тетратей поученія нѣкотораго учителя.

А егда Богъ изволитъ паки быти ми къ Вашему Царскому Величеству въ Москвѣ, тѣ книги паки ми взять у него митрполита. Аще же Божіимъ изволеніемъ въ нашей странѣ укратится животъ мой, тѣ книги всѣ да будутъ у Твоево Государева дѣла на Печатномъ дворѣ, въ присную память трудовъ моихъ».

Рум.

Изарбаѳъ—матерія съ золотыми и красными полосами, по которымъ, мѣстами, вытканы были травки разныхъ шелковъ. Въ XVII в. опа употреблялась на подризники, а также па опоясья и зарукавья стихарей. Въ приходорасходной книгѣ 1681 г. значится, что для патріарха купленъ былъ «изарбаѳъ» полосатой, полосы золотныя и красныя, по нихъ травки разныхъ шолковъ, 7 арш. 1 вершокъ, цѣною въ 10 рублей (см. Арх. Мин. Юстиціи, Монастырскаго приказа № 4, л. 68).

Разум.

Инрогъ, единорогъ—носорогъ, котораго въ средніе вѣка представляли животнымъ съ свойствами фантастическими. Въ азбуковникахъ XVI—XVII стол. единорогъ изображается такъ: «звѣрь, подобенъ есть коню, страшенъ и непобѣдимъ, промежъ ушію имать рогъ великъ, тѣло его мѣдяно, въ розѣ имать всю силу. И внегда гонимъ, возбѣгнетъ на высоту и ввержетъ себя

долу, безъ пакости пребываетъ. Подружія себѣ не имать, живетъ 532 лѣта. И егда скидаетъ свой рогъ вскрай моря, и отъ него возрастаетъ червь; а отъ того бываетъ звѣрь единорогъ. А старой звѣрь безъ рога бываетъ не силенъ, сиротѣетъ и умираетъ» (Сказ. Сахарова II, 1, стр. 156). Рогъ единорога употреблялся на разныя издѣлія, наприм. на посохи и скипетры, и цѣнился весьма дорого, особенно потому, что онъ считался чудеснымъ цѣлительнымъ средствомъ въ разныхъ болѣзняхъ, во время моровой язвы, и предохраняющимъ отъ порчи. До 1612 г. Беръ писалъ, что московскій царскій скипетръ, взятый Поляками, «изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмѣвалъ все драгоцѣнное въ мірѣ». Маскевичъ въ 1614 г. высказалъ, что Полякамъ за службу выдали въ Москвѣ двѣ или три кости единорога, и депутаты при оцѣнкѣ ихъ нелыкомъ шили, а порядкомъ обманывали шляхтичей. Дѣйствительно, изъ росписи видно, какая высокая оцѣнка положена цѣновщикомъ Николаемъ: «Единорожцовъ рогъ цѣлой—цѣна 140,000 руб., а польскими золотыми—465,333 зол. 10 грошей. Другой единорожцовъ рогъ не цѣлой, съ обоихъ концовъ утертъ... 209,000 польскихъ золотыхъ... И всего обѣимъ единорожцамъ, какъ цѣнилъ Николай,—674,333 золотыхъ польскихъ и грошей 10». Но по прибытіи въ Польшу, паны должны были продавать единороги очень дешево; такъ посохъ изъ единорога оцѣнили только въ 24,000 злотыхъ, вѣроятно выбравъ напередъ каменья дорогія. Маскевичъ замѣчаетъ, что при дележѣ нѣкоторымъ платили только единорогомъ и оцѣнивали лотъ его въ 300 злотыхъ. Адамъ Жолкѣвскій удивился, увидавъ, какіе громадные инороги находились въ Москвѣ, и прибавилъ, что цѣльнаго рога въ иныхъ государствахъ онъ никогда не видывалъ; а такой, какъ початый московскій рогъ, за границей цѣнили купцы въ 200 тысячь золотыхъ угорскихъ. Рогъ единорожца терли для употребленія въ лѣкарство. Маржеретъ замѣчаетъ объ этихъ рѣдкихъ московскихъ драгоцѣнностяхъ слѣдующее: въ царскихъ кладовыхъ находились «двѣ цѣлыя кости единорога, царскій посохъ также изъ цѣлой кости во всю длину, съ поддѣльною рукоятью, и половина единороговой кости, употребляемой ежедневно въ лѣкарство (Чт. Общ. 1847 г. № 3, Смѣсь). Цѣлебныя свойства инрога засвидѣтельствованы, какъ теоретическими ученіями стариннаго времени, такъ и лѣчебной практикой. Изъ дѣла 1623 г. видно, что царскую невѣсту Марью Ив. Хлопову, когда она занемогла передъ свадьбой, поили святой водой съ мощей и давали кость инорога съ камнемъ безуемъ (Собр. грам. и догов. III, 63—5, 98). Въ 1655 г. иноземецъ Марселисъ представилъ для продажи въ Аптекарскій приказъ три кости единорога; докторъ Гартманъ по осмотрѣ ихъ, сказалъ: «тѣ роги по признакамъ, какъ философи пишутъ, прямые (настоящіе) инроговые роги; два долгихъ роговъ, что онъ такихъ великихъ не видалъ въ иныхъ государствахъ: въ Цысарской и въ Турской земли,—и онъ прямо вѣдаетъ, что тѣ роги прямые инроговые изъ Кронлянской земли, гдѣ дикіе люди такіе роги находятъ. А лѣкарства въ тѣхъ рогахъ: у которыхъ людей бываетъ лихоратка и огневая (горячка), и отъ мороваго повѣтрія, или кого укуситъ змѣя, и отъ чорной немочи; а тѣ де роги при-

родные, а недѣланые, а принимать того рога противъ 12 зеренъ съ каменемъ съ безуемъ, съ теплымъ ренскимъ или въ романеи или въ кинареи, и послѣ того потѣть; а меньшой рогъ имѣетъ тужъ силу, что и болшіе два рога, и которой рогъ болши, тотъ подороже, и толко дать за два рога болшихъ 5000 рублевъ, а меншой рогъ мочно дать менши 1000 р. А отъ мороваго повѣтрія тѣ роги имѣютъ силу болшую: у котораго человѣка объявится моровое повѣтріе, и того рога тотъ часъ пріимать съ безуемъ и потѣть, и послѣ того моровое повѣтріе минуется» (Доп. къ А к. Ист. IV, стр. 31). Въ походной царской аптекѣ 1673 г. находилось безую 5 нарядовъ съ инроговою костью, а 5 нарядовъ безъ кости (Доп. къ А к. Ист. VI, стр. 323).

Арист.

Кежа, полосатая матерія, въ XVII в. употреблялась на подольники и рукава стихарей, а также и на опушку ихъ. Косякъ Кежу стоилъ 1 р. 50 к., такъ что аршинъ этой матеріи обходился въ 20 или 25 к., или отъ 6 алт. 4 денегъ до 8 алт. 2 денегъ (Арх. Минист. Юстиціи, Монастырскаго приказа приходорасх. кн. 1695 г. № 39, л. 189, и переписная кн. 1691 г. № 5, л. 118).

Разум.

Колода означала громадное корыто, выдѣланное изъ цѣльнаго почти дерева; она употреблялась въ разныхъ случаяхъ. Василій Гогара описываетъ выдѣлку сахара изъ тростника, которую онъ видѣлъ въ Египтѣ 1634 г., такимъ образомъ: «Какъ поспѣетъ камышь, срѣзаютъ и кладутъ его въ скирдъ, а подъ скирдами сдѣланы великія колоды, подобно желобамъ, и кладутъ на него великія каменья для гнетовъ» (Сказ. Сахарова II, стр. 117—118). Въ Тамбовской губ. доселѣ колода служитъ мѣстомъ для корма лошадей. Колода, какъ средство заключенія преступниковъ, упомянута въ путешествіи Трифона Коробейникова 1582 года: «Да тутъ же колода каменная, говоритъ онъ, пробиты у ней двѣ диры, идѣже Жидове наругалися Господу, и клали ноги его въ колоду и замкнули замкомъ» (Тамъ же II, 139; Матеріалы для ист. возмущ. Ст. Разина, Попова, стр. 32, подъ 1669 г.)

Арист.

Коломище—холмище или холмъ. Въ посланіи московскаго митрополита въ Новгородскую область 1534 г. между прочимъ сказано: въ Чуди мертвыхъ кладутъ по курганамъ и по коломищемъ (Доп. къ А. И. I, стр. 28—29; тоже повторено на стр. 58). Свидѣтельство для археологіи важное.

Арист.

Кра, крица; слово это употреблялось въ значеніи куска или полосы твердаго тѣла, наприм. льда и металла. Въ 1135 г. князь Всеволодъ съ братьями выступилъ съ войскомъ изъ Чернигова, но «нелзѣ бо бѣше перевезтися крами», т. е. отъ ледяныхъ икоръ (Ипат. 13). Древнее слово: крѣчь значитъ кузнецъ, ковачъ желѣза, а крица—кусокъ металла; въ путевыхъ запискахъ казацкаго атамана Петрова 1567 г. о Китайцахъ замѣчено: «серебро у нихъ крицами по 53, а по нашему рубль, а по ихъ—лянъ» (Сказ. Сахарова II, VIII, 186). Крицей назывался въ Сибири опредѣленный кусокъ желѣза вѣсомъ въ 12 пудовъ (См. Словарь Даля). Въ Туринскомъ острогѣ 1622 г. упоминаются въ расходѣ три крицы желѣза. пятеры ральники, свинецъ, ядра затинныя и т. под. (Ак. юр. быта II, стр. 308—9). Въ Курской губ. доселѣ крицей называютъ томленую сталь (Областн. Словарь, 93).

Арист.

Купецкая палата. Въ дѣлахъ Печатнаго приказа XVII вѣка встрѣчаются слѣдующія упоминанія о Купецкой палатѣ: а) расходн. книга 1631 г. № 15, л. 52: «іюля въ 9 день, по указу вел. госуд. святѣйшаго Филарета Никитича, патріарха моск. и всеа Русіи, и по памяти изъ его государева патріарша Розряду, за приписью дьяка Гаврила Левонтьева, въ Купецкую палату къ гостю къ Оноѳрею Васильеву съ товарищи, за бумагу, что въ прошломъ во 140-мъ году, сентября въ 11 день, дьякъ Миня Быковъ взялъ ис Купецкіе полаты х книжному печатному дѣлу на Уставы да на Апостолы бумаги сто стопъ орлику подъ вѣнчикомъ, по дватцати по три алтына по двѣ денги стопа, итого семдесятъ рублевъ»; б) расход. книга 1642 г. № 40, л. 470: «150 году,—Купецкіе полаты. На Книжной печатной дворъ, къ полатному дѣлу на связи, и на рѣшетки въ окна, и къ дверямъ на подставки, куплено желѣза тулскаго двѣсти восмьдесятъ два пуда тритцать три гривенки, по двадцати по три алтына по двѣ денги пудъ, итого за желѣзо дано сто девеносто семь рублевъ тритцать два алтына полчетверты денги. Потапъ Яковлевъ за государево желѣзо въ Купецкую полату денги взялъ всѣ сполна и руку приложилъ». Что за учрежденіе была Купецкая палата и къ какому вѣдомству она принадлежала?—Изъ словъ: «за государево желѣзо» видно, что эта палата завѣдывала царскою торговлею, т. е. покупала и продавала собственно царскіе товары (О царск. торговлѣ слич. Котошихина, изд. 2-е, стр. 120 и 121). Эту торговлю, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста, производили въ ней гости съ товарищи (о производствѣ гостями царской торговли слич. Котоших. гл. X).

Румян.

Кутня—родъ тесьмы, тканой полосами красными и бѣлыми. Въ 1681 г. 25 апр. для патріаршаго обихода куплено было 7 арш. кутни, красными

и бѣлыми полосами, и заплачено за нихъ 3 р. (Арх. Минист. Юстиціи, Монастырскаго приказа приходорасходная книга 1681 г. № 4, л. 81).

Разум.

Ланцуга, ланцухъ, ланцушекъ, означаетъ всякую цѣпь или металлическій шнурокъ; въ старинныхъ азбуковникахъ XVI и XVII стол. слово это замѣняютъ слѣдующія названія: гривна, монисто, завора, тресна, поворозъе, узы, вязенье, вериги, ужище (Сказан. Сахарова II, стр. 31, 59, 87, 106, 108, 133). Въ 1576 г. посолъ Янъ Кобенцель привезъ въ подарокъ московскому царю отъ цезаря Максимиліана «ланцугу золоту съ каменьемъ, а на ней имя цесаря римского и съ его цесарскимъ вѣнцомъ» (Памятн. диплом. снош. I, 513). Цѣпочка серебряная у часовъ Епифанія Славинецкаго названа также ланцугой. См. слово: Зегарь.

Арист.

Мѣрникъ — большая кадка, которая употреблялась въ XVI ст. при закваскѣ меда. Обыкновенно, сваренный въ котлѣ медъ съ хмѣлемъ сливали въ мѣрникъ, а послѣ броженія разливами по бочкамъ. Въ Домострояхъ половины XVI. стол. встрѣчаются наставленія, какъ обарный медъ сытить, и тутъ, между прочимъ, прибавлено: «уварить того меда съ хмѣлемъ до половины, и въ тѣ поры сливать изъ котла въ мѣрникъ; а послѣ укрой хлѣба натерти дрожжами съ патокою, да припечь у печи, и положить въ мѣрникъ», т. е. для закваски меду. Судя по тому, что въ наставленіяхъ предлагается каждый пудъ меду разсытить водой въ семеро, — мѣрникъ долженъ былъ вмѣщать пудовъ 7 жидкости или болѣе (Домострой. 164; Сказ. Рус. Нар. Сахарова II, VI, 112—113). Въ 1565 г. послана грамота въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, чтобы для пріѣзда государя изготовлены были пива и меды, дали бы пивоварни и погреба; «а къ медвеному бы ставленью и къ пивомъ велѣли сытнику давати котлы, и чаны, и мѣрники, и площадки, и бочки, и сита, и рѣшета» и проч. (А. Эксп. I, № 270, стр. 308). Въ настоящее время мѣрникомъ называется чанъ или бочка на винокуренныхъ заводахъ, къ которой прикрѣпляется стеклянная трубка въ видѣ градусника и показываетъ количество ведръ спирта, налитаго въ ней.

Арист.

Мятель — дорожная, осеняя и зимняя, одежда, съ разными украшеніями. Въ приходорасходной книгѣ 1668 г. на л. 19, подъ 24 окт. замѣчено: выдано изъ казны мятель вишневой въ походъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь Филиповскому черному попу Іонѣ, а у мятеля нашивка

шелковая золотомъ, подложенъ отласомъ» (Арх. Минист. Юстиціи. Монастырскаго приказа кн. № 7).

Разум.

Нарта—сибирскія салазки, въ которыхъ ѣздятъ на собакахъ и на оленяхъ. Слово это часто встрѣчается въ оффиціальныхъ актахъ XVII в. Въ восточной Сибири Русскіе иногда на себѣ возили нарты въ крайнихъ случаяхъ и могли тащить не болѣе четырехъ пудовъ: самая нарта стоила въ 1640 г. полтину, а то и 20 алтынъ (Доп. къ А. И. II, стр. 239). Отписка воеводъ сибирскихъ 1641 г. сообщаетъ: «впередъ де, государь, для твоего ясаку на Ангару рѣку ходить нельзя, нартами хлѣбнаго запасу не завесть» (Тамъ же, стр. 260). Въ 1647 г. Поярковъ шелъ изъ Якутска до р. Зіи нартами 6 недѣль (Тамъ же, III, 103). Нарты были разныхъ сортовъ, смотря по тому, какая сила ихъ двигала: человѣкъ могъ везти нарту небольшую; на собакахъ ѣздили въ нартахъ до 6 аршинъ длины и до 1 арш. ширины; для ѣзды на оленяхъ употреблялись санки короче и шире предъидущихъ. Памятники различаютъ нарты грузныя и обыкновенныя (Доп. къ А. И. III, № 92; см. также стр. 56; III, 281; Словарь Даля II, 1051).

Арист.

Нерпа значитъ тюлень; такъ называется онъ часто въ русскихъ актахъ XVII стол. Изъ Сибири пишутъ замѣчательные колонизаторы ея и желѣзные труженики 1641 г. слѣдующее: изъ р. «Ламы вышла тунгуская вершина, а рыба въ Ламѣ всякая болшая есть, и звѣрь морской нерпа, а вода стоячая» (Доп. къ А. И. II, стр. 251). Въ 1652 г. посланъ былъ Иванъ Уваровъ съ товарищи для розыска уѣхавшаго по Амуру Хобарова, и они въ своей отпискѣ выражаются такъ: «находили мы на берегу по край лося битаго, звѣря морскаго нерпу, да моржа, и тѣмъ мы душу свою оскверняли, нужи ради питалися» (Доп. къ А. И. III, стр. 355).

Арист.

Новгородъ. Библіографическій указатель сочиненій о Новгородѣ за 1859—1863 годы.

1859 годъ.

1. Замѣчанія о Новгородской губерніи и Новгородѣ, К. Н. Отто. Русскій Дневникъ, № 47 и 48; 9 страницъ. По поводу выхода въ свѣтъ Памятной книги Новгородской губерніи.

2. Путевыя письма изъ Новгородской губерніи, П. Якушкина. Русская Бесѣда, 4; 76 стр. Авторъ этихъ писемъ былъ ревностный помощникъ

покойнаго П. В. Кирѣевскаго въ собираніи пѣсенъ и исходилъ не одну губернію вдоль и поперегъ, подъ видомъ разнощика съ товарами.

3. Изъ путевыхъ записокъ странника. Бѣлозерскъ. Бѣлозеръ. СПБ. Въ тип. Губ. Правл. 1859 г., въ 8-ю д. л.; 18 стр. Въ этой статьѣ помѣщены описанія: древнѣйшей (каменной) церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ г. Бѣлозерскѣ, Кирилло-Новозерскаго монастыря, Кургана Синеуса и Боровичей (отд. оттискъ изъ «Русскаго Худ. Листка» 1859 г. №№ 12, 15 и 19).

4. Прогулка изъ Новгорода въ Старую Руссу и ея окрестности, Н. Отто. Рус. Дневникъ № 106, 114, 118, 121 и 123. а) Отъ Новогорода до Коростыня. б) Отъ Коростыня до Старой Руссы. в) Старая Русса. г) Отъ Старой Руссы до Свинарта. д) Отъ Свинарта, чрезъ Сольцу, до Новгорода.

5. Замѣтки на пути изъ Новгорода въ Олонецкую губернію, Н. Отто. Русскій Дневникъ № 9, 10, 11, 29, 30 и 31: 42½ стр.

6. Лѣтняя прогулка въ Новгородъ и Старую Руссу, Николаева. Семейный Кругъ IV и V, 4, стр. 104—122, и Производитель и Промышленникъ, 55—59; 38½ стр.

1860 годъ.

7. Устюжна, Е. А. Поливина. Архивъ Н. Калачева 1859, № 6, стр. 15—26.

8. Посѣщеніе Антоніева Дымскаго монастыря, К. Петрова. Странникъ, 10; стр. 73—86. Этотъ монастырь находится въ 15 верстахъ отъ Тихвина.

9. Жизнь Антонія Римлянина, новгородскаго чудотворца, съ приложеніемъ краткаго историческаго свѣдѣнія о новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ. СПБ. 1860; тип. Штаба Корпуса Вн. Стражи; въ 8-ю д. л.; 20 стр.

10. Новгородскія святыя мѣста. Составилъ причетникъ Павелъ Вихровъ. Новгородъ, 1860. Въ тип. Новг. Губ. Правл. въ 8-ю д. л.; 57 стр.

11. Изъ дорожныхъ записокъ, статья А. Н. Лучи; 10 стр. Лопотовъ монастырь.—Семигородная пустынь.—Заоникіева пустынь.—Монастырь Сямскій.—Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.—Становица оленей.—Ягорбское озеро.

12. Преданія о кладахъ. Матеріалы для исторіи Новгородскаго края, Ф. Воропонова. Одеській Вѣстникъ, № 107.

13 Сказка о славянскомъ богатырѣ Вадимѣ, о красной дѣвицѣ Людмилѣ и о мудромъ старцѣ Гостомыслѣ. Москва. Въ тип. А. Семена, 1860; въ 12-ю д. л.; 116 стр.

14 Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній, П. Якушкина. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. Въ тип. С. Струговщикова. 1860. Въ 8-ю д. л.; 204 стр.

15. Вѣсти изъ Новгорода. Русское Слово, 2, стр. 27—43. Лѣтняя прогулка въ Новгородъ и Старую Руссу. Нѣсколько страницъ изъ записной кн. А. Н—ва. СПБ. 1860; въ типогр. Морск. Кад. Корпуса; въ 8-ю д. л.; 33 стр.

16. Отъ Новгорода до Тихвина, Н. Отто. Сѣверная Пчела, № 81; 12½ стр.

17. Отъ Тихвина до Устюжны, Н. Отто. Сѣверная Пчела, № 121.

18. Отъ Устюжны до Боровичей, Н. Отто. Сѣверная Пчела, № 123.

19. Путевыя письма. Сѣверная Пчела, № 257. 1-е письмо писано изъ деревни Пестова Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда.

1861 годъ.

20. Старая Русса. Семейный Иллюстрированный Листокъ, № 170.

21. Соборъ Св. Софіи въ Новгородѣ. Семейный Иллюстрированный Листокъ, № 104.

22. Отрывки изъ описи новгородскаго Софійскаго Собора, Н. К. Купріянова. Извѣстія Имп. Археол. Общества, т. III, вып. 5.

23. Описи новгородскихъ церквей въ писцовой книгѣ по Новгороду 1628 и 1629 г. Доставлены Н. Ивановымъ. Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества, т. III, вып. 5.

24. Благовѣщенскій монастырь въ Новгородѣ. Калейдоскопъ, № 49.

25. Кирилло-Новозерскій монастырь. Статья П. В. Иллюстрація, № 189.

26. Описаніе новгородскаго общежительнаго первокласнаго Юрьева монастыря. Соч. архимандрита Макарія. Изданіе 2-е. СПБ. 1862; въ тип. Э. Веймара; въ 8-ю д. л.; 33 стр.

27. Село Короцко, В. Терюхина. Новгородской Губ. Вѣд., № 39. Село Короцко лежитъ въ 5. верстахъ отъ Валдая по почтовому тракту въ Демьянскъ.

28. О древнемъ бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности, на основаніи обычаевъ, преданій, повѣрій и пѣсенъ, К. Аксакова. Полное собраніе его сочиненій 1861 г., т. 7, стр. 311—319.

29. Сказаніе о бытѣ Славянъ. Соч. В. Макушева. СПБ. 1861; въ тип. Э. Веймара; въ 8-ю д. л. IV, 178 и XI стр. Разборъ книгъ г. Макушева помѣщенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», № 10-й.

30. Лубочныя картины Русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Соч. И. Снегирева. Москва; Униворс. типографія; 1861 г.; въ 8-ю д. л.; 136 стр. Въ этомъ сочиненіи заключается много матеріаловъ для этнографіи Россіи. Разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ газетѣ «Наше Время», № 26, ст. Л. Блюммера.

31. Преданія о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ. Заимствовано изъ Словаря русскихъ суевѣрій, изд. въ 1782 г. Москва; въ тип. С. Орлова, 1861 г.; въ 8-ю д. л.; на 184 стр. Изд. г. Шамова.

32. Суевѣрія въ Новгородской губерніи, П. Острякова. Новгородскія Губ. Вѣд., № 46. О домовомъ, водяномъ лѣшемъ и оборотнѣ. Кладъ, разсказъ крестьянина, П. Бѣлавина; Новгородскія Губ. Вѣд., № 12, 13 и 14.

1862 годъ.

33. Путеводитель по Новгороду съ указаніемъ на его церковныя древности и святыни. СПБ. 1862 г.; въ тип. Э Веймара; 39 стр.

34. Путеводитель по Новгороду. Справочная книга для ѣдущихъ на открытіе памятника тысячелѣтія Россіи. СПБ. Въ тип. Маркова; 1862; 27 стр.

35. Русскія святыни и древности Великаго Новгорода. Соч. гр. М. Толстаго. Москва; въ Универс. тип. 1862. Описаніе 12 монастырей.

36. Рюриково городище въ Новгородѣ. Сынъ Отечества, XVII (Воскресный №)

37. Новгородскія письма. Сѣверная Почта, № 104, 112, 118, 133, 145, 174, и 187. Эти письма касаются древней топографіи Новгорода. Во 2 и 3-мъ письмѣ говорится о Новгородскомъ Кремлѣ (1044.)

38. О конькахъ на крестьянскихъ крышахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской и Новгородской губ. Письмо Н. И. Суворова къ В. В. Стасову. Извѣстія Археолог. Общества, т. IV, вып. 2-й.

39. Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія (двѣ лекціи изъ курса исторіи рус. литературы), Ѳ. И. Буслаева. Лѣтописи Рус. Литературы, т. IV.

40. Древняя Новгородская пѣсня, Р. Игнатьева. Иллюстрація, № 202. Эта пѣсня начинается такъ: «У моего ли та родна батюшки» и проч. Тутъ же помѣщены и ноты напѣва этой пѣсни.

41. Отъ Петербурга до Новгорода. М. Х. (Изъ путев. замѣтокъ). Новгородъ; 1862; въ тип. Минскаго; VI и 119 стр.

42. Письма изъ Новгорода. Разныя статист. и историческія свѣденія. Новгородскія Губ. Вѣд. № 28, 30 и 32—35.

1863 годъ.

43. Новгородъ. Голосъ, № 211, 247 и 324.

44. Тихвинъ. Сѣв. Почта, № 51.

45. Монастыри и церкви въ Устюжнѣ Желѣзопольской, Поливина. Архивъ Н. Калачева, 1860—61, кн. 5, стр. 30—52.

46. Новгородскій соборъ Св. Софіи. Воскресный досугъ, № 46.

47. Саввинъ монастырь. Иллюстрированный листокъ, № 74.

48. Опись монастыря Николая Чудотворца на Ляткѣ, близъ Рюрикова городища, подъ Новгородомъ. Сообщ. Н. К. Купріяновъ. Извѣстія Имп. Археологическаго общ. т. IV, вып. 5.

49. Празднества древняго Новгорода, Купріянова. Новгор. Губ. Вѣдомости 1859, № 1, стр. 29. Крестные ходы, мѣстные праздники и другія церковныя торжества древняго Новгорода.

50. Живые остатки язычества, П. Рубинова. Новгородскія губ. вѣд., № 19. О приношеніи въ жертву, предъ начатіемъ сѣнокоса, быковъ въ селѣ Чужгѣ Кирилловскаго уѣзда. О борьбѣ, о лѣшихъ, о водяныхъ и домовыхъ.

Богословск.

Позмогъ—желѣзная мѣра въ четверть величиной; она была въ ходу въ Соликамскѣ для взвѣшиванья и измѣренія хлѣба въ XVI и XVII стол.

Познокъ иногда называется просто четью, но онъ имѣлъ ту разницу съ нею, что заключалъ въ себѣ вѣсу больше: въ четверти старинной было 4 пуда, а познокъ равнялся пяти пудамъ. Въ 1605 г. велѣно было собрать въ Байгородѣ, Усольѣ, Чердыни, на жалованье ратнымъ людямъ муки, крупы, толокна и проч., съ вѣсъ государевъ, въ желѣзный познокъ въ пять пудъ, отправлено [illegible] на вывѣсѣ» (А. Юр. II. стр. 834; ср. также стр. 591, 595). Въ Пермскомъ Сборникѣ (к. I, стр. 123—9) разъясненіе мѣры познога невѣрно.

Архет.

Приспа — тоже, что сопъ, т. е. земляная насыпь, иногда валъ, а [illegible]. Въ 988 г., при осадѣ Корсуня, Св. Владиміръ велѣлъ дѣлать приспу къ городу, а Греки [illegible] крали ее: «сосуны перекопавъ въ Корсунѣ [illegible], еже сыпаша среди града, прсыпаше приспу» (П. С. Лѣт. I. [illegible]). [illegible] въ 14[illegible] г. [illegible] въ Царѣградѣ разные памятники и [illegible], что у [illegible] составлены стоять на сопъ, а сопъ есть [illegible], а на сопъ томъ [illegible] 4 [illegible], а [illegible] 1 сажень» (Сказ. Сахарова II. VIII. 61).

Архет.

Пятна и знамена. Такъ называются особые знаки или клейма, которые крестьяне кладутъ [illegible] на движимую собственность, скотъ и другія вещи, съ [illegible] собственности и [illegible]. Эти знаки состоятъ изъ [illegible] [illegible] [illegible]. Пятна и знамена суть [illegible]. Въ русскомъ быту пятна и знамена употреблялись съ древнѣйшихъ временъ: о нихъ встрѣчаются извѣстія на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей (1), въ Русской Правдѣ (2), въ Литовскомъ Статутѣ (3). [illegible] Съ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] клейма съ [illegible].

(1) Такъ, по [illegible] 1.49 [illegible] [illegible].

(2) Русская правда, изд. [illegible] [illegible].

(3) [illegible] стр. 226, 12[illegible].

Въ [illegible] Ч. [illegible] И. С. [illegible].

Рогатка, рогулька, употреблялась для пресѣченія побѣга преступникамъ. Въ 1654 г. въ Смоленскѣ упоминаются въ складѣ крѣпости рогульки желѣзныя, трубки жестяныя и проч. (Доп. къ А. И. III, 443). Помѣщикъ тульскій Левъ Измайловъ до 1827 г. дѣлалъ страшныя жестокости крестьянамъ своимъ и, между прочимъ, за малѣйшіе проступки содержалъ ихъ въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ, на стѣночныхъ цѣпяхъ и заклепанныхъ на шеѣ желѣзныхъ рогаткахъ, которыхъ было въ помѣстьѣ болѣе 200, и въ нихъ ходили по году и больше (Рус. Арх. т. VI, 65).

Арист.

Сапца или сапецъ—единица мѣры для сыпучихъ тѣлъ, которая употреблялась въ XVI и XVII стол. въ предѣлахъ Соликамскихъ; сапцею измѣряли разнаго рода хлѣбъ и особенно соль; вѣсу въ ней заключалось 6 пудовъ. Въ сдѣлкѣ братьевъ Строгановыхъ 1639 г. встрѣчаемъ извѣстіе: въ Новомъ Усольѣ «добрые сухіе и безъ всякіе охулы безъ подмѣсу, въ государевъ вѣсъ,— а всякая сапца по шти пудъ,— продали мы соль всякую сапцу по двѣ гривны, а въ розницу пріѣзжимъ продавали по 4 гривны» (Доп. къ А. Ист. II, стр. 138). Подробнѣе о сапцѣ можно читать въ Пермскомъ Сборникѣ, ч. I, стр. 124—128.

Арист.

Скалвы, скалы—вѣсовыя чашки или тоже, что нынѣшніе вѣсы. Въ церковныхъ уставахъ древне-русскихъ духовенству поставлено въ обязанность наблюдать «мѣрила торговыя, скалвы вощаныя, пуды медовыя, гривенку рублевую и на всякій годъ взвѣшивати» (Ист. Рус. Церк. Макарія, II, пр. 467; Рус. Дост. I, 78). Въ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами до 1263 г. сказано: «Пудъ отложихомъ, а скалви поставихомъ по своей воли и по любви» (Изв. Акад. Н. VI, 166; А. Эксп. I, № 16); въ торговомъ договорѣ Полоцка съ Ригой, около 1330 г., опредѣляется, «како вѣсити воскъ на скалвахъ», а въ 1407 г. условились «у Полоцку соль вѣсити на скалвахъ тымъ же вѣсомъ, что воскъ вѣсятъ» (Грам. кас. сношеній съ Ригой, № I, № VII). Въ своихъ путевыхъ запискахъ 1582 г. Трифонъ Коробейниковъ сообщаетъ: «Мѣрило праведное сотворено Соломономъ, кабы двѣ скалы висятъ, двѣ чаши великія черны, на желѣзныхъ цѣпяхъ, а валки безъ мѣры» (Сказ. Сахарова, II, VIII, 143).

Арист.

Солнечникъ, подсолнечникъ,—тоже что зонтикъ, который шили изъ разной матеріи. Русскіе видали его у азіатскихъ и европейскихъ народовъ. Въ 1567 г. казацкіе атаманы, Петровъ и Елычевъ, разсказываютъ, что въ китайскомъ городѣ Ширадени, какъ поѣдетъ воевода, то надъ нимъ

«держатъ солнечникъ тавтяной желтый»; а въ г. Потаѣ «какъ воеводы поѣдутъ ко храму или гулять... а надъ ними несутъ солнечникъ, камка желтая» (Сказ. Рус. Нар. II, VIII, 185). Солнечникомъ называли русскіе послы также балдахины, которые носили иногда надъ царскими особами за границей; такъ они описываютъ, что въ 1583 г. цезарь Рудольфъ пріѣхалъ 27 іюня въ г. Аушпоркъ (Аугсбургъ), «а надъ цесаремъ несутъ дробанты 6 человѣкъ солночникъ, камка желта угольчата, въ длину больши двухъ сажень, а поперегъ съ двѣ сажени, а называютъ его небомъ» (Пам. Дипл. Снош. I, 867). Въ древнихъ русскихъ былинахъ встрѣчаемъ у богатырей-красавцевъ и женщинъ богатыхъ тоже солнечникъ, который носили они отъ загару солнечнаго; такъ надъ матушкой Дюка богача и надъ Чурилой Пленковичемъ носили подсолнечникъ, какъ выражается былина, «чтобъ не запекло солнце бѣла его лица» (Илья Муромецъ, О. Миллера, стр. 565, 567, 605).

Арист.

Сусѣкъ—закромъ въ амбарѣ или въ клѣти. Въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго повѣствуется, что преп. Ѳеодосій говорилъ главному пекарю хлѣбовъ: «иди съглядаи в сусѣцѣ, егда како мукы обрящеши в немъ мало... Пометохъ сусѣкъ тъ, и нѣсть в немъ ничтоже, развѣ мало отрубъ въ углѣ единомъ,»—и вдругъ сусѣкъ наполнился муки, «яко же пресыпатися ей чрезъ стѣну на землю» (Чт. Общ. Ист. 1858, кн. 3; Пам. рус. литер. XII в. В. Яковлева, 1872 г., XLVI и дал.). Изъ этого видно, что закромъ, и въ старые годы, такъ же забирался въ стѣну досками, какъ строится теперь. О трудолюбивомъ инокѣ Ѳеодорѣ Патерикъ Кіевопечерскій сохранилъ такое преданіе: «Постави печерѣ жерновы, отъ сусѣка пшеницу взимаше и ту своима рукама измеляше... Заутра же в сусѣкъ муку отдаваше и паки взимаше жито»... (Рум. Музея 1462 г. № 305, л. 228. Пам. XII в. изд. Яковлева, CLXVIII). Ипатьевская лѣтопись подъ 1114 годомъ сообщаетъ: «въ царство Прова дожгьцю бывшю и тучи велиціи, пшеница съ водою многою смѣшена спаде, юже собравше насыпаша сусѣкы веліи» (П. С. Лѣт. II, 5). Въ актѣ 1629 г. упоминаются сусѣки въ соляныхъ анбарахъ Строгановыхъ (Доп. къ А. И. П. стр. 125); а въ Словарѣ Памвы Берынды сусѣкъ именуется ровъ, цистерна, яма (У Сахарова 100).

Арист.

Финляндія. Списокъ статьямъ и сочиненіямъ этнографическаго и археологическаго содержанія, напечатаннымъ въ прежнее и настоящее время.	Förteckning öfver uppsatser och skrifter af ethnografiskt och antiqvariskt innehall, tryckta i Finland i äldre och nyare tider.
Въ «Acta Societatis Scientiarum Fennicae».	J Acta Societatis Scientiarum Fennicae.

Томъ I. / Tomus I.

Гельстрема: Изслѣдованіе о найденныхъ въ Финляндской Лапландіи старинныхъ вѣсахъ, монетахъ и. т. д.

Undersökning om etti Finska Lappmarken gjordt fynd af gamla Vigter och Mynt m. m. af Hällström.

Томъ II. / Tomus II.

Гиппинга: Опытъ изслѣдованія Нѣмецкой области въ Финляндіи.

Utkast till en undersökning om Tyska laudet i Finland, af Hipping.

Гельстрема: Дальнѣйшіе матеріалы къ познанію найденныхъ въ Лапландіи старинныхъ вѣсовъ.

Ytterligare bidrag till kännedomen af de i Lappland funna gamla Vigterne, af Hällström.

Фонъ-Гартмана: Опытъ опредѣленія кореннаго племени обитающихъ въ Финляндіи народовъ, говорящихъ по-фински.

Försök att bestämma den genuina racen af de i Finland boende Folk, som tala Finska, af von Haartman.

Томъ III. / Tomus III.

Гейтлина: О восточныхъ монетахъ, найденныхъ въ Финляндіи.

Om österländska mynt funna i Finsk jord, af Geitlin.

Томъ IV. / Tomus IV.

Гольмберга: Этнографическіе очерки народовъ русской Америки. Первое отдѣленіе.

Ethnographische Skizzen über die Völker des russischen Amerika, von Holmberg. Erste Abtheilung.

Томъ VI. / Tomus VI.

Гейтлина, О древней куфической золотой монетѣ.

Om ett gammalt kufiskt guldmynt, af Geitlin.

Томъ VII. / Tomus VII.

Гольмберга: Этнографическіе очерки народовъ русской Америки. Второе отдѣленіе.

Ethnographische Skizzen über die Völker des russischen Amerika, von Holmberg. Zweite Abtheilung.

Гейтлина: О Магометанскихъ монетахъ Императорскаго Александровскаго Университета.

Om Kejserliga Alexanders-Universitetets Muhammedanska mynt, af Geitlin.

Томъ VIII. / Tomus VIII.

Коскинена: О давности Ливовъ въ Лифляндіи.

Sur l'Antiquité des Lives en Livonie, par Y. Koskinen.

Въ Матеріалахъ къ естествознанію, этнографіи и статистикѣ Финляндіи, издаваемыхъ Финляндскимъ Обществомъ наукъ.

J. Bidrag till Finlands Naturkännedom, Etnografi och Statistik, utgifna af Finska Vetenskaps-Societeten.

9-й Выпускъ. / 9-de Häftet.

Гольмберга: Списокъ и изображенія древностей финлядскихъ. I, Вѣкъ каменный. II, Вѣкъ бронзовый.

Förteckning och Afbildningar af Finska Fornlemningar af Holmberg. I Stenäldern. II. Bronsäldern.

Въ Матеріалахъ къ познанію природы и народа Финляндіи, издаваемыхъ Финляндскимъ Обществомъ наукъ.	J Bidrag till Kännedom af Finlands Natur och Folk, utgifna af Finska Vetenskaps-Societeten.
8-й Выпускъ.	8-de Häftet.
Фрейдентадя: О шведскихъ мѣстныхъ названіяхъ Нюландіи.	Om Svenska ortnamn i Nyland, af Freudenthal.
11-й Выпускъ.	11-te. Häftet.
Его же: О томъ же въ собственной Финляндіи.	Om Svenska ortnamn i Egentliga Finland, af Freudenthal.
Его же: О мѣстныхъ названіяхъ Аландіи.	Om Ålandes ortnamn, af Freudenthal.
Въ журналѣ: Суоми, издаваемомъ Финскимъ Литературнымъ Обществомъ.	Jtidskriften Suomi, utgifven af Finska Litteratursällskapet.
1846-й годъ.	arg. 1846.
Акіандера: О мѣстоположеніи рѣки Анкоперъ.	Om Ankoper flodens läge, af Akiander.
1847-й г.	arg. 1847.
Варелiуса: Матеріалы къ познанію Финляндіи въ этнографическомъ отношеніи.	Bidrag till Finlands kännedom i ethnografiskt afseende, af Warelius.
1849-й г.	arg. 1849.
Чельгрена: О священной рѣкѣ Вёганда въ Лифляндіи.	Om den heliga bäcken Wöhanda Liefland, af Kellgren.
Графа Крейца: Бригиттинскій монастырь въ Надендалѣ.	Brigittiner klostret i Nadendal, af grefve Creutz.
1852-й г.	arg. 1852.
Сальмелайнена: Краткое изложеніе священныхъ обрядовъ древнихъ Финновъ.	Wähänen kertoelma muinois Suomalaisten pyhistä menoista, kirj. Salmelainen.
1854-й г.	arg. 1854.
Мурмана: Нѣсколько объясненій о древнихъ суевѣрныхъ обычаяхъ и колдовствахъ Финновъ.	Nagra upplysningar om Finnarnes fordna vidskepliga bruk och trollkonster, af Murman.
1856-й г.	arg. 1856.
Линдстрема: Опытъ доказательства, что Рюрикъ и Варяги не были изъ Швеціи.	Försök att bevisa, det Rurik och hans Varäger ej voro hemma fran Sverige, af Lindström.
1859-й г.	arg. 1859.
Его же: Въ разныя ли времена Лопари и Финны поселились на сѣверѣ?	Hafva Lappar och Finnar pa skilda tider invandrat till Norden? Undersökning af Lindström.

Въ томъ же журналѣ новаго выпуска, 5-я часть.	J'samma tidskrift, Ny Följd: 5-te Delen.
Линдстрема: Имѣетъ ли древняя культура западной и сѣверозападной Европы финикіанское происхожденіе.	Är Europas vestra och nordvestra fornbildning ursprungligen fenicisk? Historisk undersökning af Lindström.
6-я ч.	6-te Delen
Альквиста: О культурныхъ словахъ финскаго языка. Лингвистическое пособіе къ древнѣйшей культурной исторіи Финновъ. Ст. 1-я и 2-я.	Om Finska sprakets kulturord. Ett linguistiskt bidrag till Finnarnes äldsta kulturhistoria, af Ahlqvist. Första och Andra Artikeln.
Линдстрема: Изслѣдованіе о шведскомъ населеніи Нюландской губерніи.	Undersökning om Svenska befolkningen i Nyland, af Lindström.
7-я ч.	7-de Delen.
Европеуса: Свѣдѣнія о древнихъ мѣстахъ жительства Финско-Венгерскихъ народовъ.	Tietoja suomalais-unkarilaisten kansojen muinaisista olopaikoista, kirj. Europaeus.
Университетскія диссертаціи.	Akademiska Disputationer.
Рейна: О древней Кареліи до завоеванія шведскаго. Або, 1825, 1826 г.	Rein, De vetere Carelia ante occupationem Svecanam. Aboae, 1825, 1826.
Его же: О народѣ Сумовъ, упомянутомъ въ русскихъ лѣтописяхъ. Або, 1827.	Rein, De gente Sumorum in annalibus russicis commemorata. Aboae 1827.
Рейнгольма: О древнихъ языческихъ именахъ и обрядахъ крещенія. Гельсингфорсъ. 1853 г.	Reinholm, Om Finska Folkens fordna hedniska dop och dopnamn. Helsingfors 1853.
Въ Абоскихъ газетахъ.	J Abo Tidningar.
1776 г. № 20: Древніе замки Финляндіи.	1776, № 20: Finlands fordna borgar.
1778 г. № 15: Древніе идолы Финляндіи.	1778, № 15. Finlands fordne Afgudar.
» № 18: О бывшихъ мѣстопребываніяхъ Лопарей въ Финляндіи.	« № 18. Om Lapparnes fordna hemvister i Finland.
» № 23: Описаніе Раумоской церкви.	« № 23. Beskrifning öfver Raumo kyrka.
1782 г. № 28: Краткое описаніе находящихся въ приходѣ Лайгела въ Остроботніи кургановъ.	1782, № 28: Kort berättelse om de i Laihela socken i Österbotten befinteliga sten-eller ättehögar.
1783 г. № 24: О могилахъ великановъ или Лопарей въ Остроботніи.	1783, № 24: Om sätte-eller Lappgrafvar i Österbotten.
1785 г., въ приложеніи: Грамота Государственнаго Совѣта отъ 1438 г.	1785. i Bihanget: Riksens rads bref

касательно замка Ванхалинна въ приходѣ Лундо.

Другія сочиненія:

Готлунда, Отава, въ двухъ частяхъ содержитъ многія статьи по этимъ предметамъ.

Его же: Чтеніе для Финновъ; заключаетъ также статьи археологическаго и лингвистическо-этнографическаго содержанія.

Кромѣ того, этотъ авторъ писалъ объ археологическихъ вопросахъ въ многихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Оффиціальной газетѣ Финляндіи за 1857, 1858, 1859 гг.

Бомансона и Рейнгольма: Древніе замки Финляндіи. I, Кастельгольмъ. Гельсингфорсъ, 1856 г.

af 1438. ang. ett Slott Wanhalinna i Lundo socken.

Andra skrifter:

Gottlund: Otava i 2 delar: innehaller flera uppsatser i hithörande amnen.

Gottlund: Läsning för Finnar: innehaller likaledes uppsatser af arkeologiskt och linguistiskt-etnografiskt innehall.

Utom i dessa skrifter har denne författare behandlat arkeologiska fragor i atskilliga uppsatser uti Finlands Allmänna Tidning arg. 1857, 1858 och 1859.

Finlands Fornborgar. I, Kastelholm. Helsingfors, 1856. (Utgifven af Bomansson och Reinholm).

Чеканъ—ручное оружіе, у котораго съ одной стороны топорикъ, а съ другой вмѣсто обуха—молотокъ; рукоятка его деревянная, длиною въ аршинъ. Въ путешествіи Арсенія Суханова 1651 г. говорится, что когда отправились они отъ Евфрата къ мѣстечку Схина, то Турчинъ собиралъ кафиру «и билъ многихъ Армянъ чеканомъ, и на меня Арсенія замахнулся, да не ударилъ» (Сказ. Сахарова II, Путеш. 216). Когда ѣхалъ воевода Семенъ Беклемишевъ въ 1667 г. на встрѣчу Стеньки Разина и попался ему въ руки на Волгѣ межъ Астрахани и Чернаго Яру: то воровскіе казаки «ограбили его безъ остатку и руку ему Семену чеканомъ прорубили и плетми его били» (Матеріалы для ист. возмущенія Ст. Разина. А. Попова. М. 1857, стр. 24; см. также Толковый Слов. Даля, IV, 536).

Арист.

Черезъ—кожаный толстый поясъ на подкладкѣ, шириною въ ладонь, внутри котораго хранили деньги, по преимуществу во время путешествія; онъ застегивался пряжкой, а иногда запирался замочкомъ. Какъ рано онъ употреблялся въ Россіи, опредѣлить пока невозможно; объ немъ не разъ упоминаютъ акты XVI стол. Такъ въ 1556 г. Иванъ Кобылинъ послалъ съ Коломны къ Вышеславцеву «съ человѣкомъ своимъ Серешкою на соблюденье въ черезу 30 рублей денегъ»; а Рясницынъ съ товарищи ограбили его на дорогѣ и деньги отняли (Доп. къ А. Ист. I, стр. 76). А въ 1587 г. высшее правительство писало въ с. Борисоглѣбское, Костромскаго уѣзда, Ивану Свербѣеву да Вешняку Дементьеву слѣдующее: «попъ Пер-

вой Зиновьевъ сказалъ Иванковыхъ Шигаля денегъ 24 р. въ черезу,—и вы де у того попа деньги 24 р. взяли бы» (Тамъ же, № 226).

Арист.

Чудь. Вещественные памятники, оставшіеся послѣ Чуди въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи. На жительство въ этомъ краю Чуди, въ древнее время, указываютъ нѣкоторые юридическіе акты XIV и XV столѣтій. Кромѣ того, въ церковномъ архивѣ Слободско-Воскресенскаго прихода сохраняется старинное описаніе этого прихода, гдѣ, между прочимъ, сказано, что у Чуди «еще при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ отъ Черемисы построены были городки: въ Шенкурской четверти два городка, Важскій и Тарнажскій, и въ Верховажской четверти два городка, и засѣки по лѣсамъ, острожки и башни подѣланы во всѣхъ четвертяхъ». Народъ дѣйствительно указываетъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда на остатки чудскихъ городищъ. Такими городищами особенно изобилуетъ та мѣстность въ Кургошинской волости, гдѣ находится селеніе Борокъ. Въ той же волости, неподалеку отъ деревни Нондрусской, возвышается въ лѣсу большой курганъ, по здѣшнему сопка, также по преданію—чудскаго происхожденія. Еще болѣе интересный курганъ находится въ 8 верстахъ отъ Шахановскихъ деревень; онъ состоитъ изъ высокой каменной насыпи, поросшей лѣсомъ и представляющей всѣ признаки глубокой древности. Встрѣчаются здѣсь и древне-чудскія кладбища; напримѣръ, близь деревни Корчелы есть поле, называемое могильникомъ, на которомъ попадались человѣческія кости и какія-то украшенія изъ мѣди. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ уѣзда крестьяне находятъ такъ называемыя громовыя стрѣлы—остатки чудскаго вооруженія. Мѣстное населеніе хранитъ не мало легендъ, относящихся ко временамъ Чуди, изъ коихъ однѣ отличаются полуисторическимъ, другія полумиѳическимъ характеромъ. Жители Усть-Паденской волости до сихъ поръ еще воспоминаютъ о новгородскомъ бояринѣ Анѳалѣ, который, передавшись Москвичамъ, ходилъ вмѣстѣ съ ними (около 1398 г.) грабить Заволочье. Провѣдавъ, что въ верховьяхъ одного изъ притоковъ рѣки Ваги засѣла Чудь, называвшая себя Шеренцами, онъ внезапно напалъ и перебилъ этихъ Шеренцевъ. Колотя ихъ, Москвичи приговаривали: «вотъ вамъ, Шеренцы»; отъ этого будто бы и рѣчка, гдѣ было побоище, получила названіе Вам-шеренги. Въ Петровской волости находится Троицкій приходъ, извѣстный подъ названіемъ Мехренскаго стана или Мехренги, окруженный дремучими лѣсами и непроходимыми болотами. Въ его первоначальныхъ поселенцахъ народное преданіе видитъ съ одной стороны Чудь, съ другой—разбойническія шайки Новгородцевъ, и послѣднимъ приписываетъ нѣсколько могильниковъ на пустынныхъ берегахъ р. Шорды. Здѣсь сохранилась между крестьянами легенда, запечатлѣнная характеромъ финскихъ сказаній, о мѣстныхъ богатыряхъ, братьяхъ Весѣ и Першѣ, бившихся съ разбойниками. Изъ нея видно, что въ этомъ краю происходила нѣкогда жестокая борьба между туземнымъ

чудскимъ населеніемъ и пришлымъ русскимъ элементомъ, навсегда потомъ порѣшившимъ съ Чудью.

Еѳим.

Юѳть хлѣба—хлѣбная мѣра, часто упоминаемая въ документахъ XVII вѣка. Юѳть хлѣба заключала въ себѣ четверть ржи и четверть овса; см. расх. книгу Печатнаго приказа 1628 г., за мѣсяцы сентябрь—декабрь (въ архивѣ Моск. Синод. типогр. № 7): «Книга росходъ окладной Печатново книжново приказу подъячимъ и печатныхъ книгъ всякимъ мастеровымъ людемъ нынѣшнего 137-го году, что кому имянемъ по окладу государева денежного жалованья и за хлѣбъ денгами по указной цѣнѣ: за четверть ржи по осми алтынъ по двѣ денги, за четверть овса по шти алтынъ по четыре денги; и обоего за юѳть хлѣба по пятнатцати алтынъ».

Рум.

Яблоки серебряныя, или серебряные шары. Они, нагрѣтые, теплые, употреблялись патріархомъ Іоасаѳомъ 2-мъ въ зимнее время, дабы руки грѣть, при богослуженіи въ соборномъ храмѣ Успенія Пресв. Богородицы. Въ приходорасходной книгѣ Монастырскаго приказа 1668 г. (Арх. Минист. Юстиціи, дѣла Монаст. приказа, № 7.), на л. 81, подъ 16 генваря, записано: «Выдано святѣйшему патріарху въ соборъ, какъ бываетъ въ службѣ, на яблоки серебряные мѣшечки здѣлать, камки бѣлой травчатой аршинъ безъ двухъ вершковъ въ длину, а поперегъ три вершка, для того, что святѣйшему патріарху въ службѣ руки грѣть». Тамъ же на л. 89 замѣчено еще: «выдано изъ казны камки индѣйской бѣлые на церковные яблочки полчетверта аршина». *)

Разум.

---

*) Извѣстіе любопытное. Въ Европѣ серебряныя яблоки употреблялись для нагрѣванія рукъ еще въ XIV стол. и въ послѣдующее время, а изъ документальнаго извѣстія 1502 года видимъ, что ихъ употребляли именно священнослужители, при совершеніи богослуженія въ зимнее время. См. Notice des émaux, bijoux et objets divers exposés dans les galeries du Musée du Louvre, par M. de Laborde, Paris, 1853, II, p. 456: Pomme a chauffer mains. (A) 1380. Une pomme d'argent à choffer mains en hyver (Invent. de Charles V)... (F) 1502. Pomum argenteum, deauratum, foratum in plerisque locis, habens receptaculum etiam argenteum, in quo solet poni ferrum candens, ad calefaciendas manus sacerdotis celebrantis tempore hyemali (Invent. de Laon).

Прим. ред.

Рисов. и печ. въ лит. П. Медвѣдева

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества.
Томъ IV. выпускъ 1-й. съ 3-мя литографическими снимками.

Цѣна перваго выпуска IV тома 2 руб.

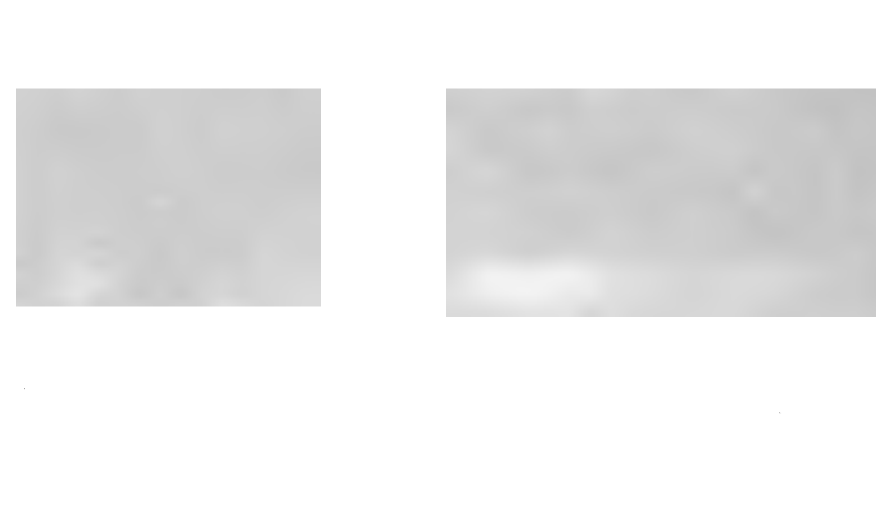
Продается въ Москвѣ, въ книжныхъ лавкахъ Соловьева и Глазунова и въ собственномъ домѣ Общества, на Берсеневкѣ, у большаго каменнаго моста.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія Общества:

1. **Древности**. Томъ I, выпускъ 1-й, цѣна 3 р.
2. — „ — „ Томъ I, выпускъ 2-й. цѣна 3 р.
3. — „ — „ Томъ II, выпускъ 1-й, цѣна 2 р.
4. — „ — „ Томъ II, выпускъ 2-й, цѣна 2 р.
5. — „ — „ Томъ II, выпускъ 3-й, цѣна 2 р.
6. — „ — „ Томъ III, выпускъ 1-й, цѣна 2 р.
7. — „ — „ Томъ III, выпускъ 2-й, цѣна 2 р.
8. — „ — „ Томъ III, выпускъ 3-й, цѣна 2 р.
9. **Археологическій Вѣстникъ на 1867 г.** 6 книжекъ. Цѣна 6 р.
10. **Описаніе Кіева.** Соч. Н. Закревскаго. 2 тома съ атласомъ. Цѣна 7 р.
11. **Труды перваго археологическаго съѣзда**, въ двухъ томахъ, съ атласомъ. Цѣна 25 р.

Въ Сvнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

Stanford University Libraries
3 6105 013 576 694
DATE DUE
STANFORD UNIVERSIT
STANFORD, CAL
94305